

18+

Александр Черенов

МЕМОУАРЫ ЛЮЦИФЕРА

Александр Черенов
Мемуары Люцифера

«Издательские решения»

Черенов А.

Мемуары Люцифера / А. Черенов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517510-6

Люцифер («Светоносный»), заклеимённый людьми Сатаной («Противником»), не выдерживает многовековых наветов — и берётся за перо. Он доказательно опровергает расхожие суждения о себе. Он вспоминает историю мироздания, человечества и своё участие в этих процессах. Но — и это главное — Он рассказывает о том, кто такие Бог и Сатана на самом деле. «Мемуары Люцифера» — это «действительно» воспоминания Того, кого нарекли Сатаной: сплав истории, философии, этики, теологии. И никакой проповеди сатанизма...

ISBN 978-5-00-517510-6

© Черенов А.
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	6
Глава первая	9
Глава вторая	12
Глава третья	17
Глава четвёртая	22
Глава пятая	24
Глава шестая	26
Глава седьмая	30
Глава восьмая	34
Глава девятая	37
Глава десятая	41
Глава одиннадцатая	45
Глава двенадцатая	49
Глава тринадцатая	54
Глава четырнадцатая	57
Глава пятнадцатая	63
Глава шестнадцатая	67
Глава семнадцатая	72
Глава восемнадцатая	76
Глава девятнадцатая	80
Глава двадцатая	86
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Мемуары Люцифера

Александр Черенов

© Александр Черенов, 2020

ISBN 978-5-0051-7510-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Дожил, нечего сказать. Докатился. До мемуаров. И не потому, что «бойцы вспоминают минувшие дни». И не чтобы поделиться со «сменой», хотя и есть, чем: доказываю, что я – это я! Что я есть!

Что вы за народ, такой – люди! Или мало я предоставил вам доказательств своего бытия, что надо предоставлять ещё одно?! И как: взявшись за перо! И кому?! Мне, Тому, Кто... как это, там... ах, да: «Альфа и Омега!» («Альфа» и «омега» – это буквы алфавита. Первая и последняя. Это я – на всякий случай: наша читающая публика – уже не самая читающая).

Один товарищ пел: «Вот пишу – а слёзы душат и капают...» Нет, не подумайте, чего: меня слёзы не душат. Напротив, хочется рвать и метать! Что и в кого? Всё, что попадётся под руку – в каждого «Фому». Я уже слышу их вопли: «Какие мемуары?! Какого Люцифера?!» Знаю я их: все накинутся. И с разных сторон.

Пастыри заявят, что Сатане, как действующему Князю мира сего, не до мемуаров. В связи с занятостью по основной работе.

Атеисты – те попросту начнут издеваться: «Это, какого Люцифера? Того самого, которого не существует – так же, как и того, против кого он якобы боролся?!»

Эзотеристы, вроде и подсластят пиллюлю, но тут же обзовут каким-нибудь «архетипом» и «эгрегором». «В переводе»: вроде и есть я – а, вроде, и нет. Так: «психическая конструкция».

Обидно, понимаешь! Честное слово: обидно! Да, как же «нет»?! Да, вот же, он – я! А то, что меня нельзя потрогать – так это... по причине тонкой душевной организации! И только!

Ладно... Хватит мотать сопли на кулак: пора браться за калам. А что делать? Пойду по стопам Аллаха. Как это, там, в Коране: «Аллах научил каламом людей тому, чего они не знали». Не знаю, научу ли я их... вас, то есть, но учить буду. Так буду, что вовек не забудете моей выучки. И в этой жизни, и в другой. Всему научу: и вежливости, и тому, что «здесь вам не тут».

Наболело! «Достали», попросту говоря! Сколько можно издеваться над человеком! Вон, даже у поэта душа не вынесла... этих... как их, там... «позора мелочных обид». Что уж говорить за меня?! Тем более что нанесённые мне обиды – совсем не мелочные! Какие же они, понимаешь, мелочные, если тебе заявляют, что тебя нет?! Ладно, сказали бы, что ты – «никто и звать никак»: рядовое оскорбление. А то: «нет тебя»! А другие на того, кого «нет», навешали столько собак, сколько на Земле и не рождалось!

Но это ещё куда ни шло. Это я бы ещё пережил. Но ведь меня ещё и Сатаной обозвали! «Противником», то есть! Это меня-то?! «Альфу» и «Омегу»?! И, ладно бы: просто обозвали! Так нет: сделали из меня, чёрт знает, что – чёрта! В диапазоне от мелкого пакостника до большого злодея! Ну, какой нормальный чёрт... то есть, нормальный человек... то есть, какой нормальный Сатана... ну, то есть, какой нормальный стерпит такое?!

И, главное: все накинулись! Хоть бы одна сволочь вступилась! Хоть бы одна проявила... ну, не сердоболие: понимание! Ни одной не нашлось... сволочи. А нет бы, вспомнить, что наречённый Сатаной даже в Писании – Ангел Света! Нет бы, подумать, что замухрышку, какого-нибудь, на такую должность не поставили бы! Значит, что-то было «такого»! Значит, что-то тут не так! Значит, надо разбираться – и хорошенько! Как говорили древние римляне, «*audiat et altera pars!*» – «Да будет выслушана и другая сторона!»

Но поскольку никто и не думает разбираться, придётся защищать себя самому. А что делать, если, кажется, всех устраивает статус-кво – кроме меня, разумеется? Авансом хочу предупредить господ критиков: вам ещё предстоит узнать, какой я «несуществующий» и какая я «совокупность умозрительных представлений». Думаю, вам не покажется мало... знаний.

Также считаю нужным огорчить любителей «сатанинской клубнички»: «клубнички» не будет. Не торгую. Я ведь – не этот... с рогами. Как говорится, не за того принимаете, граждане.

И вот ещё, что. Я пишу не научный трактат, а мемуары. Воспоминания, то есть. «О жизни и о себе». Но поскольку меня поливают грязью и из «научных источников», я не считаю нужным делать исключение для «поливальщиков». И не потому, что своих слов не хватает. Надо идти в ногу со временем: «прикладывать» гадов наукой! Хотя, как практик, я терпеть не могу теории. Да ведь на дворе – такое время, что без знаний – никуда. «Знание – сила».

И хоть минимум этих знаний – а «пиплу» дать надо. Не поймёт ведь без этого... умник... безмозглый. Это ведь – наука. Это – не матерками друг с другом обмениваться и обзывать Сатаной «Альфу» и «Омегу».

Только не надо говорить, что «Альфа» и «Омега» – он же «Дверь», «Свет», «Хлеб» – это другой. Тот, Который из книги. Я мог бы сразу выложить карты – да, какой интерес? Я ведь хочу – не обухом по голове, а чтобы сами дошли. Пусть даже за ручку – под моим водительством.

Скажу по секрету: я – не Сатана. Нет-нет: это – не признание в самозванстве! И «бумага написана правильно»! В смысле: мемуары – не от сочинителя образа, но от самого носителя. «Только нарушитель – это не нарушитель!» Не понятно? А, вот, прочитаете – поймёте. Может быть. Потом, какой роман – без интриги? Мемуары – тоже: это ведь не анкета для отдела кадров. Это – мемуары. Здесь так не принято. Сюжет надо разворачивать постепенно. Иначе что это за мемуары – на одно предложение?! А то получится, как у одного товарища, который вместо имени и прочих реквизитов велел написать на своей могиле такой «адрес»: «Не был. Был. Никогда не буду». Оригинально – но слишком, уж, лаконично.

Предвижу вопрос: «Если ты не Сатана, то – зачем же?! В смысле: с какого боку?!». А природа образа?! А генезис?! А то, что я – всего лишь носитель образа – да ещё, какого?! Об остальных причинах я уже сказал выше, об остальных пока умолчу, чтобы сказать в своё время. Исключение – одно: никакой я не Антихрист. Это заявление – не формата «Сам – дурак!»: зачем же так неинтеллигентно понижать мой статус?! Хотя бы потому, что Я был всегда – ну, как та «мама», которая «пусть всегда будет мама». А у Христа есть день рождения. Чувствуете разницу? Если, уж, с кем меня и противопоставлять – исключительно по недомыслию – так хотя бы «со Безначальным» Папой.

Предупреждаю возможные обиды: я критикую только критиков самого себя. Мне нет дела до религий. Хотя личностей богов придётся касаться. Но мне простительно, потому, что я...

Однако не будем забегать до забега: каждому овощу – свой рок. Скажу лишь, что меньше всего я хотел задевать чьи бы то ни было чувства. Кроме чувств тех, кто задел мои. Так что верующие могут отдыхать. Никого ни от кого я не отвращаю: сам ведь – объект веры. Можно даже сказать – символ.

Но я хочу сразу же заявить: не рассчитывайте на моё уважение. Не заслужили. Мне плюют в рожу – и я же: «Не изволите ли чего ещё?» Так, что ли?! Да, и в какую рожу: и той лишили! Лишили права иметь даже её! Итог: что заслужили – то и получите!

Так что моя прямота – не тактический приём. Не потому, что оскорбление трогает больше, чем похвала. Я отплёвываюсь не в расчёте на мазохизм читателей, не на то, что они будут любить меня тем больше, чем больше я буду на них гадить. Хотя один редактор и говорил мне, что большинство из читателей – таковы. Грязь им милее дифирамбов – даже в свой адрес. Так и напутствовал: «Крой» – и он твой! И, чем больше, тем лучше: «чернуха» идёт «на ура». Чем больше ты их «приложишь», тем больше шансов на Нобелевскую премию».

Но мне не нужна премия. Мне даже не нужна вера: мне нужно доверие. Как автору-мемуаристу. Как тому, кто пишет историю бытия, а не научную фантастику. По этой причине я и скриплю пером. А читать вы всё равно будете: любопытство заест.

Да, и вот ещё, что. У меня в тексте будут встречаться всякие, там, глаголы: «увидел», «услышал», «понял», «задумал». Так, вот, не обольщайтесь: это я снисхожу до вас. Поэтому – никаких фантазий насчёт «образа и подобия». А то ещё возгордитесь... Грубо? Зато правда.

Я не собираюсь заискивать перед вами. Заискивает тот, кто ищет любви, а я ищу правды. Тот, кто идёт за правдой, не может рассчитывать на любовь... всяких, там... Видите, как я объективен? А объективен – значит, прав. Как минимум – честен.

Ну, и «на посошок»: не ждите, что я опущусь до вас словом. «Косить» под «пипл» мне не пристало. Всяких «короче», «типа того», «это, блин» и прочих «как бы я как бы сказал» не будет. Природная интеллигентность не позволит мне пасть так низко. То, что я «приложил» вас в предисловии, ещё ничего не значит: стиль будет, как и положено, близкий к академическому. Так, что: подтягивайтесь – по ходу дела. То есть, слова.

Ну, вот, для начала хватит. Предисловие вышло, конечно, немножко эмоциональным, с «избытком сердца». Но это понятно: я ведь только начинаю работу. Да и мне извинительно: и мемуарист я – начинающий. Ещё не выработал стиль. Но скоро выработаю – можете в этом не сомневаться.

Раздав обязательные плевки, приглашаю читателей в увлекательное путешествие по волнам моей памяти. Так, что до встречи на страницах. Там и разберёмся, кто и что. Или: кому – что...

С неуважением и искренне не Ваш —
Автор-мемуарист

Глава первая

Пора начинать, но даже «излияние души» не успокоило. Сердце продолжает обливаться кровью. Вот жизнь, а?! Но делать нечего: взялся за гуж – зарабатывать свой куш. Доказывай, что ты – не верблюд, а совсем даже наоборот: Главный тут. К сожалению, уже не скажешь: «Какие, на хрен, доказательства: вон он, я!» А всё потому, что знаю, с кем имею дело. Так что – пойдём по вехам: иначе до мозгов читателя не дойти. Да и с мозгами... мда...

Так, с чего обычно начинают? Ах, да: с посвящения. Нужно дело. Надо лишь не ошибиться с адресатом. Одни посвящают свой труд жене. Другие – самые предусмотрительные – начальству. А я посвящаю себе. Прямолинейно? Тогда – так: Истине, которая есть я. Не самокритично? Ещё самокритики не хватало: с меня и критики – за глаза!

Закончив с посвящением, перехожу к собственно мемуарам. Первая фраза – как тот «последний бой», который «трудный самый». Первая фраза должна сразу цеплять. Намертво. Чтобы уже не оторваться. Поэтому начать надо как-нибудь покрасивше. Величественно. С намёком. В духе классики. Например: «В начале было Слово, и слово было с Богом, и Слово было Бог. И Слово стало плотью, и обитало с нами...»?

Нет-нет: я ещё не начал. Я же сказал: например. И, потом: не хватало ещё плагиатом заниматься! Как будто своих перлов мало! А, что, если так: «In nomine Dei nostri Satanas Luciferi exclesi...» Стоп, стоп, стоп! Во-первых, это – тоже плагиат, хоть и «от другого корыта». Во-вторых, это же латынь! Пусть и красиво, но латынь! А мой читатель в массе своей знает только два языка: русский разговорный и русский «разговорный»! Так, что надо «соответствовать». Увы: хочешь быть понятным – говори понятно.

Да, не такое это простое занятие – писать мемуары. Может, двинуть проторённой дорожкой? Путём среднестатистического мемуариста? Рассказать про папу с мамой, про трудное детство, про начало творческого пути?

Можно... если бы не одно «но». И рад бы «поделиться», да нечем. Всё младенчество с детством и юностью впридачу уместится в одно предложение – как строка анкеты: «Не был, не состоял, не привлекался».

К неудовольствию любопытствующих, я даже не могу повторить Эзопа, который на вопрос «Откуда ты родом?» ответил: «Из утробы своей матери». Насколько я понимаю в биологии, не было ни матери, ни её утробы. Равно, как и отца. Так что не писать мне о том, что мой папа был знатным механизатором (профессором), а мама – не менее знатной дояркой (женой профессора).

Единственное, о чём можно сказать, так это о начале. У всего есть начало. И у меня должно быть. Да, быть должно... но не было. Не было того момента, когда я впервые сказал себе: «Cogito ergo sum». «Я мыслю – значит, я существую». А всё потому, что я не могу сказать: «Помню, как...»

И не потому, что «что-то с памятью моей стало...». Не помню – потому, что всегда! Как это, в песенке: «Пусть всегда будет мама, пусть всегда буду я!»? Ну, с мамой уже разобрались. А вот насчёт «я» – очень верная мысль. Убрать «пусть», снять восклицательный знак – и вот она, сермяжная правда жизни. Моей.

Помните, я цитировал в предисловии одного юмориста? Ну, того, который «Не был. Был. Никогда не буду»? Так, вот отталкиваясь от него – но, идя от обратного – , я могу сказать о себе так: «Был. Есть. Буду». Можно добавить ещё: «всегда». Ко всем глагольным формам.

Какая отсюда «мораль»? Мораль простая – даже мой читатель поймёт: если родителей не было, но я, тем не менее, существую, то никто меня не создавал. О том, что некому было создавать, читатель уже догадался. После того, как я рассказал ему про папу с мамой. Только не надо умничать насчёт клонов: в наше время этого ещё не было...

И что же – «в сухом остатке»? А, вот, что: если меня никто не создавал, но я существую – значит, я тот, кого невозможно создать. И только по одной причине: я – Создатель. Не selfmademan – а именно Создатель. Только Создателя невозможно создать – потому что это его профессия. Потому, что я – Начало и Конец Всему. В смысле: Отсутствие Начала и Конца. То есть, Изначальная Бесконечность. Или же: Безначальная Сущность. Вечность, одним словом.

Конечно, это трудно понять человеку, который привык «мыслить» брюхом. Земными категориями, то есть. Но я постараюсь «дойти» – раз, уж, пошёл. Потому, что надо. Иначе – напрасный расход бумаги. Начнём «от печки». Или, как у вас говорят: «заглянем в глубь веков». Так вот, в древней – для вас – Греции жил такой мыслитель, по имени Аристотель. Среди его мыслей была и такая: о беспричинной причине, как начале цепи. Вряд ли кто-нибудь будет оспаривать тот факт, что цепь причин и следствий не может быть кольцеобразной, иначе каждое следствие было бы до и после своей причины. Отсюда: сколько бы звеньев не было в цепи причин и следствий, у неё либо было начало, либо она вообще не существует! Но цепь – хотя бы в виде постигаемого человеком мироздания – существует. Следовательно, начало её было – та самая «беспричинная причина».

Я не слишком «тонок»? И так уже стараюсь максимально упростить подачу. До уровня ликбеза. Так, что придётся читателю принять факт моей «безотцовщины» как аксиому. Как одну из составляющих моей Предвечной Сущности. Дико извиняюсь за выражение – но это я не из выпендрёжа: официальный термин. Не знаю, научный или нет, но официально принятый. Во всяком случае, в нашей среде. В какой, это? Об этом – в своё время.

Да, и вот ещё, что. Не надо круглых глаз и кривых ухмылок: я – в здравом уме. Я – не из «жёлтого дома», «палата номер шесть». Слово джентльмена: всё, что я сказал и скажу – правда. Я понимаю, что вопросов не избежать. Равно как и недоверия. Но для того я и здесь, чтобы объяснить и развеять.

Вопросы, которые могут задать мне, я задам сам. И не потому, что они такие, уж, неоригинальные. А потому, что других на месте читателя и не задашь. Например, такой вопрос: как я понял, что существую, и в какой момент это произошло? Отвечаю: никак и ни в какой. Ответил? Нет? Тогда поясню. Я – Мысль. Я. И моё Существование – неотделимый от мышления процесс. Отсюда: вопрос о постижении факта существования ко мне не применим. Потому что я мыслю всё своё существование. И существую, непрерывно мысля.

Поэтому в моём постижении себя нет исходного момента, нет «старта», как не будет и «финиша». Это – даже не лампочка: щёлк выключателем – и она зажглась. Тут есть начало. А у меня нет. Я сам – Начало. И себе, и всему сущему. Никакой мании величия: объективная реальность.

Уже продвигу вопрос. Относительно намёков на мою божественную сущность. Даже тот, кто не заподозрит меня в побеге из Кашенки, «зайдёт с другого фланга»: самозванствую. Опять присваиваю чужие лавры. Опять зарюсь на то, за что уже однажды пострадал – если верить Писанию.

Ничего я не присваиваю. Я – это я. И моё – это моё. И каждое моё слово – правда. Потому что я – Правда. Ну, вот, такой, вот: Правда. Что же до разъяснений: «будет вам и дудка, будет и свисток». В своё время. Читателю, как тому овощу, ещё нужно дозреть. До понимания того, что для меня – букварь, а для него – «китайская грамота». Только – без соплей: я ведь сказал, что дифирамбов петь не буду. Ну, разве, что – самому себе.

Следующий вопрос, который обязан вертеться на языке читателя: имя. Имя, под которым я выступаю, как мемуарист. Откуда оно? Кто его дал мне? То же, мне: бином Ньютона! Да вы же и дали! Вы – люди! Ветхий Завет нигде не именует противника Иеговы Люцифером: это имя дали ему уже христиане. К тому же, в результате некрасивого поступка. Хуже того: умышленной подтасовки.

Доказательства? Извольте! «Пророк» Исайя – пардон, но цитаты не избежать – в своей книге говорит не о Люцифере-Сатане, а всего лишь о царе вавилонском Навуходоносоре: «как упал ты с неба, денница, сын зари!». Речь – о конкретной судьбе конкретной личности ненавистного автору поработителя евреев.

Христианский теолог Иероним, делая перевод текста на латынь, подтасовал его. Там, где Исайя сравнивает царя с утренней звездой – Венерой, имевшей название Хелел (Заря) у евреев и Люцифер (светоносец) у римлян, он первую часть двенадцатого стиха переиначил: «Как упал ты с неба, Люцифер...». Так и пошло: Люцифер – он же Сатана. А раз упал с неба – значит, не просто так. Не сам: уронили. И пошло-поехало: язык-то – без костей. Как и башка – без мозгов.

Что же до моего имени, то, как тут не привести строки «Фауста» Гёте:

Фауст: «Как ты зовёшься?

Мефистофель: Мелочный вопрос,

В устах того, кто безразличен к слову,

Но к делу лишь относится всерьёз,

И смотрит в корень, в суть вещей. В основу».

Лучше и не скажешь. В конце концов, что такое имя? Всего лишь ярлык для обозначения той или иной вещи. Проще говоря – символ, условность, зачастую к сути предмета не имеющая никакого отношения. Не выражающая этой сути. Вещи можно назвать, как угодно – от этого изначальная их суть не изменится.

Это люди в силу своей убогости изобрели ярлыки, называемые «фамилия, имя, отчество». Не имея возможности подняться до постижения непостижимого, они захотели «приземлить» его, думая, что приближаются к истине. А некоторые решили, что могут жалкой кличкой определить сущность того, для кого они сами – даже не насекомые, а так: пыль незримая.

Не вижу необходимости прибегать к таким ничтожным средствам, как самоназвание. И никакая это не гордыня. Нет той массы подобных мне, из которой следовало бы выделяться. Я – Единственный. Точнее – Ипостась Единосущного.

И не пугайтесь слов: только на первый вид они такие «научнообразные». Даже, если вы не поймёте содержания, то уж в форме обязаны разобраться. А, если и это вам не по зубам – отложите книгу и займитесь, чем попроще. Например, ковыряйтесь пальцем в заднице.

Ещё раз об Иерониме. Обзывая меня «Люцифером», этот фальсификатор хотел ткнуть пальцем в противника Бога. Вернее, в того, кого он считал противником того, кого он полагал Богом. Здесь необходимы пояснения. И насчёт Бога, и насчёт противника. Того самого Сатаны: в переводе с еврейского оно и означает «противник». Это нужно сделать непременно – для того, чтобы понять, кто есть кто. Имя, как уже было сказано выше, само по себе мало, что значит. Главное – то, что вкладывается в него. Надеюсь, хоть это читатель понял...

Глава вторая

Идём дальше. Для начала – небольшой экскурс в историю человеческих заблуждений. Нет, я не собираюсь пересказывать школьный набор о первобытных людях, которых пугали явления природы, что, в конце концов, привело их к изобретению духов и богов. Вместо этого я предлагаю пойти дорогой познания, чтобы в конце её постигнуть, что есть «добро» и что есть «зло». Без этого никуда. Ведь именно это – главное в характеристике главных действующих лиц всех религий: кто «добрый» – тот Бог, кто «злой» – тот, как раз, напротив.

Предлагая этот путь, я руководствуюсь не только чувствами. Хотя, честно говоря: «достали». И дураки, и умники. И, ладно бы, дурили самих себя. Для внутреннего пользования. Это, как говорится – дело вкуса. Так ведь нет: народы мутят!

Сворачивая на дорожку познаний, я вовсе не отклоняюсь от обязанности делиться «воспоминаниями». Все мемуаристы отходят «от канвы» и углубляются в философские дебри, в исторические параллели. Через «общее» они пытаются объяснить читателю специфику времени, а также те или иные свои решения и поступки. Таков закон жанра, как объяснил мне уже упоминавшийся редактор.

Мне, тем более, есть смысл прибегнуть к таким пояснениям. А всё потому, что постижение читателем моей Сущности – главное в мемуарах. Хотя бы на уровне самых общих представлений. Не первобытных, конечно. Без этого понимания мемуары ничего не стоят: ни бумаги, ни времени. Ведь, не будучи понятым, я так и останусь ложно представляемым, удел которого: нести на себе груз клеветы и выступать в образе, созданном многовековыми потёмками сознания. (Как сказал, а?! Образец философской мысли! Шедевр словесности!)

В предисловии я уже дал признательные показания. В том, что я – не Сатана. Уточняю: я – не христианский Люцифер и не мусульманский Иблис. Только не «гасите» меня ухмылками. Успеете ещё... если успеете. Понимание таких вещей приходит не сразу. И не через разглядывание картинок: через постижение сути добра и зла.

Вон, он, вопрос вопросов: что есть добро, и что есть зло? Дико извиняюсь, но дальше пойдёт философия. А куда нам с ней деваться, если без неё – никуда?! Если без неё меня не понять?! Поэтому мы с ней и идём в массы. Но не хватайтесь за сердце: я постараюсь максимально адаптировать текст к серости вашего серого вещества. Знаю ведь, с кем имею дело: опять же – без соплей.

Почему я svoju главный вопрос к постижению этих категорий? Да потому, что и добро, и зло не только выступают в качестве материальных субстанций: при этом они ещё и персонифицируются. И всегда: субъективно. Именно непонимание этого и ведёт к появлению штампов и клейм, к созданию ложных образов и ложных же представлений о сущности их носителей.

Единства во взглядах на проблему добра и зла нет. И не только между людьми, но и... Но об этом чуть позже. (Заинтриговал?) Так вот: об отсутствии единства. Материалисты говорят, что добро и зло – это всего лишь оценочные суждения, понятия морального сознания.

Я, хоть и не теоретик, отчасти разделяю эти взгляды: испытал практикой. Хотя мне, как Идею и идеалисту «по определению», и не подобает делать такие признания. Безбожники утверждают, что мораль существует только у людей. Поэтому добро и зло в их представлении – совсем не императивы, а относительные понятия. С помощью идеи добра люди оценивают социальную практику и действия отдельных лиц. То есть, речь может идти только об оценочных суждениях людей – суждениях, не существующих объективно.

Тут весьма кстати напомнить читателю, что один из виднейших материалистов Ульянов-Ленин – к слову, я его хорошо знал – под «добром» разумел практику человека, когда мир не удовлетворяет его, и он своим действием решает изменить его.

Другой видный материалист и тоже мой знакомец – Фридрих Энгельс – писал о том, что представления о добре и зле так часто менялись, что нередко прямо противоречили друг другу. Это – к вопросу многовековых попыток абсолютизации этих категорий, равно как и попыток их превращения в догму и догматический материальный субстрат. (Дико извиняюсь за мудрёные термины – ну, вот, нечем их заменить!)

Расставляя знаки и распределяя понятия по полюсам, не следует упускать из виду такое обстоятельство: то, что для одних – зло, для других вполне может оказаться добром. И эта мысль – совсем не голая абстракция: история человечества даёт тому немало примеров.

То есть, добро и зло – соотносительные моральные понятия, употребляемые для положительной или отрицательной оценки явлений действительности. И всё! И вся мудрость!

Вот очень краткий, почти тезисный взгляд материалистов на проблему добра и зла применительно к человеку и обществу, в котором он живёт. Разобравшись с Землёй, попробуем охватить проблему шире. Подойти к вопросу, так сказать, глобально. В масштабах... ну, хотя бы макрокосма. Я, правда, определяю последний иначе: Беспредельность Внешнего Порядка. Это точнее отражает суть явления.

Как утверждается в приписываемой мне Библии, то есть, Библии Сатаны, моральные кодексы, подобно деревянным идолам прошлого – плод труда рук человеческих, и в них нет изначальной святости. Но, в таком случае, существуют ли «Добро» и «Зло» за пределами Земли, людей и их оценочных суждений? Пусть даже и не как материальные формы, но и не как исключительно моральные понятия? Иначе говоря: существует ли То, что соотносится с понятиями Добра и Зла? То, что олицетворяет собой Добро или Зло?

Ответить на этот вопрос и просто, и непросто. Простого ответа не получится, даже если отвечать просто. Особенно мне, как говорится, «здесь и сейчас». Боюсь надоест повтором, но от того, сумею ли я «дойти» до читателя, будет зависеть, сумеет ли он понять мою Сущность. А отсюда – и всё остальное.

Ведь применительно ко мне понятия добра и зла – отнюдь не абстракция. Это – квинтэссенция моей «безличной» Личности. Это – квинтэссенция споров о ней, как и о Личности Того, кого мне противопоставляют. (Слово «квинтэссенция», конечно, можно заменить подходящими по смыслу, но я делать этого не стану. Уж, очень красивое слово! Только вслушайтесь: «квинтэссенция»! Даже как-то сам себя уважать начинаешь! А если я заменю его словом «сущность»? Ну, никакого же сравнения! Сразу теряешь в сиянии).

Больше всего меня тяготит вопрос, найдёт ли в себе читатель мужество отделить истину от представлений о ней, большей частью, примитивных, ошибочных, а нередко и откровенно лживых? Пусть даже не мозги – только мужество: мозги я поправлю и текст упрощу!

Отсюда – совсем не схоластический вопрос: что есть Добро и Зло в масштабах вселенной (как минимум)? (Я «написал» слово «вселенная» с прописной буквы не в силу неграмотности. О причинах этого – позже. Так же, как и о вселенной, «как минимум»).

Хочу напомнить, что «добро и зло» – это еврейская идиома, обозначающая буквально «всё на свете». То есть, истолковывая это выражение буквально – а иначе и не выходит – приходишь к выводу о том, что «добро и зло» – две составляющие мироздания. Неразделимые составляющие.

Тут вполне уместно вспомнить теодицею астронома Лейбница, который говорил, что зло – благо для человечества, неразрывно связанное с добром. Мудро, но товарищ не был первым в очереди за Истиной. То есть, не был первым «отоварившимся». Первыми «у прилавка» оказались древние – относительно современного мира – персы.

(Я вынужден постоянно оговариваться: ведь то, что для человека – глубокая древность, для меня – ничто вневременного существования. Даже не миг – «на ваши деньги». Поэтому, если не получается задуматься – просто удивитесь. А, вот, смеяться не надо: умного смеха не получится).

Так, вот: персы действительно приблизились к постижению основ, но и только. Понять мироздание они не смогли, разделив единое на два враждующих начала: бога света Ахурамазду и бога тьмы Анхра-Майнью. Но в том, что оба начала вечны и неразрушимы, они были правы. Однако главная их заслуга заключалась в том, что они первыми из всех людей пришли к идее дуализма, то есть, равноправного существования добра и зла! Пусть в форме примитивной, далёкой от совершенства, но пришли!

(Всё, больше не извиняюсь! Если я использую научный термин или какое-нибудь интеллигентное словцо – значит, «не от хорошей жизни». Не для выпендрёжа, то есть. Значит, так надо. Значит, другого не нашёл, а мысль донести нужно!).

К сожалению, идея не получила развития: так и осталась на периферии. Осознание того, что добро и зло – это две силы, вращающие колесо жизни, пришло много позже. «Зло» считалось уже не «бревном» на дороге прогресса, но равноправным соавтором его!

В этой связи как не вспомнить мысли, изложенные в Каббале. Там добро и зло впервые были представлены как два проявления одной силы, которая выше их. Не совсем то, что есть в действительности, но уже «кое-что»! То есть, опять – тема вечной борьбы, в которой ни одна из сторон не может одержать победу. Я могу привести только одну аналогию из мира людей: борьба с самим собой. Помните: «Ведь я – это ты? – Нет, я – это лучшая твоя половина!» Или же борьба с намерением совершить что-либо – и противостоянием ему. И всё это – «в пределах» одного человека.

Этот взгляд удивительным образом согласуется с материалистическими представлениями, несмотря на всю, казалось бы, изначальную невозможность такого «единодушия». Материалисты утверждают, что источник вечного движения, развития и изменения материи – о ней позже – заключается в присущих ей внутренних противоречиях. Отсюда вывод о том, что движение материи есть самодвижение. Вот такой, вот, материалистический дуализм: единство и борьба противоположностей.

Идеалисты – тоже «на высоте»: по их представлениям, в жизни существует не один единственный процесс, а множество разных. Разрушительные процессы дают материал для творчества. Все творческие процессы рано или поздно переходят в деструктивные.

Отсюда с неизбежностью следует вывод о том, что добро и зло – условно обозначим это привычными для человеческого уха словами – это не отдельно существующие «силы тьмы» и «силы света», а «две стороны одной медали», «два – в одном». Это – двойственная природа единосущного, в котором всегда борются «плюс» и «минус», «да» и «нет», статика и движение. Всё то, что и составляет понятия Добра и Зла в их космическом значении.

Из всего вышесказанного может быть сделан только один вывод: Бог – двухипостасен. (Не хватайтесь за голову: или я разбрасывал жемчуг перед свиньями?! Подумайте хоть, прежде чем ужасаться! И не смейтесь над «ипостасью»: ну, вот – слово такое!). Одна его ипостась – это то, что представляется человеку, как Иегова, Христос, Аллах, Ормузд, Кришна и так далее. Другая – то, что определено как Сатана.

С трудом верится? Ну, почему же: верят же христиане в ещё более причудливую версию триединого божества: Отца, Сына и Святого Духа! То есть, в версию, постичь которую не представляется возможным с позиции человеческого «рацио». Версию, куда менее объяснимую и вероятную, чем вариант двухипостасного Бога. Который, к тому же, и не вариант вовсе, но аксиома. Больше того: который доказуем и в качестве теоремы.

Вот я и подвёл вас к тому, что должно было предшествовать собственно мемуарам: установлению Личности автора, предварив её установлением факта Личности как таковой. Даже не Личности: Сущности. Почему я говорю: «Сущности»? Да потому, что Личность предполагает материальную субстанцию, форму и образ, а таковых в моём случае нет! Нет и быть не может!

Кстати – о сущности. В который раз отвлекаюсь, но исключительно «на благо концессии». Для пользы дела. Так вот, эзотерики и материалисты утверждают, что Бог и Сатана – это вовсе даже не сущности, а всего лишь абстрактные понятия, удобные для описания картины мира. В их представлениях и Бог, и Сатана безличностны. Сатана, например – всего лишь архетип, своеобразный... как, бишь его?.. ах, да: эгрегор зла (выдумают же слово – язык сломаешь!)

Но речь об этом впереди. А вот насчёт «абстрактных понятий» хотел бы возразить прямо сейчас. Ребятки, за оскорбление можно и по шее схлопотать! А за святотатство – и генну огненную! Я – не абстрактное понятие. Я – конкретен и реален. Непостижим, безличностен – да, но от этого не менее реален!

Если вам недостаточно моих слов, вспомните хотя бы Филона Александрийского! Он первый сказал, что Бог – это трансцендентный творец, непостижимая для разума духовная сила, безличная и бестелесная. Обидный парадокс: Высший Разум ищет подтверждение факта своего бытия у людей! А что поделаешь, если в массе своей люди – это «пипл», который «думает» телевизором! Не обижайся, читатель: то ли ещё будет!

Так, кто же я? Добро – или Зло? Наверно, поняли уже: ни то и ни другое. Я – тот самый Творец, о котором говорит Писание. Но не Творец «мироздания», то бишь, этой вселенной, а Творец Универсальный. Творец Всего и Вся. Трансцендентный Творец трансцендентного. Творец Единосущный, но в двух Ипостасях. Как «да» и «нет» в одном человеке.

Вопрос – для двоечника: в природе существует добро и зло? В мире животных и растений? Хоть в каком-нибудь виде? Хотя бы как оценочные категории? Нет, в природе существует гармония. И даже смерть в ней не есть зло, потому, что смерть – всего лишь финал жизненного цикла.

Вот и выходит, что правы материалисты, когда говорят, что добро и зло – суть категории оценочные. Явления космического порядка – не исключение. Не существует никакого «материализованного» «Добра» и «Зла»: есть только борьба противоположностей, оцениваемая в мире людей этими сравнительными категориями.

Вот и получается, что, как Творец Единосущный, Бог – это я. Я – это Бог. Один-единственный. Другого нет и не будет. Есть и буду только я. Пусть даже я – «всего лишь» одна из двух Ипостасей Бога, но Бога Единосущного. Ибо Творец – это две стороны Единосущного, которые невозможно разъять, и которые не могут существовать одна без другой.

Это – как левая и правая стороны одного тела. Только благодаря этим двум ипостасям, их взаимодействию и противостоянию и существует всё то, что существует. Прекратись это сотрудничество и эта вражда – прекратится и сама жизнь. В этом смысле двухипостасный Единосущный – действительно «Начало и Конец всему», «Альфа и Омега».

Что же – до Сатаны... Такого Сатаны, каким его «подают» существующие религии, не было, нет и не будет. Ни я, ни Другая Ипостась – никто из нас не Сатана. И вне нас его нет. Предвижу вопрос: а что есть? И почему, в таком случае, я, как мемуарист, выступаю под именем и от имени Люцифера?

Отвечаю: зачем покупать билет в мягкий вагон, если бежать впереди паровоза? Вопросы надо ставить уместно. Всему своё время. Нет, я могу ответить прямо сейчас, да боюсь, не поймете и не поверите. И тогда мне придётся заходить на новый круг объяснений, действуя с позиций оправдывающегося. Позций, заранее невыгодных.

Некоторые только и ждут этого. Не дождутся: мне не в чем оправдываться. И объясняться – не в чем. Моя цель другая: объяснить. Согласитесь, что «объясниться» и «объяснить» – не совсем одно и то же?

Почему вы должны верить мне? Не должны, но вам ничего другого и не остаётся. Если, конечно, у вас есть хоть капля мозгов. Сами подумайте: ну, какой мне смысл обманывать вас? Я, хоть и Бог, но не библейский персонаж. Вымогать «богобоязненность» вашу и жертвенных баранов я не собираюсь. Не нужны мне ни «портреты» в «красном углу», ни композиции

из креста и тела. Я всего лишь хочу защитить свою честь. Неловко говорить об этом Ипостаси Высшего Разума – да куда денешься?

Да и насчёт Ипостаси... Нет, я не о том, что это такое и «с чем его едят»: объяснил ведь уже. Я – о другом. О том, что кто-то обвинит меня в желании повыпендриваться, поумничать. Упрёк в духе «Аркадий, не говори красиво!»

Не скажу ничего за желание поумничать: на фоне моих читателей сделать это – раз плюнуть. Но много лишь в том чести? А я всего лишь храню верность стилю. Каждый мемуарист хочет «завернуть» слово позаковыристей. Каждый хочет показать свою учёность. Даже тот, у кого её, отродясь, не было. Но ведь учёность – это не умничанье. Это не «фасон». Чем я хуже какого-нибудь старичка, который на сбор красивых слов потратил больше времени, чем на воспоминания? Мне и искать не надо: всё – под рукой. (Примечание для самых недалёких: последняя строка – намёк на интеллект и образованность).

Да, и потом: честно говоря, приятно сознавать, что ты – не хрен собачий, а Ипостась! Звучит-то, как: Ипостась!

Глава третья

Люблю, грешным делом, умные мысли. Даже чужие. Например, римляне говорили: «Via est vita» – «Дорога – это жизнь». Применительно к процессу движения. Это утверждение можно без натяжек адресовать и явлениям трансцендентного порядка. С чего всё началось? С первотолчка, то есть, с движения, пусть даже и на уровне мысли. Как это, в Коране: «Когда Аллах решит какое-нибудь дело, то лишь скажет ему „Будь!“ – и оно бывает!»

Итак, «откуда есть пошла земля...». Ох, уж, этот вопрос вопросов! Человечеству он не давал покоя даже тогда, когда за одну только его постановку любопытствующим полагался костёр. Ответ на него искался тысячелетиями. Искался – и не находился. А, между тем, ответ простой: началось всё с желания и нежелания эксперимента. То есть, с явления двустороннего. Желание исходило от меня, нежелание – от моего Alter-ego.

(Даю перевод: «Другое Я»). В процесс оказались вовлечены обе Ипостаси Единосущного. В борьбу с самим собой, от которой всё и произошло.

Насчёт Ego и Alter-ego. Признаюсь: другая моя Ипостась считала Ego себя, Alter-ego – соответственно, меня. Но это – хамство. Идея эксперимента исходила от меня, движущая сила процесса – я, другая Ипостась лишь противодействует ему – и я же Alter? Ну, уж, нет: «командовать парадом буду я»! По части наклеивания ярлыков.

Идея эксперимента возникла, как следствие постижения девственной пустоты, Ничего, в котором пребывали мы с моим Alter-ego предвечно. Ego, то есть другую Ипостась Единосущного, вполне устраивало состояние трансцендентного покоя, Абсолюта Неизменности и Существование Ничего. (Во, завернул!) Ego вполне устраивало Сущее Нечто. Таково было его понимание Миропорядка – хотя и Миропорядка ещё не было. Если, конечно, не считать Ничего Миропорядком.

Идея, естественно, не встретила понимания с его стороны. Он не хотел быть внешним по отношению к чему-либо, кроме самого себя. Если что и занимало его, так это лишь постижение своей непреходящей сути. И мне пришлось начать «внутреннюю работу», продолжительность которой человек постичь не в состоянии.

Именно эта «внутренняя работа» положила начало «битве Света и Тьмы», о которой впоследствии, сколь красочно, столь и неправдоподобно будут повествовать всевозможные Писания. Как, например, в древнееврейской картине мира, где Сатана появляется и орудует как вечный антибог, который постоянно стремится разрушить сотворённое и восстановить хаос. Версия – забавная, но не оригинальная: этот Сатана – явно вторичен по отношению к вавилонскому божеству Тиамат.

А в действительности имела место борьба двух проявлений Единосущного, двух его «я». Как тут не вспомнить Каббалу: мир вещей – это эманация (истечение) божественных сил (книга «Зогар» – «Сияние»). Редкий случай, когда истина совпадает с представлением о ней.

Так вот: Alter (это я его так для краткости) не хотел «истекать». Но я его вынудил. Работой мысли. Вынудил – и вовлёк в процесс. И чем большую активность проявлял я в делах, тем большее сопротивление встречал с его стороны. То есть, моя активность порождала встречную. Alter «проснулся» – и уже не «засыпал».

Скажу сразу: чуть-чуть, на мизинец, известная человечеству вселенная – далеко не первый продукт нашего совместного «творчества». Кто-то из читателей наверняка знаком с теорией множества «космических яиц». Тех самых, которые последовательно сменяют друг друга. Так вот: нынешняя вселенная – лишь одно из звеньев в этой бесконечной цепи, лишь результат работы с одним из таких «космических яиц».

Мы с Alter-ego не сразу использовали тот материал, который был применён в строительстве этой вселенной – несмотря на то, что он был, что называется «под рукой». Для предыду-

щих вселенных использовался другой материал. Даже не так: не «другой материал», а «другие материалы». Чаще всего использовалось то, что поэты и философы назовут потом «Воля и Разум». Хотя в действительности так оно и было: Воля создала всё то, что проектировал Разум.

Полученный результат вполне удовлетворял Alter-ego, но не меня. Почему? Да потому, что это был стерильный, «правильный» и полностью контролируемый «мир», который и контролировать-то было незачем: нечего было контролировать. И некого. Ведь всё созданное являлось продуктом воображения, «слепком» сознания. Стоило только представить себе другой «мир» – и предыдущий тут же переставал существовать.

Очень удобно: минимум «трудовых затрат» – и никакого беспокойства. Сделал дело – дрыхни смело. Можно опять предаваться беспредельному самосозерцанию. Да и оппонент – я, значит – должен быть удовлетворён: навстречу пошли, мир создали – сиди и не рыпайся!

Но Мой Недруг – а как ещё иначе: Недруг! – понимал, что такой «миропорядок» – это лишь картинка, красочный фон для своего предвечного существования. И ещё он понимал, что такой «миропорядок» меня никак не может устроить: уж, такова моя Сущность.

А я, в свою очередь, понимал, что его совершенно не устраивает мысль о продолжении работы. Тем более – в направлении, категорически чуждом его представлениям о порядке. Он ведь полагал себя Абсолютным Воплощением Идеи Порядка, который я собираюсь нарушить и свергнуть Предвечное в хаос.

Выбор был невелик: или консенсус, или борьба. Борьба двух Ипостасей Единосущного. Но пока хоть как-то можно было согласовать разнонаправленные проявления Ипостасей – это следовало делать. И, в конце концов, это было сделано.

Мы решили... Сразу оговорюсь: никакого решения, разумеется, не принималось. В общепринятом смысле. Мы ведь не общались друг с другом. Никак. Даже мыслями не обменивались. Alter в упор меня не замечал. За всю вечность даже «словцом» не обмолвился. А контакт проявлялся только в форме реакции.

На практике это выглядит так. Я «говорю», что предлагаю сделать то-то и то-то. В ответ – ни гу-гу. Но я знаю, что он меня «слышит». И когда я начинаю работать и встречаю хоть сопротивление, хоть соучастие – значит, «разговор» состоялся.

Так вот: мы решили сотворить новый Объект. Вселенная, как ни крути – объект. На этот раз в качестве «сырья» попробовали более «вещественный» «материал»: Ничего. Пустоту. Невероятно? Ну, отчего же. Ведь недаром впоследствии люди даже шутить будут на тему: «что такое ничего, и как из него сделать что-то?» Задумывались, выходит: и над вопросом, и над принципом работы.

Спрессованная, высококонцентрированная, сжатая до сверхплотного вещества пустота была первым «вещественным» материалом, использованным нами в «строительстве» очередной вселенной. И хотя эксперимент не принёс удовлетворения ни одной из Ипостасей, он не пропал втуне. Хотя бы потому, что дал основание реализовать другую идею.

Здесь я беру тайм-аут. Чтобы очередной раз «упасть ниже нуля». Объясниться с читателем, то есть. (Шутка. В которой – доля шутки).

Мой критик уже, наверно, ухватился за слова «втуне» и «позволил». Не мог не ухватиться: такой случай «вывести на чистую воду» Самих Единосущного! Ну, не согласуются эти слова с Божественной Сущностью Ипостасей, с самой Идеей Высшего Разума! Разума, который всё знает и всё умеет изначально, предвечно. Который не может ошибаться, поскольку он сам – Начало и Конец Всему.

Не буду в своих возражениях пользоваться ссылками на несуразности в писаниях, только подтверждающие доводы эпизодической несостоятельности божеств. Не буду этого делать хотя бы потому, что «писания» – дело рук человеческих, и руководствоваться ими в апологии Высшего Разума как-то несолидно.

А на критику отвечу так. Да, Я – Высший Разум. Да, я знаю всё, что было, что есть и что будет. И я не совершаю ошибок. Я не могу их совершать «по определению». Не следует принимать за ошибку тот или иной промежуточный результат Эксперимента: библейское представление о Господе тоже создало Лилит прежде Евы. Чем не довод?

Мы с Alter-ego, конечно, могли проявить все идеи сразу. Все, которые были, есть и будут. И материализацию их – тоже. Но мне нужно было тактично подвести Недруга к восприятию наиболее перспективной идеи – и я убедил его, что в процессе эксперимента одна идея должна заступать на место другой. Как очередной шедевр из запасников музея. А вы, что думали? Неужели вы полагали, что идеи рождаются? Это у Высшего-то Разума?! Если это так – какая бестактность! Нет, даже: какое кощунство!

Да, мною двигал умысел. Я хотел создать Объект, который бы подчинялся собственным правилам – без вмешательства извне. Это даже не момент: главная цель Эксперимента. Я знаю и вижу всё. Я знаю и вижу все ступени: зарождение, развитие и смерть Объекта – но не буду вмешиваться ни в один из процессов. Так было задумано изначально.

Эксперимент, пущенный на самотёк? А, что такого? Вон, мой библейский образ – лишь отчасти Провидение. И Его Промысел – лишь отчасти таковой. Подшефным была дана значительная свобода действий. И даже в книжке они настолько разошлись, что «образ» раскаялся в их создании. Так и я: ради «чистоты Эксперимента» решил предоставить Объекту право развиваться автономно, не направляя каждый его шаг своей Волей и Разумом. Управляемый эксперимент – это скучно. А мы с Alter-ego должны были находиться по отношению к Объекту примерно так, как, в представлении Эпикура, боги древних греков относились к мирозданию.

У него, если помните, боги обитают в так называемых «интермундиях» – «междумирьях» – заняты своими делами, и никакого отношения к проблемам внешнего мира не имеют.

Конечно, речь могла идти об «автономии» только в пределах конкретного мироздания. Относительная «самостоятельность» вселенной ограничена явлениями Внешнего Порядка. Судьба её предопределена.

Но в рамках этой предопределённости она вполне автономна, и может развиваться своим собственным путём. Хоть и к неизбежному концу.

Отсюда – вопрос: допускаю ли я в рамках этой самостоятельности отклонение Объекта от Воли Создателя? Да, допускаю. Иначе незачем было «городить огород» с устройством Эксперимента. Можно было ограничиться картинкой – наподобие той «вселенной», что была создана по настоянию Alter-ego. Значило ли это, что я буду в неведении о путях развития Объекта? Нет, не значило: мне всё известно – было, есть и будет.

Я уже объяснил одну из причин вынужденной последовательности моих шагов. Надеюсь, уже понятно, что русская идиома «хорошая „мысль“ приходит опосля» – не под этот случай. «Мысль» была в наличии. В ряду себе подобных. Но реализоваться она не могла из-за центробежных тенденций, присущих обеим Ипостасям. Отсюда – и моя тактика, и моя тактичность в отношении Alter-ego. Для преодоления его сопротивления требовалось время и последовательность шагов. Как в любом вероучении божество вступает в противоборство с оппонентом: Иегова – с Люцифером, Аллах – с Иблисом, так и в Беспредельности Внешнего Порядка одна Ипостась, стремящаяся к изменениям, вступает в противоречие с другой Ипостасью, довольной существующим порядком вещей. Характер противостояния отнюдь не свидетельствует о моей слабости. Это только лишний раз подтверждает двуединую сущность Творца.

Как я пришёл к мысли о самоуправляемом Эксперименте? Ну, во-первых, «не пришёл», а вытащил мысль из себя, как вещь из кладовки. А во-вторых... Эксперимент со сверхплотным веществом пустоты привёл к созданию законченных форм космических тел, неспособных развиваться дальше – тем более, самостоятельно. То есть, неспособных дать начало циклу химических превращений, определяемых понятием «жизнь». А это направление представлялось мне единственно перспективным.

Alter был не в восторге от идеи продолжения Эксперимента. Тем более, в том направлении, которое наметил я. Он считал, что дело это – хлопотное и неблагодарное. И не хуже меня он знал финал этого, ещё несотворённого, творения. Как говорится: «стоит ли овчинка выделки»?

Вопрос, конечно, интересный – но уж больно скучно «шить тряпичные куклы» и «лепить глиняных человечков». Или Мы – не Бог?!

В конце концов, Alter согласился на продолжение. Но только при одном условии: он не вмешивается в ход лишь до тех пор, пока не появится разум. Правда, мне удалось ограничить пределы его вмешательства тем, что оно не будет носить характера прямого действия. Alter обязался воздействовать только на сознание разумных существ. И то – лишь тогда, когда они «дозреют» до этого. Никаких «заветов», никаких «культов», никаких инструкций.

Поводы для вмешательства определялись заранее. Это могли быть лишь такие действия, которые ставили бы под угрозу естественное течение Эксперимента. Других оснований не предвиделось. Даже – в плане развития мозга тех существ, которые неизбежно должны были появиться в ходе Эксперимента.

В качестве материала для создания новой вселенной я предложил использовать частицу нашей Божественной Сущности: от нас, Предвечных, Вечных и Беспредельных, не убудет. На этот раз Alter противиться не стал. И лишь потому, что просчитал шансы на успех. Свои шансы на свой успех: ведь в частице Сущности будут заключены наши противоречия. Он полагал, что это даст ему возможность контролировать не только течение Эксперимента, но и мои шаги.

Под «шагами», конечно, не следует понимать физическую работу: речь идёт лишь о работе мысли. Точнее: Разума. Мы, как две Ипостаси Единосущного, можем скрывать друг от друга свои мысли, но только до момента их проявления. Это и позволяет одному делать ход, а другому – отвечать на него.

«Сказано – сделано». Частица нашей Самости была рассеяна в той части Беспредельности, которую мы наметили для создания вселенной. Таким образом, строительным материалом стало вращающееся газопылевое облако из частицы нашей Сущности, которое сжималось под действием собственного гравитационного поля.

И пятнадцать миллиардов лет назад по земному летоисчислению вселенная стала очередным «космическим яйцом», которое уплотнилось до такого состояния, что взорвалось с высвобождением огромного количества энергии. По мере остывания стали образовываться фундаментальные частицы вещества. В конце концов, в результате появления и взаимодействия элементарных частиц образовалась материя. И нынешнее состояние материи возникло не из ничего, а из сверхплотного и сверхгорячего состояния её.

То есть, материя – Бог материалистов – это частица Сущности двухипостасного Творца. Отсюда, как ни забавно, материалисты – это де-факто идеалисты. А мы с Alter-ego – отчасти материалисты. Ведь материя – частица нас.

Не пугайтесь, граждане: я не собираюсь давать лекцию по физике и космогонии. Моей целью было показать не столько, как это произошло, сколько, почему это произошло. Ведь уже из одного этого факта можно сделать вывод о том, что существующие религии неверно расставили «полюса».

Я, объявленный много позже Люцифером, оказался более прогрессивен, чем тот, кого невежество людское противопоставило мне как «Бога». Ведь этот «Бог» желал – и желает – сохранить порядок вещей неизменным. Как и Alter-ego. Это я породил движение: от простого – к сложному, от невежества – к прогрессу. За меня говорит и второе начало термодинамики: во вселенной определяющим является движение от порядка к беспорядку. Количество беспорядка – энтропия – постоянно увеличивается. Вселенная движется от Космоса к Хаосу – в направлении, противоположном тому, которое утверждают библейские сказители.

Но Хаос – это не бардак. Для того чтобы понять это, соотнесите «беспорядок» с так называемым «порядком». С Несуществующим Ничем. Ибо Абсолютная Гармония – это Гармония Несуществования и Ничего, где всё согласовано идеально, потому, что и согласовывать нечего. По причине отсутствия предметов согласования.

Да и потом: движение к Хаосу как явлению макрокосма – это не есть движение никуда: это движение к новой вселенной, которая возникнет из руин своей предшественницы. Следовательно, это движение – часть никогда не прекращающегося акта Творения. Даже не акта: процесса.

Из всего этого следует один-единственный вывод: я, «задрапированный» Люцифером, много прогрессивнее того, кого полагают Богом. Я и есть прогресс! Что же – до Бога... Ошибка вышла. Со знаками: там, где надо было поставить «плюс», вы поставили «минус»!

Глава четвёртая

Уже с первого знакомства с писаниями, у читателя, полагающегося на мозги, а не на толкователей от сутаны и прочей «спецодежды», неизбежно возникает «крамольный» вопрос: а, чем, собственно говоря, занимался Бог до сотворения вселенной? Как-то обходят писания предшествующую деятельность Создателя. Ведь библейскому Богу для сотворения Вселенной потребовалось шесть дней. Аллах и вовсе уложился в один.

Не обязательно быть еретиком, чтобы задать вопрос: а до этого? До этого момента чем занимался будущий Творец? Дополнительную остроту вопросу придаёт тот факт, что Бог-то – Предвечный. То есть, существовавший всегда – и даже «до начала времён».

Ответа на этот вопрос писания не дают. Он почему-то не заинтересовал их авторов. Это создало будущим толкователям немалые проблемы: надо ведь домысливать труд, изначально «священный». Труд, который, по вероучению, не есть плод рук человеческих: ответственность-то, какая! Не говоря уже о сложностях с доказательственной базой.

А объяснять нужно. Вот и начинают: неуклюже и скороговоркой. В основном, полагаясь на воображение и красноречие. В результате появляются совсем уж несерьёзные сюжеты на тему предшествующей деятельности Создателя. Вроде занятости «по линии ангелов». Всё это заключается утверждением о том, что сия многотрудная деятельность потребовала от Бога невероятного количества времени, непостижимого уму человека.

Правда, среди подобных заявлений попадались и другие. Вроде того, с которым выступил Августин Блаженный, когда в ответ на вопрос «Чем же занимался Господь до Сотворения мира?» гневно бросил: «Создавал ад для тех, кто задаёт подобные вопросы!» Вот так, вот: честно и откровенно. Как минимум, не лишено оригинальности.

Конечно, можно было ответить на этот вопрос, не прибегая ни к фантазиям, ни к угрозам. Например, заявить о том, что Господь беседовал со своим беспредельным «Я». Так сказать, постигал самого себя. Готовился к будущей созидательной деятельности.

Подобное разъяснение выбивало бы почву из-под ног критически настроенных индивидуумов. Хотя бы потому, что не содержало в себе никакой конкретики. Тем более – уязвимой. А это, свою очередь, не позволяло бы переходить к ещё более «крамольным» вопросам, ибо не давало бы для них никакой «пищи».

Подобные суждения нередки в среде богословов. И отчасти ребята правы. И постижение своего «Я», и подготовка к конкретным делам действительно имели место. Вывод об этом читатель уже мог сделать сам.

Но не это было главным в предшествующей деятельности Высшего Разума – можете мне поверить. Да и кому верить, как не мне – Самому (ударение на «у») Высшему Разуму?! Главной её составляющей была борьба с Alter-ego: без этого не было бы ничего. А борьбу со своим Вторым Я невозможно определить временными рамками: она и в человеке идёт всегда – что, уж, тут говорить о Предвечном!

Не следует забывать и о том, что время – это всего лишь свойство материи. И до сотворения материи не было времени. Поэтому я мог бы ограничиться в своём ответе лишь ссылкой на эту аксиому. И ещё: так как речь идёт о явлениях Внешнего Порядка, то к ним неприменима не только привычная «земная» конкретика, вроде систем измерений по типу «год, месяц, день», но и представления о времени как таковом! Вообще!

Для Творца, как Высшего Разума, не существует понятий «до того», «в продолжение того» и «после того». Высший Разум пребывает одновременно во всех временах – и он же находится вне времени. Как бы над ним. «Физически» представить это можно даже неподготовленному человеку: ведь современные материалисты утверждают, что время обладает плот-

ностью и направленностью движения. То есть, его можно представить в форме некоего тела, производного от материи и являющегося одним из её проявлений.

Отсюда – вывод: имей теологи хотя бы толику этих знаний, им не пришлось бы «трудноустраивать» своих «богов» на работу по созданию ангелов, равно как и определять их на собеседование с самими собой. И, уж, совсем не было бы необходимости пугать любопытствующих «Геенной огненной»! Ведь уход от ответа, каким бы хитрым он ни был – не ответ. Когда-нибудь человечество обязательно поумнеет. И никакие «вразумления» не могут прекратить биения мысли в мозгу. На место одного претерпевшего за правду непременно заступит другой.

И потом: не следует забывать о том, что нынешняя вселенная – именно так: с прописной буквы – конечна. Она – всего лишь жалкий эпизод в бесконечном процессе Творения. В самой этой констатации уже заключён ответ на «крамольный» вопрос. Уже одним этим можно было исчерпать любопытство среднестатистического читателя.

Да, и вот ещё, что. Процесс Творения – далеко не такой простой, как, например, об этом говорится в Коране: «Когда Аллах решит какое-нибудь дело, то лишь скажет ему „Будь!“ – и оно бывает!» Здесь речь идёт лишь о возможности такого способа устройства дел. Да, Высший Разум может делать всё одним лишь повелением. И для этого ему нет даже необходимости говорить какие-то слова: достаточно одной мысли. Но Бог – Творец.

А в повелении нет творческого начала: есть один лишь императив. И именно поэтому нескольким «космическим яйцам» была предоставлена возможность развиваться без вмешательства извне, сформировать законы своего развития и следовать им. Поверьте Богу: наблюдать за процессом куда интереснее, чем просто сказать: «Будь!»

Вы только представьте себе, уважаемые читатели, эту бесконечную череду расширений и сжатий: каждое «яйцо», взрываясь, рождает очередную вселенную! И пусть для Предвечного этот процесс – вне временных рамок, для человечества это – миллиарды миллиардов лет. Постичь этот масштаб разум человеческий не в состоянии. Даже, несмотря на то, что эти «миллиарды миллиардов» – масштаб только для него: в Предвечности нет ни мерил, ни объектов сравнения.

Мои слова – это слова Высшего Разума. (Уже перестали хихикать и крутить пальцем у виска? Хотя бы потому, что не перевариваете и половины разжёванного и положенного в рот?!) Для ответа довольно было бы уже одного этого. Как, там, в Библии: «Но да будет слово ваше: „да, да“, „нет, нет“; а что сверх этого, то от лукавого». Но теория множественности вселенных отчасти находит подтверждение даже в писаниях. Например, в Коране говорится о том дне, «когда земля будет заменена другой землёй». И это – не обязательно аллегория воздаяния. Значит, уже тогда, пусть и вне рамок научного понимания, вызревало осознание того, что процесс творения ещё не закончен...

Глава пятая

Мы пустили Эксперимент на самотёк, не оставляя его течения без внимания. И едва только процесс дошёл до стадии образования скромной звезды на окраине одной малоприметной Галактики, Alter вдруг начал проявлять к работе повышенный интерес. Нет, он не вмешивался в ход Эксперимента: условия соглашения пока соблюдались. Но былого равнодушия уже не было.

За «время» существования «бок о бок» с Alter-ego я достаточно изучил его. С самого начала Эксперимента я уже знал, что больше всего интересует оппонента: появление разума. Да это и не было тайной: лишь поэтому он и согласился на эксперимент. И то – «молча». Он и не скрывал того, что имеет виды на разум, который обязан появиться в силу особенностей Эксперимента.

Почему так неопределённо: «имеет виды»? Потому, что мы, две Ипостаси Единосушного, можем скрывать мысли друг от друга. Непонятно? Тогда представьте себе свинцовую плиту, которая не пропускает рентгеновские лучи. Я нарочно взял убогий пример, чтобы хоть как-то «достучаться». Чтобы читатель постиг возможность, но не механизм.

Механизм нашего сокрытия – иной. Мысль, таящаяся в недрах Высшего Разума, непостижима вплоть до момента её проявления. Она может быть «уловлена» лишь на стадии проявления. В момент реализации. Это – самая ранняя стадия обнаружения намерений друг друга. Ну, как если бы самолёт вошёл в зону действия РЛС.

Парализовать мысль друг друга «на выходе» ни один из нас не может: мы ведь, как говорят юристы, «равносубъектны». Противодействовать друг другу мы можем только на стадии реализации. Нет даже «зазора» между «выбросом» мысли и её реализацией, чтобы подготовить «ответно-встречные» меры: мысль – это и есть действие.

Но интерес Alter-ego недолго был секретом. Как только на Земле появился разум, «родственник» начал действовать. Препятствовать ему у меня не было оснований: пока всё укладывалось в рамки договорённостей. Он имел право исследовать психику разумных существ и потенциал их зачаточного интеллекта. Этим, по моему разумению, и исчерпывалось понятие «воздействие на разум», как единственно допустимая форма вмешательства в Эксперимент. Даже не «воздействие»: «контакт».

Но я недооценил «компаньона». Хотя, что значит: недооценил? Я просто не смог залезть ему в мозги. А залез бы – не постеснялся. Когда же Alter раскрылся, я понял, что он не только выходит за рамки договорённостей, но «в упор» не видит их.

Вот теперь деятельность Alter-ego могла быть квалифицирована как произвол, как вероломство, как выступление уже не против чистоты Эксперимента, но против меня лично. Борьба наших противоположностей с появлением разума приобретала иной характер, чем прежде. Теперь она осваивала новые «поля сражений». В роли таковых выступали человечество, его разум и его, как он полагал, созидательная деятельность, по сути, являвшаяся ничем иным, как борьбой за существование на каждом витке своего жалкого бытия.

Конечно, если бы мы «разговаривали», я бы сказал Alter-ego «пару ласковых». А так – чёрта с два пробиться сквозь «морду кирпичом»! Делает вид, гад, что мы «не знакомы»! Больше того: что он тут – один! Но на всякий случай я «вывесил» мысль. Так сказать, «разместил в Интернете». О том, что джентльмены так не поступают. Вдруг «прочитает»? Хотя бы это: об «усовеститься» и речи не шло!

Надо признать честно: «лопухнулся». «Проспал». Понадеялся на «законопослушность» «родственника». А он взял и «обставил» меня. До этого момента наша борьба проходила исключительно в условиях Предвечности. Это не могло не наложить отпечатка на специфику борьбы. Здесь не было борьбы влияний. Здесь была только борьба движения, которое олице-

творял я, и статики, которое олицетворял Alter. И средством борьбы выступала одна только Мысль. Не было и «побеждённых» – условно, конечно: дуализм Творца вечен. Зато всегда был процесс. Ведь даже уклонение Alter-ego от рассмотрения моих предложений – тоже процесс: он предполагал хоть какую-то форму реагирования.

То есть, это была борьба джентльменов. И она была той самой Движущей Силой, которая являлась истоком Непреходящего Творческого Процесса. Это была борьба честная (если применять к ней оценочные суждения людей): один на один. Никаких, тебе, херувимов, никаких, тебе, серафимов, никаких архистратигов с «небесным воинством»: довод – на довод, мысль – на мысль!

Теперь у моего визави появился шанс привлечь на свою сторону человека. Это я понял уже по одному только характеру его воздействия на сознание. На что Alter рассчитывал? Подкрепление – явно несостоятельное: ни в какой микроскоп не разглядеть! Да и, будучи серьёзным товарищем... то есть, серьёзным Богом, разве можно всерьёз думать о подключении человека к Творческому спору Ипостасей!

Но, похоже, у Alter-ego были иные взгляды на «трудоустройство» человека. Сделав ход, «родственник» уже не мог скрыть от меня того, что рассчитывает привлечь один из продуктов нашего Творчества на свою сторону. Пусть и в непроглядной для человека перспективе. Он успел заронить в мозги homo habilis первобытные мысли о Высших Силах. И не только: он успел создать в этом жалком подобии мозга задел для развития самых дремучих предрассудков. Венцом этого «развития» должно было стать представление о Нём самом, как единственном Олицетворении Добра, которому противостоят Силы Зла. Жалкий человечек уже усвоил мысль о том, что он находится в полной зависимости от этих Высших Сил.

В том, кому отводилась роль Силы Зла, можно было не сомневаться: Alter внедрил в мозги человечка достаточно много для того, чтобы я мог сделать единственно правильный вывод: «мирная» война кончилась. Это, как если бы от макетов и планшетов перешли к мечам и дубинкам. К Творческому Процессу такая борьба не имеет никакого отношения. Как говорится, вот и верь после этого людям!

А всему причиной – истинные мотивы действий «родственника». Ему всегда был не по нраву мой непокой, моё стремление к переменам, моя неудовлетворённость «пляжным статус-кво», моё представление об этой вселенной всего лишь как об очередном звене в бесконечной цепи, именуемой Процессом Творения.

Мой оппонент всегда был Олицетворением Абсолютного Покоя. Именно так он понимал Порядок в Предвечности. Именно такой ему виделась Гармония: Ничего. Несуществование. Ибо это – единственное, чего нельзя нарушить. Инерция Вечного Покоя – вот тот процесс, на который он, как тот пионер: «Всегда готов!»

Я же своим стремлением к переменам вносил дисгармонию в его представление о Порядке. И конца этому не было – и быть не могло. Лишь теперь я понял, что, соглашаясь на Эксперимент, Alter с самого начала замышлял вероломство. Ему удалось опередить меня в самый подходящий для этого момент: когда человек, вздрогнув от громовых раскатов, впервые со страхом посмотрел в небо...

Глава шестая

Теперь и я был готов действовать, но потеря инициативы дорогого стоит. Это, как в шахматах, где потеря инициативы чаще всего ведёт к поражению. Я, конечно, видел уже «направления» работы Alter-ego. «Старик» основательно взялся – и за дело, и за наше совместное «творение».

А как ещё скажешь, если в людях – толика нашей Сущности! И дело не в том, что поддержание в человеке Божьей Искры «угольком от Alter-ego» может поднять того на пару ступенек в своём развитии. Это, как сказал один товарищ, «суета сует», ничего существенного не добавляющая к «удельному весу» оппонента.

Я постигал замысел «родственника». Не чтением его мыслей: стратегическим мышлением. Так сказать, «склонившись над картой». С нанесённой на неё оперативной обстановкой. Явно намечался вариант превращения частицы в силу, которую можно с выгодой для себя использовать в борьбе с Противоположностью. Если в человеке, заложено Божественное Начало, то не такое уж безнадежное дело – возвращать нужные мысли в его мозгах.

Подключать человека, как материальную субстанцию к борьбе против меня Alter, разумеется, не собирался. Это было бы даже не смешно. А вот суммировать ложные представления людей о своей Ипостаси и о моей, а потом в Беспредельности Внешнего Порядка сублимировать энергию этих представлений в некую Силу – это другое дело. Ведь эту Силу можно было использовать вне традиционных сфер действия материальных сил!

В этом случае, суеверия людские для меня – что второй фронт для вермахта. Боюсь не «дойти» – но скажу: речь идёт об эманации сумерек человеческого разума. Не «въехали»? Снисхожу: представьте себе всю массу отрицательных мыслей... «Опять – двадцать пять»? Упрощаю: не мыслей, а, допустим, эмоций. Ну, вот, как если бы разъярённая толпа пришла в движение... на вас. Представили? Вот так – и с мыслями. Если сбить их, однородных, в кучу, да направить против другого умозрительного состояния... хорошо: против другой силы мыслей – что будет? Правильно: «каша мала» с непредсказуемыми последствиями.

Alter правильно рассчитал, что эта Сила будет тогда «играть на нашем поле» – и даже по нашим правилам. Он даже и название ей уже придумал: Третья Сила. То есть, он уже начал рассматривать наши Ипостаси не как две неразрывные Части Целого, но как отдельные Силы.

Таким образом, вступая в открытое противоречие с Предвечным Установлением и своей Ипостасной Сущностью, «родственник» включился в Процесс. В процесс, который был не просто Движением, не просто Процессом, но Процессом Творческим, невероятно далеко отстоящим от Абсолютного Покоя. Лодырь отправился за «стахановским вымпелом». Такой, значит, парадокс.

Самое любопытное – это то, что с «шагами» Alter-ego и моими «ответно-встречными мерами» Предвечность начинала переходить в фазу Истории, как последовательную смену процессов и событий. То есть, как одну из форм Процесса, Движения. В то, чему он всегда противился.

Раньше я порадовался бы этому обстоятельству. Сейчас почему-то не хотелось. Ну, это я только говорю так: «почему-то». Ясно, почему: менялась расстановка сил. Но, главное: менялись цели. Если прежде речь шла лишь о безобидных «подвижках», то теперь откровенно «запахло жареным». И если не от меня – то рядышком.

Что толкало Alter-ego: вечный антагонизм со мной, желание «проверить на прочность» Непокосимость Законов Предопределённости, надежды или расчёт? Не берусь ответить: глубины наших Сознаний неподвластны «соседу». Главное, что он сделал выбор. Противоречу существу наших отношений, его шаг грозил далеко идущими последствиями для всего Внешнего Порядка.

Почему же Alter решил выйти за рамки «сценария»? Вероятно, попытка не представлялась ему совсем уж безнадежной. Он, Олицетворение Вечного Покоя, никогда бы «и пальцем не пошевелил», не будучи уверен в том, что из этого можно извлечь хоть какую-то выгоду в бесконечном противостоянии со мной.

Итак, Alter нашёл материал, из которого можно было сформировать Третью Силу. Силу, которой надлежало – в тандеме с ним – блокировать проявление моей Сущности. Несерьёзно – но «надежды юношу питали». Или, как говорится, «чем чёрт не шутит». Иного способа одолеть меня он, похоже, не видел. И был прав: не существует такого способа – ни объективно, ни субъективно. Да и прок от того способа, на который он сделал ставку, был ещё, что называется, «вилами по воде писан».

Ведь, с одной стороны, силы этой Силы – пардон за каламбур! – как Игрока на Поле Внешнего Порядка будут определяться результатами трудов Моего Недруга. То есть, насколько глубоко он сможет войти своими мыслями в мозги человека, как много будет «уловленных в сети» и какой степени концентрации энергии Третьей Силы он сможет добиться.

С другой стороны, эта, пока ещё не сформировавшаяся Третья сила, будет испытывать в процессе своего формирования и моё влияние тоже.

Поскольку Alter «моргал» на закон и договорённости, я не мог уже сохранять «на лице» «японскую улыбку». Пора было плюнуть в ответ. К этому меня призывала и моя ипостасная Сущность, предопределившая извечную борьбу с «соседом» и «родственником».

Тем более, я не мог наблюдать за тем, как меня превращают в Силу Тьмы! Меня, Того, благодаря которому эти мясокостные создания и существуют пока на своей крохоткой планете! Того, кто олицетворяет собой Творческий Процесс, процесс Создания, процесс Движения! Того, кто есть Жизнь во всём многообразии её форм! Того, кто – Первоидея и Генератор вселенной!

Свинья он, а не Alter! Какие же мы после этого интеллигенты?! Честное слово: будь у «родственника» ухо – так и «засветил» бы в него! Я, во всяком случае, до такой низости ещё не доходил. Может, потом и дойду – но только в ответ! Только будучи выведен из себя... благородного!

И кто наушничал обо мне этим «тараканам»?! Этим «насекомым»?! Этой «пыли подножной»?! Тот, кто – Олицетворение Ничего и Ничегоделания! Тот, кто полагал Высшей Гармонией Пустоту! И я же – Противник «созданного» им мира?! Противник – Сатана, значит?! «Чья бы корова мычала»! Ловко же этот «сторонник устойчивых форм», этот любитель «космических диванов» и «послеобеденных сиест», сумел внушить человеку то, что я хочу разрушить его «мир»! Я, Созидатель, хочу разрушить своё творение?! А этот Лодырь и Тунядец, которого чуть ни не пинками надо было поднимать «с дивана», оказывается – Труженик и Спаситель человечества?!

Ну, вот, как после этого разговаривать с человеком?! То есть, не то, чтобы разговаривать... и не совсем с человеком... но как с таким иметь дело?! И ведь я уверен: он «прочитал» моё сообщение, где я клеймил его позором и разными нехорошими словами! И – ничего: такому – хоть плюй в рожу!

Обидно, понимаешь! Ладно, бы, оплевал меня коллега по работе! А то ведь – тип, который... погулять вышел! И не только иносказательно: пока я «пахал, как ниггер»... пардон: как «афроамериканец», этот «нехороший человек» наслаждался обществом Пустоты и старательно уклонялся от участия в общественно полезном труде! Ведь единственная его помощь заключалась в том, что он не мешал! Точнее: не всегда мешал.

Да, мы оба – Творец. «Два – в одном». Но слишком по-разному мы понимали эту роль. Я истолковывал свою Сущность буквально: как Творящий что-то. А творение – это результат Творчества. То есть, результат Процесса. А Процесс – это Движение.

«Родственник» же считал, что Миропорядок в неизменной форме существует Предвечно – следовательно, работа по его Созданию уже завершена. И ничего менять не надо: всякая перемена – нарушение Предвечной Гармонии.

И каждый из нас был убеждён в том, что именно его точка зрения является Высшей Истиной, Вечной и Неизменной. А любая иная, не говоря уже о попытках её реализации – это посягательство на Предвечные Установления.

Небольшое отступление: заметили, сколько слов с заглавной буквы? И это не для того, чтобы обратить ваше внимание. И на них, и на меня. Не я их сочинил. Да и не слова это вовсе, но определения понятий, запредельных человеческому разуму. Все это для нас с «родственником»... ну, как для вас – законы природы. С небольшим, но очень большим отличием: мы, кто подчиняется этим законам – и есть законы.

Итак, Alter «зачислил» меня в разрушители вселенной. Хотя всегда знал, что она исчезнет естественным путём. В силу законов развития, нею же выработанных. Исчезнет сама, без вмешательства извне. Ведь всё Предопределено – и не одной только моей Ипостасью: «сосед» тоже принял в этом участие – и никак не меньшее, чем моё.

Видимо, надоело ему постоянное соучастие в Творческом Процессе, пусть даже в форме противодействия. Захотелось вернуться назад – к Покою. К Пустоте. К Ничего. «На вечные времена» – как говорится на Земле. Ради этого в союзники и определялся человек. Не на вечные времена: на время.

Нет, Alter не возлюбил человека. Возлюбить он способен лишь себя. А человек ему понадобился для одоления другой Ипостаси: меня. Такой, вот, противоестественный союз. Думаю, что не выдам тайны: союз этот – временный. Человек нужен Alter-ego только как источник материала для формирования Третьей Силы. Как сырьё. Как средство в борьбе за Вечный Покой. За Ничего. Но Ничего и предполагает «ничего». Сущность Ничего – Несуществование. Поэтому конечная цель Alter-ego не предполагала и не предполагает существование человеческого рода.

Образно говоря, в замыслах «соседа» землянину отводилась примерно та же роль, что берёзовым поленьям в костре: израсходоваться с выделением калорий. Только в случае с человеком речь идёт о калориях умственных, мыслительных, той самой энергии, которая и могла только явиться сырьём для последующей работы.

Теперь, после того, как читатель ознакомился с перспективой человечества – а небытие тоже перспектива – я спрашиваю: так кто же из нас Создатель, а кто – Противник? Кто – Бог, а кто – Дьявол?! (К сведению: «дьявол» и переводится как «лжец»).

Для того чтобы ответить на этот вопрос, не надо быть семи пядей во лбу. И так уже – разжевал и в рот положил! Ну: на «раз, два три»? Правильно: Я – Создатель, а Он – Противник! Он – Лжец! Он – Сатана и Дьявол!

В действительности, а не на словах! Не в религиозном аспекте – на деле! Но Он – Мой Извечный Противник, а отныне Недруг – опередил меня, совершив подмену и приписав свои «доблести» мне.

Чего добивался «родственник»? Не сразу – но до меня «дошло». Да, вот так откровенно: «дошло». Не «по-божески» – но я не боюсь самокритики: это – признак Силы и Творческого Ума. Да и кого мне стесняться? Я ведь – Бог настоящий. Не книжный. Я существую не по причине благоговения «червей». И не для того, чтобы покупать (вымаливать, истребовать, вымогать) ненужную мне богобоязненность «насекомых». Посему мне не требуется надувать щёки и исполняться ложной значительности: хватает и подлинной.

Что именно «дошло»? А вот, что: используя потенциал Третьей Силы, Alter рассчитывал меня, «равносубъектного», сделать безвольным придатком, марионеткой – или хотя бы просто вассалом. Лояльным, безропотным исполнителем своей Воли. То есть, захотел стать моноипостасным Единосущным, где я был бы так – «сбоку бантик». При этом он наверняка не исключал

вероятности моей аннигиляции. Если кто любит фантастические романы, то знает, что этот термин означает уничтожение. Сегодня его пытаются заместить «терминацией», но «аннигиляция» – «красивше».

Если допустить, что хоть часть его замыслов реализуется, то Суть Единосущного изменится радикально. При всей видимой неизменности. А это, в свою очередь, радикально изменит положение дел в Беспредельности Внешнего Порядка. Прекратится всякое движение – даже мысль, которая, как форма существования, есть одновременно и форма Движения.

А с прекращением Процесса исчезла бы Предопределённость – за ненужностью. И уже не как фактор «распределение ролей», не как «преграда» на пути творческой самостоятельности разума, но как финал всякого Процесса вообще. Не было бы уже ничего. Правильнее сказать: только Ничего уже и было бы. К бесконечному удовлетворению экс-Alter-ego – тогда уже просто Ego.

Alter с самого начала – если так можно говорить о Безначальном – искал способ реализации своих замыслов. Он не сразу нашёл его – это к вопросу о Всезнающем и Всемогущем. Эти категории применимы только к явлениям Внешнего Порядка, но в отношении противоположной Ипостаси, так сказать, «в рамках» Единосущного, они не действуют. Воистину: «Нам не дано предугадать...»!

Отсюда: путь друг к другу – «с кинжалом за спиной» – это путь исканий, проб и ошибок. В этом признаться не зазорно: наши ошибки – это не ошибки в человеческом понимании. Это – явления трансцендентного порядка, непостижимые ничьему разуму, кроме Высшего. Для противоборствующих Ипостасей это – «рабочий» момент, и ничего больше. Рядовой «побочный продукт» в ходе поиска верного решения. А всё потому, что мы с «родственником» равны потенциалом. И Силы, и Разума.

Alter понял, что помочь ему «приструнить» меня может только эманация (истечение, значит) мыслительных сил другого разума. Пусть этот разум – совершенно ничтожный в сравнении с Разумом Творца. На услуги прежних конструкций Alter рассчитывать не мог: пустота, даже концентрированная, даже сжатая до сверхплотного вещества, не могла произвести разум.

Тем более его не могла произвести мыслительная фантазия Alter-ego, которой я немедленно противопоставил бы свою, равнозначную по эффективности. Хотя в этом и не было бы необходимости: мыслительный продукт одной из Ипостасей «по определению» не может оказывать влияния на положение другой: только на формы реализации мыслей.

И когда я предложил «самоуправляемый» Эксперимент с очередной вселенной, а в качестве материала для её строительства – частицу нашей Сущности, «родственник» тут же «сориентировался в обстановке». Он уже видел появление разума, который можно использовать в своих целях – пусть и не сразу.

Так он и поступил, пока я глубокомысленно теоретизировал. Надо отдать должное товарищу: с «головой» у него – порядок. И на подлости он горазд. Работу с человеком он провёл ювелирно: снизошёл до его убожества. Недаром же говорится: «Всё гениальное – просто». Вот он и упростил. «Если в мире нет Зла, то кто же мечет молнии? Кто трясёт землю? Кто шлёт наводнения? Наконец, кто насыляет на людей смерть?»

Оставаясь на позициях объективности – а другие это «хорошая мина при плохой игре» – должен признать: первый раунд я уступил Alter-ego. Тактически. Только рано он радовался: я всего лишь «получил по морде»...

Глава седьмая

Итак, передо мной в полный рост встала задача не допустить появления Третьей Силы. В подобных случаях у людей принято говорить: «вопрос жизни и смерти!» Я не склонен ударяться в крайности, потому, что вообще не склонен «ударяться». Но должен признать, что ситуация озаботила меня – и основательно.

Только не следует воспринимать мои слова буквально. Это я так снисхожу до вас, людей. Чтобы упроститься до степени восприятия. А то ещё подумаете, что Бог «хмурит чело», «трёт подбородок», «от расстройства вышагивает по кабинету» и «впадает в размышления на тему брэнности бытия»! Я всего лишь хотел дать вам понять, что возникшая проблема – это... проблема.

Тут, пожалуй, самое время «определить вас на место»: человек, хоть и содержит в себе ничтожную частицу нашей Божественной Сущности, ни в малейшей степени не является ни нашим подобием, ни нашим прямым творением. Он – продукт развития материи, и только опосредствованно, через заложенную в ней частицу нашей Сущности, может считаться производным от Нёе, последней.

Отсюда – двойственность его природы: и изначальная ограниченность его возможностей (наследие материи), и возможность самоусовершенствования, достаточно продолжительного и основательного (присутствие Божественной Сущности).

Что же до подобия, то обязательно должен быть сопоставимый объект. Объект сравнения – для того, чтобы определить наличие либо отсутствие «подобия». Увы, но я вынужден разочаровать тех наглецов, которые полагают себя подобием Высшего Разума: ничего подобного (пардон за каламбур)! Не с кем сравнивать человечка! «Похож или не похож?» не «приставишь»!

Тут самое время «подать» себя. Похвалить, то есть: ни от кого ведь не дождёшься! «Попадаю»: Я, как Ипостась Единосущного – Всё. Всё, не имеющее формы и образа в человеческом их понимании. Всё Мироздание, как уже существующее, так и то, которое ещё на очереди!

А человечек – это... Так и хочется сплюнуть при этом слове! Удерживаюсь лишь в силу врождённого благородства. Поэтому буду культурен и краток: человечек – это жалкий продукт одного из многих экспериментов. И не главный: побочный. И то, что в нём присутствует толика Нашей Божественной Сущности, пожертвованной даже не на его производство, а в качестве исходного материала для создания вселенной, не даёт ему никаких оснований притязать ни на что большее, чем роль лабораторной крысы!

Но вернёмся к моей «озабоченности» планами «соседа. Её следует понимать так, что, постигнув замысел Alter-ego, я немедленно проникся идеей контрудара. Действовать надлежало быстро, точно, эффективно и, как минимум, равнозначно: я и так уже уступил «соседу» первый раунд, а с ним и инициативу. Конечно, уступил лишь частично и на время (время уже появилось), но это не избавляло меня от необходимости перехвата. Перехвата инициативы.

Воздействовать на мысли Alter-ego я, как известно, не имею возможности. «По определению». Воздействовать на результат можно, но не нужно. Это – всё равно, что человеку догонять убегающий горизонт. Пока я нейтрализую результат воздействия, Alter сделает новый ход – и обрежёт меня на роль вечно догоняющего.

Значит, оставалось воздействовать на объект: на человека. И не ограничиваться простым воздействием, а играть на опережение, как говорят спортивные комментаторы. Только это давало шанс перехватить инициативу. И здесь не следовало «подкрадываться на мягких лапах», «пугаясь звука собственных шагов». Нужен был смелый ход с расчётом на перспективу.

Чтобы оценить потенциал врага, нужно понять его сущность. Даже если этот враг – всего лишь орудие врага настоящего. И я «взялся за микроскоп». С первых хромосом я установил

сущность человека: животное. И не только в плане биологического тождества. Вся его деятельность сводилась к борьбе за существование, за лучший кусок, за обладание самкой, за верховенство в стае. В конечном счёте – за обеспечение себе лучших условий. В сравнении с теми, которые имели его биологические подобия. И, в основном – за их счёт.

Тенденции развития человека представлялись мне весьма перспективными. С точки зрения использования конечного продукта в борьбе с «соседом». Оставалось лишь не пустить дело на самотёк, то есть, не довериться материи с её произвольной эволюцией. Они уже обе показали, что даже в рамках Предопределённости могут выкинуть фортель – пусть и на уровне мелочей. А в нашем деле нет ничего опаснее мелочей, поскольку не придаёшь им должного значения.

И, уж, совсем я не собирался «отдавать» этот вопрос «на откуп» Alter-ego. Хорошо ещё, что «родственник» пока не лёг «бревном» у меня на пути. Исключительно в силу различия подходов к работе.

Alter считал, что самым выгодным для него вариантом развития человека будет консервация того в первобытном состоянии, когда тот, пугаясь каждого шороха, уже не только освоил понятия добра и зла, но и отождествлял их с определёнными силами. Определёнными, конечно, Волей Alter-ego.

Мой Недруг полагал, что «сон разума» будет производить верований и суеверий в количестве, достаточном для формирования Третьей Силы. Он считал, что главное уже сделано: разрозненные суеверия человечка собраны воедино, центры Добра и Зла определены, их олицетворения «по фамилиям» названы. Теперь, как полагал Alter, оставалось лишь концентрировать эманацию этого представления в Беспредельности Внешнего Порядка как специфический вид трансцендентной энергии. И делать это до момента образования из неё Третьей Силы.

(В очередной раз дико извиняюсь, но мне не остаётся ничего иного, как называть вещи своими именами. Ну, как ещё назвать «трансцендентную» энергию? Только... трансцендентной! Ну, это её официальная «фамилия»! Максимум, что я могу сделать: пояснить. Поясняю: в общеупотребительном значении «трансцендентный» – это потусторонний, сверхъестественный. Поняли, не поняли – «едем» дальше: времени на остановку нет).

В своих расчётах «сосед» был отчасти прав. Отчасти. Может, мы с ним и «ушли» одинаково глубоко, но вот оценили эту глубину по-разному. Я увидел то, что «родственник» пока ещё и не заметил. Это была перспектива Единобожия – очень неприятная в контексте моих намерений. Это создавало проблему – и в довольно близкой перспективе.

Чтобы не допустить концентрации суеверий, мне нужно было расколоть человека. И не только в первобытном стаде, но и в нём самом. Для этого, как ни парадоксально это звучит, следовало максимально быстро развить человека. Только это давало результат, нужный мне.

Конечно, я понимал неоднозначность процесса. В нём могли проявиться тенденции, далеко не всегда совпадающие с моими представлениями о целесообразности. Также мне не следовало забывать об ответе, который последует сразу же, как только «родственник» увидит первый результат моей работы.

Я назвал свой план скромно и без затей: «Раскол человека». Цель задавалась уже названием. Все стадии были частью единого процесса, направленного на достижение этой цели. В конечном итоге – на выполнение сверхзадачи: срыв планов Alter-ego с устройством ему эдакого «небесного Сталинграда».

Первым делом, я решил уничтожить среду обитания человека. Не в смысле окружающей природы: это он и сам сделает – в своё время.

Сейчас же речь шла только об уничтожении той «условно социальной среды», в которой человек пребывал доселе. Протообщества себе подобных. Нужно было уничтожить общность как таковую, посеяв рознь среди людей.

Понимаю, что с точки зрения человека звучит «не очень». Только, во-первых: не вам судить богов, ибо яйца курицу не учат. А во-вторых... всему своё время: узнаете ещё. В смысле: частично поумнеете.

И, потом: прежде, чем «сеять», мне нужно было обеспечить человеку хоть какое-то подобие экономического прогресса. Не на камни же высевать? А уже одно это – благо для него и «плюс» мне. В том числе – и с точки зрения человеческой морали, речь о которой – впереди... Далеко впереди.

Зачем это нужно было? Такой вопрос может задать лишь человек: только экономический прогресс мог вызвать изменение форм брака и семьи у первобытных людей. Только он один мог породить «яблоко раздора» – частную собственность, и начать разложение первобытного строя.

Моя задача усложнялась тем, что Alter не только «отработал по мозгам» человека стада, но и развил его до того состояния, которое считал оптимальным. Для себя. А именно: он образовал род – более высокую фазу развития первобытного общества.

Это обеспечивало ему более чёткое проявление человеком своего отношения к Силам Добра и Зла. Что, в свою очередь, давало более качественный – и в большем количестве – материал для строительства Третьей Силы. Вопросы? Правильно, какие ещё вопросы: верования человека рода были очищены от примитива суеверий первобытного стада. Это уже была чистая, не замутнённая мыслями, эманация веры. С таким материалом уже можно было работать – и даже рассчитывать на успех.

Хотя вряд ли больше, чем только «рассчитывать». Alter не мог не понимать, что гарантий успеха не существует. Есть ведь равновеликий «собрат», который не будет сидеть, сложа руки. Но главное: он не мог закрывать глаза на то, что существуют Законы Предопределённости, не только ещё ни разу не поколебленные, но даже ни разу ещё и не подвергнутые воздействию в Беспредельности Внешнего Порядка!

Но вернёмся в первобытное общество. Точнее: в уже существующий родовой строй. Тот самый, который я должен бы ликвидировать. И не просто ликвидировать, а превратить в этап развития первобытного общества от стада до протогосударства, то есть, общества общинной государственности с признаками классовой дифференциации.

(Пардон за мудрёные формулировки, но не я их выдумал: так в книжке, не помню уже её названия. Что-то по философии. Сам я до терминов не охоч: убедились, наверно, уже).

Я знал, что делаю: фаза родового строя должна была быть преодолена, поскольку это состояние человеческой общности было «на руку» Alter-ego. Ведь основой производственных отношений рода являлась общая собственность на средства производства, в том числе, на орудия труда, землю, жилища, инвентарь. Это сплачивало первобытного человека в некое подобие духовного монолита, что способствовало наивысшей, в представлении Alter-ego, концентрации энергии веры и максимальному выкачиванию её из сумеречных мозгов объекта.

Только коллективизм, только «первобытный коммунизм» давал «соседу» шанс создать в Беспредельности Внешнего Порядка концентрацию духовной энергии, достаточную для формирования из неё Третьей Силы.

И, что самое неприятное – для меня: концентрацию такой энергии, которая изначально являлась нейтральной по отношению к нам. По своим свойствам и происхождению. Лишь такая энергия, внешняя по отношению к Внешнему Порядку, так сказать, «энергия третьего лица», могла изменить расстановку Сил в его Пределах. Теоретически, конечно.

Должен признать, что пока я «раскачивался», дикарь почти укоренился в коллективистских предубеждениях: ведь то, что для меня – даже не мгновение, в земном исчислении – тысячи лет. Пришлось начать последовательную осаду ещё не развившихся, но уже замшелых мозгов человека. Именно осаду: в условиях противоборства с Alter-ego иначе и нельзя.

Для начала я внушил каждому члену рода мысль о том, что существованию общей собственности на средства производства совсем не противоречит наличие собственности личной: всякие, там, набедренные повязки, накидки из шкур животных, домашние тапочки и прочие мелочи. Несущественные – как ему должно было казаться.

Затем я расширил список вещей, которые могут находиться в личной собственности. Добавились скребки, ножи, топоры, глиняная посуда. Учитывая «перекосы сознания от Alter ego», пришлось оговориться: «при условии, что всё это будет создано личным трудом индивидуума». И не просто личным трудом: в момент, свободный от исполнения общественных обязанностей. Тех, которые заключались, например, в совместном добывании пищи, топлива, благоустройстве пещер, вооруженной защите рода от вторжения чужаков и так далее.

Оговорка была не лишней: своё дело она сделала. Послужила «торжеству справедливости». Никто из сородичей уже не имел права «обобществить» результат труда, как полученный «в рабочее время». А я мог спокойно работать «молотком и клином» – чтобы углублять трещину.

Должен похвалить себя – от других ведь не дождёшься: идея приглянулась многим. Пусть и не сразу. Оно и понятно: своё есть своё. Как та классическая «своя рубашка», которая «ближе к телу». Первый контрудар не стал «первым блином»: задел для последующей работы был создан...

Глава восьмая

В теории (до которой я, как практик, не охоч), род – это общность людей, основанная на кровных связях и базирующаяся на экономических отношениях. Анархическое управление общиной с выборностью старейшин и вождей, с отсутствием имущественной и социальной дифференциации, с участием всех взрослых членов рода в общих делах – всё это не могло устроить меня, исходя из задач противодействия замыслам Alter-ego.

Нужно было «ломать стереотипы» и убирать «тормоза». Те, которые «на пути прогресса». Я должен был найти то единственное звено, за которое можно вытянуть всю цепочку (как выразится уже в другую эпоху один неглупый товарищ). И я нашёл его: экономические отношения. Ими следовало заняться в первую очередь.

По счастью, «родственник» не сразу «въехал». Поскольку наши умственные потенциалы равновелики, это говорит лишь о том, что я его тактически переиграл. То есть, я обставил – или «обтяпал», кому, как нравится – дело так, что мои шаги казались суматохой укушенной змеей.

К слову, насчёт змеи – это я очень верно. Но вернёмся «к баранам». Так, вот: «снаружи» мои «телодвижения» выглядели хаотичными и непоследовательными. Такими, какими и задумывались. «Сосед» – и так «мужик с гонором» – а тут вообще загордился. Ну, как же: Другая Ипостась – я, значит – не в состоянии эффективно противодействовать. Говоря по-нашему, по-боксёрски: «поплыл». Нокдаун – а то и...

Alter был в таком восторге, что и не скрывал от меня своих мыслей. «Суетится, мечется из стороны в сторону, кидается из одной крайности в другую» – и всё без толку!»

Почему мне удалось «усыпить бдительность» «соседа»? Ответ – простой: мои шаги напрямую не влияли ни на «твёрдость объекта в вере», ни на возможность поглощать энергию этой веры. И это было настолько очевидно (правильнее, конечно: демонстративно), что не могло не настроить «родственника» на благодушный лад. Он ждал моей промашки – и я постарался не подвести товарища.

Поэтому мои «телодвижения» – точнее, «мыследвижения» – так обрадовали его. Да-да: обрадовали! Я вдруг заметил в нём признаки невиданного ранее психоэмоционального состояния. (Как определил, а!). У «родственника» явно наблюдалось то, что люди называют «подъёмом духа». (Невероятное словосочетание! Дух – не воздух: он – невесом. Зачем его поднимать: он и так – во взвешенном состоянии?! Да и причём, тут, дух?!).

Меня более чем устраивало «благодушие» «соседа». Это позволяло, не встречая сопротивления, работать с человеческим материалом дальше. В заданном направлении. Чтобы перейти от рода к более высокой степени организации первобытного общества, прежде всего, мне следовало обеспечить быстрый рост производительности труда.

Для начала я показал человеку залежи руд металлов и научил его извлекать руды из недр, а металлы – из руд. В результате он смог выбросить скребки и булыжники на палке – и перейти к инструментам из меди. Конечно, это – не шедевр науки и техники (медь, всё-таки – очень мягкий металл), но по сравнению с камнем – грандиозный шаг вперёд.

Сфокусировав внимание человека на перемещении по полю некоего сорняка под названием «перекати-поле», я внушил ему возможность использования нового способа передвижения. Способа, куда более прогрессивного, чем то, что называется «на своих двоих». Я же подсказал – и даже подсунил ему – подходящий материал: дерево.

«Изобретение» колеса привело человека к другому кругу: гончарному. Резко повысилась не только производительность труда, но и качество работ. Стало возможным изготавливать такие предметы, о которых прежде и мысли не возникало. Гончарное дело стало кустарным уже в современном значении этого слова.

Возникла потребность в изготовлении новых орудий труда как череды процессов. А следом – и необходимость «квалифицированной», «профессиональной» работы с ними. Всё это не могло не вызвать разделения труда. Пусть и в форме специализации, как разделения видов труда по предмету. Я внушил человеку мысль о том, что многообразие таких видов пропорционально степени освоения природы человеком и растёт вместе с его развитием. То есть, что это – процесс неизбежный и прогрессивный, на благо всем. Разумеется, не в таких мудрёных «словомыслях»: знал, с кем имею дело.

Хотя, конечно же, я лукавил – чего, уж, тут. Да, более высокая производительность труда и его специализация – это благо для всех, так как позволяет изготовить орудий больше и качественней. В результате и продуктов питания можно заготовить больше, чем прежде.

Всё это так. Но всей правды я не сказал. И не потому, что всё равно бы не поняли: я зрел в перспективу. А перспективой была имущественная дифференциация. И начаться она должна была с простейшего: с образования излишков. Излишков орудий труда, предметов обихода, продуктов питания, которые можно обменять на то, чего не имелось в семье или роде.

Параллельно я «способствовал» тому, чтобы роды объединились во фратрии (братства), те – в племена, а последние – в племенные союзы. Взаимоотношения шагнули за пределы общины, доселе состоявшей из семей, парных или больших. Это уже был результат. Ведь семьи были ячейками воспроизводства, центрами хозяйственной и религиозной деятельности. Во многом – если не во всём – они зависели от общины.

Как сказали бы сегодня, человек вышел на «внешние рынки». Именно я своей деятельностью по развитию экономических отношений способствовал формированию этих «рынков». Человеку, оказавшемуся в новых экономических условиях и осознавшему не только их неизбежность, но и благоприятность, не оставалось ничего иного, как «идти». И «в ногу со временем», и с результатами своих трудов – на «внешний рынок», за пределы рода и общины.

Возник обмен – прелюдия частной собственности. Некоторое время я поддерживал в человеке идею достаточности прямых, натуральных обменов «баш – на баш». Как сказали бы сегодняшние экономисты: «бартера».

Но вскоре я увидел, что подшефный «дозрел» до внушения ему мысли о том, что использование мерила стоимости может принести значительно больше выгод. О прибыли как экономической категории речь пока не шла: зачем бежать впереди паровоза? В смысле – прогресса?

А чтобы человек зря не терзал неразвитые мозги, я подсказал ему и форму эквивалента: товар товаров. То есть, такой товар, который у тебя в любое время и в любом месте, как говорится, «с руками оторвут». Такие эквиваленты встречались на каждом шагу: от кусков метеоритного железа, лучшего материала для изготовления самых прочных изделий, до меха хищных животных, добыть который можно было только с огромным риском для жизни, и обладать которым считалось не просто модным, но и престижным.

Так начали формироваться товарно-денежные отношения между общинами, которые, в конце концов, разложили род. Не могли не разложить – в силу специфики навязанного мной процесса.

Наконец-то, появилось имущественное расслоение в былом монолите «первобытных коммунистов». Вначале – не слишком заметное, но, как поётся в детской песенке, «с голубого ручейка начинается река». Или же, как поётся в другой – тоже детской – песенке: «То ли ещё будет, ой-ой-ой!» Главное: не пускать процесс на самотёк. Не оставлять глупого человека наедине с неожиданно привалившим богатством. Ведь этот «прибыток» – не самоцель и не конец «творческого» процесса!

Поэтому «об остановиться» не было и речи: я «пахал», как негр... миль пардон: как афроамериканец. Углубляя трещину между людьми – и в самом человеке тоже – я развивал специализацию труда, дробя её до такой степени, чтобы это уже не было специализацией целостных деятельностей. Для самых тупых поясню: чтобы это были только частичные функции и опе-

рации, каждая из которых в отдельности не обладала бы характером деятельности, и не выступала как способ воспроизводства человеком его социальных отношений.

Всё ещё туго? Разжёвываю: нужно было разделить труд на материальный, духовный, исполнительский, управленческий – даже на таком примитивном уровне. Нужно было расчленивать сами сферы материального производства, чтобы в результате вместе с разделением труда окончательно разделить человека.

Верный скромности, хочу лишь заметить: преуспел. Сумел выполнить всё, что наметил. Все начальные пункты. С возникновением обмена и появлением частной собственности произошло то, о чём столько времени твердили большевики... тьфу, ты: чего я и добивался в качестве промежуточного результата. А именно: разложение строя. Родового.

Я вызвал к жизни состоятельность. Я породил богатство. Я породил состоятельных – и даже богатых. И я уже показал человеку, что это богатство можно использовать не для примитивного скопидомства, но для достижения куда большего, того единственного, ради чего и стоит жить: власти! Той самой, которую может дать только богатство. Власти над отдельным человеком. Власти над семьёй. Власти над родом – и даже союзом!

В результате моей творческой деятельности в среде прежде равных друг другу появились те, которые «равнее»: те самые состоятельные и даже богатые. Появились на фоне общей массы соплеменников, оставшихся в своём прежнем состоянии. А были и такие, кто утратил и это состояние, кто остался, entschuldigen Sie, bitte, попросту с голой задницей. Размежевание по имущественному признаку состоялось. Возникли классовые противоречия. Всё шло по плану – теперь уже моему.

Оставалось сделать немного. Прежде всего – сплотить «богатеньких». Чем? Да осознанием того факта, что «своё кровное» надо защищать! И не в одиночку, а коллективными усилиями. Потому, что тех, кто зарится на чужое – больше. И они с нуворишами церемониться не станут: ведь отнять чужое – самый быстрый способ разбогатеть самому!

И вновь я преуспел. Для этого надо было всего лишь признать, что появились классы, то есть большие группы людей, различающиеся по их месту в системе общественного производства, по их отношению к средствам производства, по способам и размерам получения доли общественного богатства. (Не моё: цитата. Адаптированная к мозгам читателя: в оригинале и я бы не переварил без «толмача». Правда, адаптированная лично мной).

Так, вот – о классах. Это были группы людей, из которых одна получила уже возможность присваивать труд другой, благодаря различию их мест в общественном хозяйстве. Для оправдания и консервации этого положения следовало закрепить его вовеки веков, как данность. Лучшего «закрепляющего» средства, чем закон, то есть, нравственное установление общества, и быть не может.

К сожалению, о таком замечательном средстве закрепления неравенства и консервации несправедливости, как религиозная догма, речи пока ещё не было. Догмы, то есть, жёстко оформленные в целостное учение суждения, воспринимаемые «сердцем», но не разумом, были ещё впереди. Однако верования уже существовали, «Грех» было не использовать их благотворное влияние на сознание «царя природы» в сочетании с другими установлениями.

И я внушил человечку необходимость законов. Точнее, одному – богатенькому – я внушил, что законы – это щит для любого его беззакония. Другому же – бедолаге-бедняку – я внушил «несколько противоположную» мысль о том, что посягательство на законы (которые якобы не людьми придуманы, а ниспосланы Свыше) – это посягательство на установленный Божьей Волей Миропорядок, за которое неизбежно последует заслуженное наказание. Так сказать, «сочетнул» догму с общественным установлением.

Теперь можно было переходить и к следующей подсказке: указать классу состоятельных человечков орудие защиты собственных интересов как класса господствующего. Таким орудием я задумал для него государство.

Глава девятая

Сущность государства была простейшей. Со временем человек и сам дошёл бы до идеи государства как организации экономически господствующего класса, но я не мог позволить себе такой роскоши: ждать. «Сосед» был, как всегда солидарен со мной: он тоже не мог позволить такой роскоши... мне.

Цели впервые создаваемого государства были предельно ясными: охранять существующий порядок как неизменный вовеки веков, и подавлять малейшее сопротивление подчинённых классов. Тех самых бывших сородичей, которые не сумели вовремя подсуетиться и, так сказать, «приобрести».

О главной же цели, ради которой и создавалось государство: помогать мне в расколе человечества с целью недопущения выработки им киловатт... то есть, потока экзотической энергии в Беспредельность Внешнего Порядка – человечку знать не следовало. Даже при том, что он всё равно бы ничего не понял.

В процессе образования государства я указал подшефным основные направления работы. Первоочередной важности среди них было выделение особой власти, не имеющей ничего общего с принципами родовой выборности. К этому прибавлялась задача создания постоянно действующей вооружённой силы для противодействия любым попыткам изменить существующее положение дел.

Так были сформированы армия и некое подобие внутренних войск. Своим исключительным назначением они имели борьбу с собственным народом и подавление инакомыслия под предлогом сохранения порядка и стабильности. За ними последовало создание полиции и тюрьмы. Первое – как прототип, второе – почти в современном виде.

Насчёт тюрьмы. Я, как экономист и государственный, не имел ничего против желания власти максимально упрощать процедуру наказания. Посредством смертной казни. Речь – не только об осуждённых за посягательство на государственные устои: надо беречь казну. Содержание преступного элемента – непозволительная роскошь. Ну, разве, что – на каторге: хоть какая-то прибыль. Но это – так: лирическое отступление.

Государство получилось на загляденье: именно таким, каким я и хотел его видеть. Но не только я увидел его таким. Один человек по имени Платон – по национальности «древний грек» – тоже распознал природу всех современных ему государств. Огульно – но небезосновательно, надо сказать – всех их он отнёс к организациям изначально порочного типа. В них, по его утверждению, господствовало разделение, вражда, раздор, своеволие и стремление к обогащению. То есть, всё то «плохое», к появлению которого я и стремился в своей творческой деятельности.

Платон считал, что такое государство неизбежно не будет единым, а в нём как бы будут два государства: одно – бедняков, другое – богачей. Он не сомневался в том, что хотя они и будут населять одну и ту же местность, однако станут вечно злоумышлять друг против друга.

Мнение стороннего наблюдателя – к тому же, не дурака – лишний раз подтверждает факт достижения мною промежуточной цели. «Тактического успеха» – на языке современных военачальников. Создания же идеального государства, рецепт которого Платон дал в своих диалогах, я мог не опасаться. Для этого я слишком глубоко заронил в человеке понятие о том, что «моё» – гораздо ближе, чем «наше». Да, оно и не было чужеродным для человека, идеально соответствуя его животной природе.

Хотя некоторые взгляды Платона, будь они реализованы, породили бы ненужные сложности. Например, идеальное государство виделось этому философу, основанным на одном фундаментальном принципе: отрицание личности. У Платона речь шла об обезличивании чело-

века, о растворении его в стаде себе подобных. Ну, или, в лучшем случае – о превращении его в «безличный» винтик единого механизма.

Я же, напротив, стремился вырвать человека из стада и сделать из него мыслящую единицу. Мне не нужен был духовный монолит: я желал раскола, разброда, шатаний в мозгах и поступках. Никакой единой силы, действующей в унисон и управляемой из одного центра, я в человечестве видеть не желал: это ставило под угрозу весь план борьбы с Alter-ego. И, потом: это было именно то, чего добивался «сосед». Как минимум, на данном этапе нашего противостояния.

В это же русло моих опасений укладывались и взгляды Платона на богов. Точнее, на представление человека о божествах. В целях унификации мышления, укрепления так называемой нравственности, и, в конечном итоге, подавления в человеке личности, Платон предлагал запретить все мифы, в которых говорится о жестокостях богов, об их расправах, любовных приключениях, о том, что боги могут быть причиной несчастья и так далее. Это «облагораживание» представлений о божествах могло способствовать лишь усилению эманации сумеречной энергии сознания – опять же на пользу Alter-ego и во вред мне.

Боюсь повториться и даже показаться назойливым, но «родственник» не сразу догадался о характере моего противодействия. Это – не оскорбление, а одна из особенностей наших Ипостасей. Постижение внешнего по отношению к нам не требует осмысления, исходя из нашей изначальной всеведущности. Постижение же не только мыслей, но и поступков другой Ипостаси требует работы собственной мысли.

В своё время «сосед» полагал, что ему полезнее будет иметь дело с «тёмным», невежественным человеком, производящим наибольшее количество суеверий для концентрации энергии в Беспредельности Внешнего Порядка. Это было заметно по его «шагам». Мне казалось, что и дальше он будет действовать в этом русле. Но, полагая себя победителем, я ошибался – и, увы, уже не в первый раз. Признаваться в этом не стыдно – не абы, кому уступил – но неприятно.

Дело в том, что и процесс создания государства, и государство как явление – весьма неоднозначны и противоречивы. С одной стороны, государство доводит до абсолюта размежевание людей по признаку отношения к собственности и власти. Одно это уже должно противодействовать объединению энергии масс единой верой.

Но, раскалывая человека, государство одновременно с тем, отрицает самоё себя. (Претензии по формулировке – к философам: у них позаимствовал). Парадокс, но это так. А всё потому, что процесс размежевания отрицается другим процессом, наталкивается на его противодействие. Как минимум – идёт параллельно с ним. Самой природой государство инициирует этот другой процесс.

Возвышаясь над обществом и отдельно взятым человеком, государство представляет собой мощный рычаг управления сознанием и волей индивидуума, групп людей и даже общества в целом. Ведь теперь оно может навязывать одно представление о чём-либо всем – или большей части. Для этой работы оно обладает всеми необходимыми средствами, в диапазоне от убеждения до принуждения.

В какой-то момент Alter понял не только угрозу, исходящую от моих действий для своих замыслов, но и ту несомненную пользу, которую можно извлечь из них. Он решил использовать государство в своих целях: для навязывания индивидууму идеи Бога Единого. Так задуманное и создаваемое мной, как средство разброда, государство «в руках» «соседа» превратилось в «подручное средство номер один».

Так мне и надо: чего ещё я должен был ждать? Полагать, что Другая Ипостась – дура набитая?! Ведь это – Ипостась, равная мне во всём: и в потенциале Разума, и в потенциале Воли!

Разумеется, Alter не замедлил воспользоваться этой, такой некстати дуалистической, сущностью государства. Хуже того: он впервые вывел на арену нашего противостояния не великую человеческую массу, а вполне конкретного человека.

Предваряя рассказ о последствиях этого шага, хочу сказать, что если в догосударственный период я сделал ставку на формирование массы божеств, то в стадии функционирования государства я был озабочен сохранением этого пантеона. Это – к тому, что не один только «сосед» стремился задействовать «сон разума» в своих целях.

Без лишней скромности, столь присущей мне: удалось. И я сумел сделать всё именно так, что впоследствии вызывало столь резкое осуждение Платона и его желание изменить неприглядные характеристики богов.

Я «вылепил» их жестокими, сварливыми, не просто любвеобильными, но похотливыми, занятыми лишь самими собой, а если и воздействующими на мир людей, то исключительно угрозами и расправами. То есть, сотворил их в сознании человека подобием его самого, в сущности своей, такого же жадного, хищного и похотливого эгоиста.

Мне удалось насадить в сознании людей целые «футбольные команды» божков, разделённых по отраслевому принципу. То есть, я сконструировал в воображении человека божков-узких специалистов, конкурирующих друг с другом за место повыше. И сделать это удалось во всех относительно цивилизованных уголках Земли.

Так, в индийском обществе я насадил ведическую религию, насчитывающую, аж, три тысячи богов! Так как одно только перечисление их имён, даже без упоминания «отраслевой специализации», займёт несколько страниц убористого текста, ограничусь перечнем самых почитаемых: Варуна – бог неба, Притхиви – богиня-мать земли, Индра, Митра, Агни, Адити – олицетворение женского начала.

Божки вышли на славу: антропоморфные, постоянно враждующие с демонами во главе с Вритрой – олицетворением засухи. В процессе работы удалось даже избежать формирования единого пантеона. Чуть позже, вынужденно реагируя на «телодвижения» «соседа», я перекалифицировал богов. Так, Индра «перековался» в бога войны. Рудра стал покровителем скотоводов, Пушан – земледельцев. Брахман принял под свою ответственность правильность жертвоприношений.

Почти аналогичным образом я поставил дело и в других религиях. Например, у египтян я посчитал целесообразным довести до абсолюта зооморфизм и тотемизм. Проще говоря – помню же, кого вразумляю – наделил их богов чертами животных по причине устойчивых представлений о родстве человека с теми или иными зверями. Как следствие этого, богиня Сохмет изображалась в виде коровы, Анубис был с головой шакала, Ра представлял собой солнце – ну, и так далее.

И в Египте получилось не допустить не только создания единого божия, но и даже создания единого пантеона. Божков я сгруппировал по разным «командам», чаще всего – триадам местнического характера, открыто противостоящим друг другу. Так, в Мемфисе почиталась триада Пта – Сохмет – Нефертум, в Фивах – Амон – Мут – Хонсу.

Alter, конечно, не остался безучастным «к покушению на его покушение». Раздробление объектов поклонения никак его не устраивало. Ругнувшись – как это Мы, Бог, только и умеем – он сразу же начал поиски «нужного человечка», чтобы внедрить ему в мозги идею монотеизма, единственно приемлемую ему.

Таким человечком оказался ему фараон Аменхотеп Четвёртый, которого Alter надумил переименовать себя в Эхнатона. По наущению Моего Недруга Эхнатон попытался установить культ единого бога Атона.

Мне было жаль этого человека: симпатичный мужик. Да, и то: в одиночку попёр на всех – и даже на время! С самого первого знакомства с миром людей я предпочитаю иметь дело с продуктом штучным, творческим, ищущим, отвергающим стереотипы, с тем, который есть лич-

ность. Но этот парень посягнул не только на традиционные суеверия соплеменников: он посягнул на мои интересы.

Поэтому деятельность его могла быть квалифицирована только как враждебная по отношению ко мне. Отсюда – никакого сострадания, как в плане пресечения его деятельности, так и в плане пресечения самой его жизни. И я его не пожалел – руками жрецов прежних культов, естественно. Плод трудов Эхнатона был уничтожен, имя «охальника» стёрто с камней и мозгов, и статус-кво было восстановлено.

Ничего подобного Эхнатону мне удалось не допустить в Элладе, которая представляла собой вполне благоприятную картину в плане численности божеств. Не всё, конечно, получилось, как задумывалось.

Я не смог сохранить положение с множеством «карликовых», по несколько штук на племя, божков. Но если бы и это мне удалось – чего бы тогда стоил «родственник»! Пришлось бы его «разжаловать в рядовые»!

Пантеон, созданный в результате этого негласного компромисса, оказался достаточно внушительным. И числом, и отраслевой «разношёрстностью». К «главным» богам во главе с Зевсом, таким, как Посейдон, Аид, Гера, Деметра, Афина, Афродита, Аполлон, Артемида и Арес, мне удалось «подселить» на Олимп божков «калибром» поменьше вроде Гефеста и Гермеса. А затем – и вовсе разных, там, покровителей ремёсел и искусств.

Не удовлетворившись полученным «разнообразием», я надоумил греков на создание тайных культов с поклонением, например, Деметре и Дионисию. В итоге можно было не опасаться появления на базе этого, совсем не дружного коллектива, Бога Единого.

Неплохо для меня обстояли дела и во всех других краях Земли. Германцы усиленно веровали в многочисленный пантеон во главе с Вотаном-Одином. Римляне, испытавшие сильнейшее влияние греческой культуры – в Юпитера, образ которого я помог им откровенно «содрать» с греческого Зевса. Славяне – в команду «отраслевых» божков во главе с Перуном, по своему статусу и «профессиональным обязанностям» являвшимся аналогом Зевса и Юпитера.

Обнадёживал и Восток, где китайцы поклонялись многочисленным духам природы, и лишь позднее сумели образовать некое подобие иерархии духов (не богов!) во главе с духом неба Шан-ди.

И на землях Ближнего Востока, к которому Alter стал проявлять непонятный пока для меня повышенный интерес, всё было, «не хуже, чем у людей». И здесь имелся пантеон обще-семитского характера, в состав которого входили Эл, глава совета богов; Ашера – супруга Эла; Дагон – брат Эла и покровитель урожаев; Астарта – богиня любви и плодородия, Баал – племянник Эла и сын Дагона, бог земледелия; его коллега по отраслевой специализации Таммуз, отличающийся от последнего тем, что периодически умирал и воскресал; Анат – богиня плодородия; Анатбетэль – богиня охоты; Яхве – бог пустынь и гор, впоследствии – громовержец и «заведующий» дождями.

Яхве Alter «прицепил» к ханаанским богам после того, как привёл протоевреев в Ханаан. Но сразу сделать Яхве главным богом не получилось: сотворённые мной божества ханаанцев выглядели привлекательней. Яхве даже не смог «присоседиться» на троне к Элу: авторитет последнего был непререкаем. И мне не пришлось «особенно стараться» для того, чтобы пришельцы восприняли этих богов, как своих, нередко предпочитая их Яхве.

Да-да: например, просьбы о ниспослании урожая иудеями адресовались не Яхве, а Баалу (Ваалу). С такими-то, вот, реалиями пришлось столкнуться Моему Недругу на будущей «земле обетованной». Как пелось в известной частушке: «Ты нашёл – и я нашла, борьба за качество пошла!»...

Глава десятая

Именно эту землю и эти мозги Alter и избрал полем своей деятельности. Вероятно, ему приглянулись и боги, и те, кто исповедуют веру в них. Оставалось лишь подобрать человека на роль проводника своих замыслов.

Человек этот, именем Авраам, был известен мне ещё до начала работы по созданию государства. Ничего особо выдающегося собой этот старичок, как будто, не представлял. Он не выделялся среди подобных ему протоевреев ни палатами, ни «ума палатой». Старичок – как старичок. Разве что, с богатым воображением. Определяя Аврама старичком, я нисколько не оскорбляю его. На момент начала работы с ним товарищу стукнуло шестьдесят пять: возраст, по тем временам – преклонный.

Тут самое время возразить критикам историчности Авраама. Всем тем, кто утверждал, что никакого Авраама как родоначальника евреев, не было. Так, вот: утверждения о том, что Авраам – мифический персонаж и даже племенное божество, неверны. Товарищ – лицо вполне реальное. Не менее реальное, чем любой живущий на Земле. Заявляю ответственно, как специалист по истории Земли (в создании которой, как вы знаете, есть и мой вклад).

Используя удивительную для столь почтенного возраста внушаемость Авраама и его непомерно развитое воображение, Alter заставил того поверить в явление ему Бога Единого. Якобы этот «Бог» поставил завет между ними, обязавшись быть богом и покровителем не только персонально его, но также и того народа, родоначальником которого он сделает этого экзальтированного не в меру старца.

«Сосед», надо отдать ему должное, не ошибся, делая ставку на Авраама. Старательно отработав «губкой», старичок оказался не только дееспособным, но и талантливым проповедником. Нет, ему не удалось «навязать» своего племенного бога Яхве остальным племенам в качестве главного – тем паче, единственного. Но он сумел, таки, внедрить его в сознание людей и в пантеон богов, как достаточно авторитетную и перспективную единицу.

Так как процесс этот никак не сказывался на расстановке сил в пантеонах, я не слишком озаботился «телодвижениями» «соседа» «на просторах» этих периферийных вероучений. Тем более что Яхве – ставленнику Alter-его, противостояла фигура Эла – моего ставленника.

Эл представлялся мне надёжным барьером на пути единобожия в лице Яхве. Он был достойным продуктом «сна разума». Однако – на всякий случай – я предпринял определённые шаги и восстановил статус-кво. Как? Очень просто: точно на такое же расстояние приблизил к Элу главное божество других племён – Баала. Предусмотрительность моя объяснялась следующей причиной: Яхве представлялся мне далеко не бесперспективным «товарищем». Что-то в нём было. И это «что-то» усугублялось покровительством Alter-его.

«И увидел Он, что это хорошо». Для него. Но я, «приглядевшись» к результатам дел своих, «увидел», что это – не предел «хорошего». «Хорошее» может быть и лучше. Поэтому я решил противопоставить идее продвижения Яхве в главные боги другую идею: растворить его в иноземных божествах. Или подвергнуть такому влиянию этих божеств, чтобы самый убогий протоеврей убедился в ничтожности своего божества, как заурядного идола. Как идола, особенно невыгодно смотрящегося на фоне «настоящих» богов.

Для этого я внушил фараонам Египта мысль о возможности допустить в пределы своей державы кочевников-семитов, истёрших уже себе подошвы в поисках новых пастбищ для скота. В результате семитам, поклоняющимся, в том числе, и Яхве, были предложены земли в дельте Нила.

Разумеется, ни о какой благотворительности – как с моей стороны, так и со стороны фараонов – и речи быть не могло. По прошествии короткого периода времени, понадобивше-

гося лишь для сосредоточения в дельте значительных масс пришельцев, все они были обращены в рабство.

Сначала, правда, фараон чуть было не проявил мягкосердечие, недостойное подлинного владыки. Я его «не понял» – и он понял меня. Понял, что «новосёлов» значительно выгоднее использовать в качестве рабов, чем вольных скотоводов, которые, к тому же, не желают платить налоги.

Сразу же началось «промывание мозгов» кочевников с одной единственной целью: уничтожения Яхве. В сопоставлении с Предвечностью это был даже не эпизод, но по земным меркам период рабства был достаточно продолжительным: около четырёхсот лет. Я решил, что для достижения заявленных целей не следует мелочиться: результат должен быть не только получен, но и закреплён. Этого времени должно было хватить на то, чтобы не только низвести Яхве с трона, но и саму память о нём вытравить из мозгов семитов.

Ответ «соседа» не «запутал в дороге». Он выискал среди кочевников некоего Моисея – сильную и авторитетную личность – и «от имени Яхве» поручил ему вывести евреев из Египта. Последовал новый завет – и имя Яхве опять всплыло из небытия.

Ситуация раскачивалась, как на качелях. Теперь «слово» было за мной. И я своей очереди не уступил. Основываясь на опыте порабощения семитов, я решил «повторить пройденное», но уже на новом витке истории – и другими, более радикальными, средствами. Я решил использовать для порабощения инициативу (если так можно выразиться) извне. То есть – войну. Военный поход – и завоевание евреев.

Обстановка на внешних границах уже сформировавшегося государства семитов благоприятствовала реализации моих планов. Руководствуясь принципом «разделяй и властвуй» (моё изобретение, которое позаимствуют римляне), я расколол бывшее единое государство на два: Иудею (Южное царство) и Израиль (Северное царство). С юга и востока эти осколки подпирали мощные и воинственные соседи: Египет, Ассирия, Вавилон. Этим «добрым соседям» и натравливать не пришлось: извелись, бедняги, без «свежатинки».

Но я, конечно, помог товарищам. Ассирийские цари разгромили и завоевали Северное царство. Всех его обитателей я надоумил царя Саргона увести в Месопотамию и растворить в гуще местного населения. Половина задачи, как мне казалось, была решена: израильтяне перестали существовать, как суверенный народ. На новом месте обитания им надлежало пройти испытание новыми богами. Я полагал, что ни они, ни их Яхве этого испытания не выдержат.

Но Alter не был бы самим собой, если бы не принял вызова. Он тут же взялся опекать Вавилон, довёл его до степени готовности – и натравил на Ассирию. Я успел подключиться к проблеме уже на стадии реализации воли «соседа». В условиях жёсткого цейтнота повлиять на ситуацию должным образом не удалось. Ассирия была разгромлена – и теперь мне следовало немедленно отыскать средство для исправления положения. И я нашёл его: Египет. Мощный Египет – теперь уже я позаботился о мощи своего фаворита – встал на пути агрессивных устремлений Вавилонского царства. И Моего Недруга – тоже.

Но этот бой был, так сказать, «местного значения». Главные события разворачивались на другом фланге: Южное царство – Иудея. Оно было зажато между двумя могущественными претендентами на самоё себя, как между молотом и наковальней. Именно возникновение этой ситуации я желал, помогая Египту. В уничтожении Иудеи как государства – а буде возможно, и в физическом уничтожении её граждан – виделось мне решение проблемы Яхве. Если не станет иудеев, то некому будет уже поклоняться Яхве. И он никогда не сможет стать Богом Единным и Единственным. А я спокойно займусь другими претендентами на трон.

Только не надо рядиться в тоги пацифистов! Уж чья бы корова... рядилась! И сегодня жизнь человеческая зачастую не стоит и услуг «труповозки» – что, уж, говорить «за прошлую жизнь»! Тем более что уничтожение – не самоцель. Это – лишь средство в борьбе за реше-

ние стратегической задачи. Вынужденная мера. Жертвуя меньшим, я сохраняю большее: Беспредельность Внешнего Порядка. Понимать же надо. Глобально мыслить, то есть. А то привыкли, понимаешь...

Ну, так, вот: поначалу всё шло так, как и было задумано. Иудея была разгромлена, царь убит, а на его трон я – руками фараона – посадил ставленника египтян. Но Alter, сочтя Вавилон готовым к противоборству с Египтом и не желая умирания веры в Яхве как Бога Единого, тут же двинул вавилонские орды в Иудею. В решающей битве «родственник» переиграл меня Вавилоном. Иудея и её соседи были завоёваны Навуходоносором.

Однако из поражения можно извлечь не только уроки, но и кое-что посущественнее. Пока Alter торжествовал победу, я, к недоумению Другой Ипостаси, не «въехавшей» в мои намерения, «пособил» Навуходоносору развить успех. По моему наущению этот замечательно кровожадный царь захватил Иерусалим и большую часть населения Иудеи увёл в плен, в Вавилон. И, вот тут – sic! – самое главное: я помог ему увести жрецов! Всех до единого! Цель: определить товарищей в «народный университет». Для прослушивания курса о несуществовании Яхве.

«Под занавес» я побудил Навуходоносора разрушить храм Яхве, построенный ещё царём Соломоном. Это был сильный удар по планам «соседа». Лишь теперь он понял, что «развивая» его успех, вроде бы против самого себя, я сумел обратить поражение в победу – пусть и тактического характера.

Alter ответил – как всегда, «молча». Мы по-прежнему «не разговаривали». С «самого рождения». Но на качество работы это не влияло. И на этот раз ему не потребовалось «изобретать велосипед». Он лишь обратил внимание на очередного перспективного товарища, и принялся усиленно наращивать ему мускулы и амбиции.

В результате, воспользовавшись моим же опытом, Alter объединил персидские и мидийские племена в мощное государство – Иран, царём которого поставил небесталанного перса из знатного рода Ахеменидов, вошедшего в историю под именем Кира Второго. Завоеватель – по отношению к своим соседям – Кир стал освободителем по отношению к иудеям. Разгромив Вавилон, Кир разрешил находившимся в вавилонском плену иудеям возвратиться на родину. Правда, государственности он им так и не вернул: Иудея была включена в состав державы Ахеменидов на правах всего лишь области.

Я тоже не остался в стороне от проблемы: внушил иудеям мысль о том, что поговорка «в гостях хорошо, а дома – лучше» далеко не всегда отражает действительное положение дел. Иногда всё происходит с точностью до наоборот: «дома – хорошо, а в гостях – лучше». И их случай – тот самый, когда с полным на то основанием можно переиначивать поговорку. Ведь дома – бескультурье, запустение и голод, а здесь – цивилизация благословенного края, изобилие и процветание.

Результат: я расколол народ в себе самом. Значительно больше половины иудеев предпочли остаться в Вавилоне, тем паче, что Кир – уже по моему наущению – не стал чинить остающимся никаких притеснений. Он даже предоставил им возможность посвятить себя земледелию на самых плодородных землях.

Вследствие этого, «родственник» смог увести в «землю обетованную» лишь небольшую долю избранного им народа, числом всего лишь в сорок две тысячи триста шестьдесят человек. Но даже в эти мозги я внёс сумятицу. В плане почитания богов. Вернувшись на родину, эти люди не перестали поклоняться Ваалу. Что, уж, тут говорить о тех, кто остался в Вавилоне: в религиозном отношении они были вне «зоны влияния» Alter-ego. «Поматерившись», «сосед» был вынужден «проглотить» это.

«Отойдя душой», Alter решил, что потенциал войны, как средства урегулирования наших «тёрок», «прилично» исчерпан. Минимум, на данном этапе противостояния. И он вернулся к уже опробованному методу работы с конкретным человеком. В борьбу против меня и создан-

ных мной – в воображении евреев – богов он бросил пророков Яхве как Бога Единого и Единственного.

Глава одиннадцатая

Всевозможных пророков в те времена по Палестине бродило великое множество. Но «родственника» интересовали лишь те их них, кого условно можно было разделить на две категории. Первая: «профессионалы толпы». Эти пророки, хоть и были «типовыми», выделялись из массы себе подобных харизмой, бойким языком, горящим взглядом. То есть, были людьми с «сумасшедшинкой», фанатиками Яхве. Должен признать: они умели «жечь глаголом».

Вторую категорию составляли профессиональные жрецы культа Яхве, заинтересованные не только в первенстве своего божества, но и в его монопольном характере. Это были трезво-мыслящие «политики от религии». Образовался тандем профессионалов-«толкачей» Яхве как Бога Единственного, попутно отказывающих всем остальным божествам в праве на существование.

Идея была не новой: Alter уже использовал её в войне между израильянами и ханаанеями. Тогда, по призыву некой Деворы, он объединил израильян под знаменем Яхве. Но тот случай был единичным. Теперь же дело пророков ставилось на поток.

Я не собираюсь пересказывать историю каждого пророка. В широком аспекте (как выразился-то!) они интересуют меня исключительно с точки зрения влияния на борьбу с Alter-его. В узком – в плане итогов работы по навязыванию Израилю племенного божка Яхве в качестве Бога Единого и Единственного.

Хочу только заметить, что проповедники были изрядны числом: Самуил, Илия, Елисей, Осия, Исаяя, Михей, Софония, Наум, Иеремия, Аввакум, Аггей, Захария, Иона, Иов, Даниил – даже некие анонимы Второисайя и Третьеисайя. Я отмечаю только самых горластых и преуспевших из числа «толкачей» Яхве, «отмеченных печатью» «благосклонного внимания» Моего Недруга.

Я, конечно, сделал всё, чтобы скомпрометировать этих пророков и их пророчества. Например, подорвал доверие к словам Исаяи. Я сделал так, чтобы все поняли: никакое это не пророчество, а описание в форме пророчества о будущем событий прошлого. То есть, выставил «книгу пророчеств», как обыкновенную фальшивку.

Подрывая веру в пророчества пророков Яхве, я подрывал веру в Яхве. Даже не как в Бога Единого, а как в божество. Ведь пророки якобы «пророчествовали» не от своего имени – и ложью своей, вольно или невольно, дискредитировали божество.

Мне не пришлось особенно «стараться»: я лишь подчеркнул благоглупости этих пророчеств – так, чтобы они сразу бросались в глаза. Например: Исаяя жил две тысячи восемьсот лет тому назад. И он, как современник «пророчеств», знал о том, что Вавилон, разгромив Ассирию, нападёт на Иудею и уведёт её жителей в плен.

Но «в пророчествах» того, кто выступил под его именем, знание этого факта отсутствовало. Зато там имелось «пророчество» о падении Вавилона под ударами мидян, хотя на самом деле Вавилон пал под ударами персов во главе с царём Киrom: мидяне сами были разгромлены персами. Но сочинитель этих «пророчеств», современник описываемых событий – не Исаяя и даже не его современник – не знал о перевороте в Иране.

Всё это, казалось бы – мелочь, не могущая оказать влияния на твёрдость в вере. Но большая ложь всегда начинается с маленькой неправды. И я постарался внушить эту мысль иудеям. Ведь подобным «неточностям» было несть числа. Нет, это не я сочинил их за автора: я всего лишь не мешал ему ошибаться, подтасовывать и изобретать «факты». Правда, я помог развить его красноречие: косноязычный пророк был не в состоянии грамотно перенести творческий энтузиазм на пергамент. В результате даже невнимательный читатель смог увидеть несуразно-

сти в «священном писании». А это не могло не подорвать веры в Яхве – пусть и в малой степени.

Потом уже «пророка» Михея я скомпрометировал тем, что позволил ему «содрать» у Исайи одно из пророчеств – о светлом будущем Иудеи «в последние дни». То самое, из которого позднее коммунисты позаимствуют небольшой кусочек и сделают его одним из своих лозунгов: «...и перекуют они мечи свои на орала, и копыя свои – на серпы...»

Угадывая следующий ход Alter-ego, я решил авансом дискредитировать Моисея – подшефного Моего Недруга. Для этого я собирался написать то, что впоследствии назвали «Книгой закона» и «Книгой Завета». Написать от имени Моисея. По этой причине я взялся за перо лично, не полагаясь на вложение мыслей в чужие мозги. Я уже чувствовал, что дело «пахнет керосином» – для «моих богов».

Набросал план работы, запасаю бэушным пергаментом – для достоверности, заготовил словарь и стиль авторов седьмого века «до нашей эры». Поскольку Моисей жил восемью веками раньше, то есть, «в минус» пятнадцатом веке, расхождение не могло не броситься в глаза. Казалось, дело сделано – и планы Недруга обречены.

Но, увы: Alter опередил меня. Я даже не успел обмакнуть перо в чернила. Что и говорить: шустрый хлопец. Книжка вышла – но в другом «издательстве». И совсем в другом духе. За Моисея, давно почившего в бозе, её написали другие люди – из команды «соседа».

Книжка была объявлена найденной в храме Соломона «одесную ковчега завета Яхве». Царю Иосии Alter наказал приписать её авторство Моисею как высшему авторитету евреев. Легковерным семитам не составило труда внушить мысль о том, что это – подлинный «Закон Яхве», исповедовать который – священная обязанность каждого из них. Ну, а для лучшего уяснения материала «особо непонятливым» было обещано скорое возмездие. Совсем не на небе, и совсем даже не от руки Яхве.

Так «Книга завета» стала ударной силой режима в борьбе с ханаанейскими богами, доселе общими для иудеев и израильтян. Основной удар наносился по моим протезе: Ваалу и Астарте. Переворот состоялся – и уже не только в культовых учреждениях.

Бурные процессы в обоих царствах явились существенным подспорьем в деле пророков Яхве. В их проповедях отразилась идеология общественного движения – результат специфики развития Иудеи и Израиля. Не пущенное на самотёк Моим Недругом, выступление так называемого «народа Страны» – многочисленного крестьянства, сплочённого Alter-ego в борьбе против поддержанных мной имущих классов – закрепляло в мозгах семитов представления о том, что Яхве искони – единственный бог Израиля. А культы других богов – прямая измена ему.

Следствием этой измены, по мнению пророков, и явилось зло, царящее в обществе: нечего было отказываться от почитания Яхве и «изменять ему с другими богами»! Культ этих «других» представлялся теперь большинству верующих как мерзость и нечестие. Восстановлению справедливости отныне должно было якобы обязательно предшествовать возвращение к «Богу Истинному и Единственному».

Реформа культа, внушенная «соседом» царю Иосии, состоялась. Учение Яхве было определено регулятором всей жизни общества. Яхве стал Богом Единным и Единственным. При этом, по наущению «соседа», ему приписали все черты экс-верховного бога Эла. Имя же самого Эла было предано забвению. Но ему ещё повезло: остальных богам достались оскорбления, разрушение храмов и истребление жрецов. Увы: на войне, как на войне. Особенно «не повезло» Ваалу – моему противовесу Яхве. Беднягу обвинили во всех грехах, сделав его синонимом зла и причиной всех бедствий, постигших этот донельзя религиозный народ.

Часть вины за собственное незавидное положение была отнесена на иудеев и израильтян, предавших Яхве по своей воле или безволию. Хотя основная вина возлагалась на Силы Зла. Alter, не скрывая от своих протезе действия этих сил, ещё придерживался линии на их ано-

нимность. Он лишь попенял – в целях профилактики – «богоизбранному народу» «за служение Злу».

В итоге приватизации чужой биографии, подлинная «биография» Яхве, как всего лишь одного из племенных божков, оказалась забытой. Это явилось ударом по моим расчетам сохранить иудейско-израильское язычество как «заслон» планам «соседа».

Наша борьба с Alter-ego на страницах «Священного писания» и в мозгах верующих снова продемонстрировала свой переменчивый характер, даруя успех то одному, то другому. Используя «административный ресурс» монархии, Alter смог убедить иудеев в истинности пророчеств. Смог – несмотря на очевидные нелепицы и нестыковки, в которые я буквально тыкал носом каждого сомневающегося. Доказать еврейскому «пиблу» несостоятельность Писания, равно как и несостоятельность веры в Яхве, мне не удалось.

Будучи Недосыгаемой Вершиной Объективности (без смешков только!) вынужден признать это. С горечью. Даже сейчас, по прошествии многих земных лет, я чувствую её привкус. Ведь этот локальный, казалось, факт повлёк за собой последствия глобального значения...

Борьба «на страницах пророчеств», хоть и продолжалась ещё некоторое время, но шла уже как бы по инерции. Даже тактического значения ни успех, ни поражение теперь не имели. Ну, не сбылось предсказание «пророка» Иеремии о том, что Навуходоносор завоюет Египет и поставит престол свой во дворце фараонов. Ну, не сбылось пророчество о том, что «царство зла» Вавилон скоро будет уничтожен, а Сион – «облечён в одежды величия». Ну, и что с того?!

Что с того, что книга «пророка» Даниила пестрила хронологическими и биографическими ляпсусами, вроде тех, что Валтасар был сыном Навуходоносора, а после его смерти царский трон захватил Дарий? Хотя в действительности Валтасар был сыном Набонида, а власть после его смерти захватил Кир. Ну, и что?! Что это меняло – даже с учётом того, что пророк – лишь «рупор» Бога Единого, того самого, который ошибаться не может «по определению»?! Даже в мелочах!

Кто теперь вникал в это?! Да и кому вникать: вопрос единобожия Яхве был решён окончательно! Такие мелочи могли заинтересовать лишь исследователей «Писания». Но и они теперь обслуживали Яхве. А моих подшефных жрецов Ваала, которые прежде «несли свет» в мозги колеблющихся, отстранили не только от службы, но и от жизни.

Вот так и оформилось иудаистское единобожие – а я потерпел очередную неудачу. Будучи реалистом, я уже не рассматривал её как неудачу тактического характера. Ведь победа единобожия в отдельно взятом регионе могла повлечь за собой серьёзные последствия. Следовало немедленно предпринять меры для того, чтобы не допустить распространения этой «заразы» на другие районы планеты.

Перво-наперво, нужно было соорудить «железный занавес» перед Яхве-Единым Богом. Я решил поступить нешаблонно: лечить подобное подобным. Или – на манер сегодняшних пожарников – тушить лесной пожар встречным огнём. У американцев это называется «backfire».

Я рассуждал так: коль скоро Alter сделал идею Бога Единого неотвратимой, мне нужно пойти ещё дальше: распространить её на все народы. Сделать так, чтобы Единый Бог появился у каждого народа Земли. Так, чтобы каждый народ считал своего Единого Бога единственным.

Не только «единственным настоящим», но вообще «единственным»! И тогда замыслам Alter-ego воспользоваться энергией веры всего человечества в Бога Единого – конец. Веры же одних иудеев в своего Яхве не хватит для использования её в качестве сырья в Беспредельности Внешнего Порядка.

Собственно Яхве я и не рассматривал в качестве претендента на «должность». Тому было несколько причин. Периферийность евреев, отсутствие у них реальной силы для навязывания своего бога другим, специфический характер этого бога как Бога евреев – всё это не могло не отталкивать от веры в него другие народы.

Но вера в Бога Единого подавала дурной пример – и это было главным. Больше того: самым опасным. Где-нибудь мог появиться другой Единый Бог. Бог сильного и авторитетного народа. Не «местечковый» Яхве – а Бог универсальный по своим характеристикам. Продвижение такого бога, которого многие народы могли бы принять за «своего», имело бы все шансы на успех.

Нужно было решительно противопоставить этому процессу другой – равнозначный. Ответить ударом на удар. И ответ должен был быть предельно жёстким и эффективным, неважно, какого характера: симметричным или асимметричным...

Глава двенадцатая

Наилучшим выходом из создавшегося положения было бы уничтожение человека. Ну, то есть, всего человечества. Ибо, как верно потом заметит один деятель, «нет человека – нет проблемы».

Но, увы: рад бы – да не могу. Удивлены? А нечему удивляться. Да, мы оба – я и Alter – олицетворяем собой Высший Разум и Высшую Силу. Так сказать, «нам нет преград ни в море, ни на суше».

Но – только применительно к явлениям Внешнего Порядка. А человек – не наше «производство»: это – продукт материи, следствие её саморазвития. И коль скоро мы с Alter-ego допустили развитие этой вселенной по собственным законам, наши полномочия ограничиваются тем минимумом, который мы в неё заложили: ничтожно малой частицей Сущности.

В человеке же её – столь малое количество, что его и в микроскоп не разглядеть. Следствием ничтожности присутствия – и ничтожность «эсхатологического влияния» на человека. Мы можем управлять им. Мы можем играть им. Мы можем подводить его к смерти. Но мы не можем удалить его прямым действием, не говоря уже о мысли. Стереть его с лица Земли – так, как с классной доски стирают тряпкой «не то слово» – не получится.

Само же человечество пока ещё не в состоянии истребить самоё себя по причине интеллектуальной ничтожности. (Если не забыли, речь идёт о временах становления единобожия – поэтому не умничайте на тему атомной бомбы). В итоге мне не оставалось ничего другого, как терпеливо подталкивать его к этому шагу. К смертоубийству, то есть.

Не поймите превратно: лично мне человек безразличен. И пусть бы он жил и размножался, подобно другим тварям, если бы не вмешательство Alter-ego. И ладно, если бы он использовался в борьбе между нами как переменный капитал, без остатка потребляемый в процессе изготовления чего-либо традиционного. Например, в форме противостоящих друг другу армий или толп религиозных фанатиков, где всё – просто и без затей. Ну, так, как это имеет место во всех случаях противостояния классического типа.

Но ведь «сосед» планировал использовать его против меня как оружие! А это уже серьёзно! Тут уже не до сантиментов. Ведь у меня не было гарантий того, что это – попытка с негодными средствами, как говорят юристы.

Пока мы противодействовали друг другу «сам на сам» в Беспредельности Внешнего Порядка, я был уверен в непоколебимости статус-кво. Борьба наша была лишь механизмом, запускающим Творческий Процесс. Но теперь, когда мы допустили появление саморазвивающейся материи, я больше не мог быть настроенным столь «благодушно».

Да, существует Предвечность с её законами, главный из которых: Изначальная Предопределённость. Но всё это хорошо для сферы Внешнего Порядка. Мы ещё не сталкивались с энергией веры, которая отличается по своим «характеристикам» от той энергией, что производим мы с Alter-ego. Где гарантия того, что незнакомый нам вид энергии не в состоянии нарушить статус-кво?! Увы, но такой гарантии нет, потому, что нет ни знания её природы, ни опыта работы с ней.

Да, как две Ипостаси Высшего Разума, мы видим будущее. Будущее сферы Внешнего Порядка. Будущее каждого эксперимента. Но будущее этой вселенной мы можем видеть только в её конечной фазе. И всё потому, что предоставили ей право развиваться по собственным законам.

Мы знаем, чем всё закончится. Мы видим этот конец. Но мы не можем предвидеть самого процесса. Не можем охватить его сразу, целиком. Мы можем наблюдать только его развитие – и участвовать в нём наряду с человеком. Либо в фазе настоящего, либо в фазе прошлого. Фаза будущего нам неподвластна – в плане изменения его. Речь – о будущем Земли, разумеется.

Да, наше участие существенно. Оно имеет определяющий характер. Но и только. Как отразится концентрация энергии веры на положении дел в Беспредельности Внешнего Порядка, ни я, ни Alter сказать не можем.

Надеюсь, я уже «дошёл» до читателя: мы не можем предвидеть новое состояние незнакомого процесса в каждой точке его развития. А вдруг на каком-то этапе Изначальная Предопределённость будет поколеблена?! Ведь в основе своей она – Предопределённость Финала, но не Процесса! Процесс может оказаться совсем не таким уж предсказуемым. И кто знает, чего нам с Alter-ego будет стоить участие в нём?! И какими мы выйдем из него: ведь мы видим только состояние Внешнего Порядка, но не самих себя?!

Чтобы определить наличие или отсутствие изменений в своих Ипостасях, нам надо «взглянуть» друг на друга «глазами» друг друга. Пока не было борьбы с привлечением внешних сил, мы не нуждались в этом. Но если будет сформирована Третья Сила, которая начнёт влиять на положение дел во Внешнем Порядке, необходимость такого «взгляда со стороны» будет нелишней. И я теперь не был уверен в том, что мне гарантированно удастся сохранить в неизменности свою Ипостась.

И вновь я встал перед необходимостью выбора. Того самого: что и как? Как и чем ответить на успех Alter-ego, чтобы это был достойный ответ? Как поразить его неожиданным ходом, который даст мне преимущество, а его заставит ошибиться, а, то и вовсе – отказаться от своих намерений?

И тогда я решил сделать крутой разворот. И в тактике, и в политике. От апологии многобожия я решил перейти к открытой критике самой идеи божества. Вариант с альтернативными Богами Едиными я оставлял «на потом», как менее радикальный. Как тот, который – всегда «под рукой», и к которому никогда не поздно прибегнуть.

Нестандартный ход получился... «нестандартным»: Alter был застигнут врасплох. Он-то видел развитие ситуации в направлении, казавшемся ему определённым раз и навсегда. То есть, он внедряет идею Бога Единого – а я борюсь с ней, сохраняя и преумножая пантеоны. Ну, или разоблачаю несостоятельность конкретного божества в качестве Бога Единого. То есть, продолжаю работать «вторым номером» и привычными способами. И вдруг – покушение на саму Идею?! Такого «святотатства» Alter и в мыслях не допускал.

Понять его недоумение можно. Как можно отрицать Идею Бога, если Бог – это Мы с ним?! Мы – Две Ипостаси Единосущного, Предвечного, Всезнающего и Всемогущего, Создателя Всего и Вся?! То, что творится в неразвитых мозгах людей, все эти их яхве, ваалы, ра, мардуки, зевсы, юпитеры и перуны – это лишь продукты их сумеречного представления о Нас Самих!

Но всё же то главное, что человечкам следовало понять, они понять сумели. И заключалось оно в том, что должна существовать «где-то» Высшая Сила как Творец и Господин всего видимого и невидимого, в том числе, и его самого, жалкого червя.

Да, образы этого главного были чудовищно далеки от того, которое оно имеет. Но люди хотя бы поняли свою роль: марионетки в Руках Судьбы. Но вот чего они не поняли – так это то, что Судьбе нет до них никакого дела. То, что, использует их она исключительно в своих целях, ничуть не заботясь об их сохранности и благополучии.

И вот теперь одна из Сущностей Единосущного намеревается убедить человечков в том, что нет никакой Судьбы, нет никакого Извечного Предначертания – и вообще ничего «такого»!

Alter был сбит с толку: зачёркивая Идею Бога, я де-факто зачёркивал самого себя – ну, и его «за компанию»! Но он ошибался. Он слишком «широко» взял проблему. А всё – гораздо проще. Как в шахматах: кто кого переиграет. Кто сделает нестандартный ход. Кто первым отойдёт от шаблона. Первым отошёл я.

Вот и получается: «Нам не дано предугадать...» – не человеческий эксклюзив. Поэтому Alter, не уяснив, каким образом я собираюсь зачёркивать» себя и его, решил «уйти в защиту».

То есть, пропустить свою очередь и действовать по ситуации. Отступить с занимаемых рубежей. Но не «на заранее подготовленные позиции». И не с целью «выпрямления линии фронта». Ему требовалось время на осмысление – и он вынужденно-добровольно уступал мне инициативу. А я и не собирался отказываться.

Для работы «по вновь утверждённому плану» мне требовались исполнители и «площадка». Признаюсь: выбор был невелик. Alter основательно поработал над мозгами «пиπλα». Пусть и невелика заслуга – по причине малого объёма работ – но идею-то он внедрил. Идею неперменного существования Высшего Разума.

Картина, представшая «моим глазам», рождала в душе всё, кроме оптимизма. Атеизм Египта, Вавилона, Индии и Китая был неглубоким, поверхностным. Даже их лучшие умы не зрели в корень. Всё ограничивалось сомнениями, большей частью связанными с «техникой» отправления культов. Никто не смог подняться до отрицания Бога как Идеи. Критиковались жрецы, отрицалась необходимость жертвоприношений, высказывались «претензии «к небу» общего и частного характера. Вроде тех, что много позже изложит в своих рубаи Омар Хайям:

«О, Небо! К подлецам щедро твоя рука:

Им – бани, мельницы и воды арыка,

А кто душою чист – тому лишь корка хлеба!

Такое Небо – тьфу! – не стоит и плевка!»

Красиво, образно, но неглубоко. И главное: даже эти гневные слова – признание Высшего Разума, пусть и в форме критики! Ни Хайям, ни кто другой из критиков «несправедливого «Неба» не задался вопросом: «А кому я предъявляю претензии?!» Плевки адресовались несправедливости «Небес»: об отрицании речь и не шла.

Правда, чуть позже в Китае появится один толковый парень по имени Ван Чун, который первым из восточных философов отвергнет «Небесного владыку» и духов. Он заявит о том, что «первоначалом» всего является первичный эфир, образующий всё многообразие вещей, включая и человека тоже. Сам заявит: я тут – ни при чём.

Но такой он был один. И объявился он позже того времени, когда я нуждался в нём и таких, как он. Ждать я не мог, равно, как и перенести его в иное временное измерение: земные фокусы – не по моей части. Да, и потом: я – Бог, а не фокусник.

И я обратил свой взор на более перспективную «арену действий». Лучшего выбора, чем греческие полисы с их стремлением развивать не только ремёсла и искусства, но и науку, и сделать было нельзя. Полисы буквально «кишели» философами разного толка и калибра. Оставалось лишь отсеять «мелочь» и чуть-чуть «подправить» толковые мозги.

Самым перспективным участком работы мне показались Афины. В отличие от земного Востока, здесь имелись не только отдельные философы, но и целые школы. Как минимум – направления, которых придерживались философы «числом больше одного». Пятьсот земных лет – с «минус шестого» по «плюс второй» века – благословенное время для моей творческой деятельности по разложению Идеи Бога в мозгах человека. Ибо на ниве материализма отметились не только философы, но даже «работники культуры».

К примеру, неплохо поработали над дискредитацией этой идеи драматурги Эсхил и Еврипид, комедиографы Аристофан и Лукиан (последнего я задействую чуть позже). Для начала процесса разложения достаточно было даже софизма Протагора, который утверждал, что о богах нельзя знать ни того, что они существуют, ни того, что их нет, ни того, каковы они по виду.

Книга Протагора, которую я помог ему сочинить, имела большой успех. Настолько большой, что разгневанные читатели сожгли её на костре, а самого автора изгнали из Афин (вмешался Alter). Но зёрна сомнений были уже заронены в мозги – и, следовательно, философа вытурили не зря.

Задел был создан – и можно было переходить к философии более высокой степени отрицания. Таковой представлялась мне критика Карнеада Киренаика. Опираясь на телеологию, утверждавшую, что мир создан богом ради интересов человека, Карнеад пошёл «от обратного». Он стал говорить о том, что если творение получилось несовершенным, а интересы человека попираются на каждом шагу, то либо у бога была другая цель, либо вообще не было никакого бога.

Тоже – неплохо: свидетельствует не только о многообразии contra Бога, но и о философском потенциале человека. Честно говоря, именно в Афинах я впервые перестал морщиться и плевать при слове «человек».

Ещё дальше в разоблачения Идеи Бога пошёл Ксенофан, который первым заявил о том, что мир создан не богами. Более того: он заявил, что это люди создали богов, наделив их человеческими чертами. Таких категоричных представлений не было ни во время Ксенофана, ни после него. Вынужден говорить об этом с сожалением: мысль философа опередила своё время. Мозги соплеменников не были готовы воспринять его мысли.

Да и Alter, не поняв ещё моих намерений, но по обыкновению своему противодействуя «из принципа», не остался в стороне от процесса. Он сумел выдать мыслителя за не вполне нормального чудака, слова которого не стоит воспринимать всерьёз. Увы: невозможно разрушить за несколько лет то, что человек создавал в своём воображении тысячелетиями. Да и «пипла» всегда больше, чем человека: согласитесь, что это – не одно и то же.

Но, процесс, как говорится, «пошёл» – и я не собирался останавливаться на достигнутом. Кандидаты на роль продолжателей дела Ксенофана имелись – и не в единственном числе. В первом ряду этих достойных мужей находились авторы атомистической теории Демокрит, Эпикур и Лукреций. Они неплохо потрудились и на ниве дискредитации религий, и в части прояснения материалистической картины мироздания. Главной «изюминкой» в их теории явилась идея вечности и бесконечности мира, идея мироздания как непрерывного процесса. Уже одно это умаляло представление о мире как порождении богов.

Особенную симпатию я испытывал к Эпикуру и его римскому последователю Лукрецию Кару. Эпикур, хоть и признавал существование богов, первым заявил о том, им, богам, нет дела до людей и их мира. Боги, по Эпикуру, живут даже не во Вселенной, а между мирами, в так называемых «интермундиях». Занятые своим блаженством, поеданием амброзии и потреблением нектара, они лишены как возможности, так и желания воздействовать на людей.

Отсюда: бесполезны всякие молитвы – ведь молитва есть просьба о вмешательстве и об оказании содействия. Точно также нечего надеяться на чудеса, которое тоже не что иное, как вмешательство в естественный ход событий.

Конечно, это было не совсем то, чего я ожидал. И я бы не удовлетворился работой подшефных, если бы не их последующие мысли.

Так, Эпикур заявил о том, что нечестив не тот, кто отвергает мнение толпы о богах, а тот, кто их разделяет. Он первым определил высказывания толпы о богах как лживые домыслы. Это было уже «кое-что». Или, как говорят у нас в Одессе, «что-то с чем-то».

Но Эпикур не остановился на достигнутом – и пошёл дорогой истины. (Как сказал, а! Это я – о себе, разумеется, если кому непонятно). Он заявил о том, что не только тело, но и душа человека атомарна по своей природе. И она столь же смертна, как и тело. Поэтому не может быть ни надежд на загробную жизнь, ни страхов перед ней. И пусть его представление о душе как материальной субстанции ошибочно, один только факт её смертности крушил фундамент веры. Ведь и донныне представления о посмертном воздаянии занимают не последнее место в ней.

Конечно, таких смелых заявлений, идущих вразрез с устоявшимися представлениями, ему не могли простить ни современники, ни потомки. Но главное: ему не мог простись этого Мой Недруг. Чуть позже он возьмёт реванш, организовав кампанию наглой клеветы в адрес

этого достойного мужа. Эпикура обвинят в пропаганде безудержных чувственных наслаждений. Хотя не было ничего более далёкого от правды, чем подобные обвинения.

Да, Эпикур проповедовал удовольствие как высшее благо и цель жизни. Он считал его естественным состоянием человека как живого существа. Но ведь удовольствие удовольствию – рознь. Эпикур понимал удовольствие как отсутствие страдания. И компонентов удовольствия в его понимании было великое множество. Сюда входили услады вкуса, слуха, зрения, чувственные наслаждения, беседа с приятным собеседником и так далее.

Но главное, что опровергало ложь врагов: удовольствие, по Эпикуру, не самоцель, а лишь средство достижения счастливой жизни. Таковой же может считаться лишь такая жизнь, которая ведёт к безмятежности души (атараксии).

Тит Лукреций Кар пошёл ещё дальше своего учителя (не без моей помощи, конечно). Так же, как и Эпикур, «определив» богов в «интермундии», он первым обобщил атеистические представления о происхождении религии. Он первым заявил о том, что религия – это плод человеческого невежества и страха перед необъяснимыми явлениями природы. Это был уже не просто шаг в верном направлении: это было уже само верное направление. И уже за одно это Лукрецию и его поэме «О природе вещей» надо поставить вечный памятник – хотя бы в сердцах и умах ищущих людей...

Глава тринадцатая

Увы: сделанное моими протеже было пределом того, что можно было сделать в современной им обстановке. Недруг мог и не напрягаться: за него всё сделали люди. Точнее, невежество одних – и желание сохранить это невежество других.

И тогда я понял, что работать нужно не только с человеком, но и со средой, которая формирует его. Изменив среду, я изменю человека, заставлю его задуматься. Хотя бы – над природой своих представлений. И, может, тогда он поймёт несостоятельность верований в плод собственного – либо навязанного извне – воображения.

Но я также понял, что всё сделанное мной при помощи античных философов – это задел на будущее, только самое начало работы на перспективу. И что сиюминутного результата добиться не удастся. А мне ведь нужно было противостоять замыслам «соседа», как говорится, «здесь и сейчас».

Философское осмысление несостоятельности богов приняло характер вялотекущего процесса. (Не перестаю восхищаться своими формулировками, пусть и заимствованными из какого-то словаря!)

Не забывая о поддержании в нём жизни, я должен был искать другие способы борьбы. Пусть даже не столь радикальные в плане изменения сознания. Для начала следовало испытать на прочность божков местного значения. Философствовать было некогда, я находился в цейтноте – и поэтому единственно приемлемым способом проверки счёл войну.

Но не ту, что велась окраинными народами на узенькой площадке между Красным и Средиземным морями. Мне нужна была война масштабная, раскинувшая «театры своих действий» на тысячи километров во все стороны света.

И взгляд мой упал на уже знакомый район Эгейского моря. Там над россыпью мелких демократий и тираний возвышались два мощных полиса: Афины и Спарта. Но, увы: ни у кого из них не было представлений о себе, как о господах мира. Никто не ходил дальше прибрежных районов Персии. Даже не стремился к этому. Обоих вполне устраивало положение региональной державы.

Главной причиной «неправильных» взглядов была узость представлений о мире. Если «край земли» – «за той горой», трудно ли мыслить себя «пупом земли»? Подобное довольствование малым не соответствовало моим требованиям к кандидатам. Я даже не стал «напрягаться»: зачем «доводить» некондиционный материал, когда наверняка есть кондиционный?

И я переключил внимание на соседа Греции: Македонию. Страна виделась мне удивительно первобытной, особенно в сравнении с Афинами.

Местные жители умудрились законсервировать замечательные качества дикаря, без чего нет настоящих завоевателей: ненависть, зависть, агрессивность, стремление отобрать у другого то, чего нет у себя. А это, в свою очередь, воспитывало настоящих воинов: сильных, безжалостных и преданных государю.

Первым делом я натравил местного царя Александра на соседей-греков. Изнеженные и разобщённые «философы», мастурбаты и любители «мужской дружбы», они не смогли – и не могли – дать отпор «варварам» с севера. И Греция пала к ногам Александра. Теперь можно было вести парня на завоевание и более далёких земель. Тем паче, что здесь испытания верой получиться не могло: и покорители, и покорённые поклонялись одним и тем же многочисленным богам, что меня вполне устраивало.

Воспитанный Аристотелем, Александр имел более широкий взгляд на вещи. В том числе, и на географию. Он ясно представлял себе, что соседями пределы «земного диска» не ограничиваются. Мысль его летела дальше – в земли, неведомые не только среднестатистическому гражданину античности, но и широко образованному царю-завоевателю.

Убедившись в потенциале Александра, я привёл его в Персию. Должен прямо сказать: для того, чтобы воспитать в нём завоевателя, мне не пришлось «особенно стараться», ибо этот молодой человек был прирождённый агрессор. В результате Персия была разгромлена не просто быстро – катастрофически быстро. Вряд ли кто из её друзей и недругов полагал, что это вообще произойдёт, не говоря уже о том, что это произойдёт так скоро и с такими катастрофическими последствиями для великой державы.

Но, вопреки моим расчётам, Александр не только не принёс свою веру на чужую землю, не только не начал «сталкивать лбами богов», но проявил ненужную мне веротерпимость. Не скрашивало положения и то, что ему, по большому счёту, не было дела до богов. Кроме одного: самого себя. Alter на всякий случай «вовремя подсутился» – и по его наущению Александр решил «приписаться» к богам.

После нескольких безуспешных попыток подвигнуть «гражданина Македонского» на работу в нужном направлении, я, в конце концов, охладел к нему. Товарищ явно не оправдал моих ожиданий. Но это был мой товарищ – пусть и не товарищ мне. И чтобы Alter «не облизывался» на «освободившуюся площадку», «на дорожку» я пособил лекарям Александра в лечении царя: дал им рецепт одного снадобья. Царь страдал от сильных болей – и дар был принят с благодарностью.

Разумеется, я ничего не сказал о том, что препарат, помимо болеутоляющего, имел ещё и сильный побочный эффект. А он, таки, имел его. Накапливаясь в крови и внутренних органах пациента, он не только разрушал их, но и легко «брал» пределы допустимой концентрации. Тут даже трудно сказать, какой из эффектов был побочным. Alter слишком поздно разглядел в моей добродетели «совсем даже наоборот» – и неблагодарный Александр, уже объявивший себя богом, «отбыл на постоянное жительство» к «товарищам по работе».

Сохранять его империю, видя перед собой вполне различимую перспективу «монотеизма на больших площадях», я не имел желаний. И, едва прах царя отправился на родину, я столкнулся лбами его ближайшее окружение: Пердикку, Кратера, Антиоха, Антипатра, Селевка, Птолемея Лага, Лисимаха и всех прочих желающих «пободаться» за куш. Схватка за наследие Александра растянулась на полвека. Всё это время никому из претендентов не было никакого дела до религиозных споров. И на том, как говорится, спасибо. С паршивой овцы – да хоть паршу. Да и передышка, какая-никакая.

Меня уже занимал другой «клиент»: Рим. Всё мне нравилось в этом благословенном государстве: и воинственность его жителей, и их неутолимая жажда завоеваний, и их безоговорочное отрицание идеи Бога Единого. Я даже не возражал против того, чтобы римляне вводили в свой пантеон богов покровлённых ими народов – или хотя бы придавали своим богам черты богов инородных. В результате Юпитер стал точной копией Зевса, Меркурий воплотил в себе черты Гермеса, а Юнона прекрасно уживалась с Кибелой и Митрой.

Рим оказался куда более полезным «союзником», чем Александр. Его экспансии, казалось, не будет конца. А в главном для меня вопросе Рим всегда действовал в том направлении, которое представлялось наиболее перспективным. Но теперь мои взгляды на отношение к богам покорённых народов претерпели изменения. Что поделаешь, если бытие определяет сознание! Исходя из нового видения перспектив, я решил, что Риму не следует чересчур усердствовать в насаждении на завоёванных территориях храмов в честь римских богов.

Меня вполне устраивало то, что варвары сохраняли своих духов и богов в неприкосновенности. Хотя Alter очень старался уменьшить их число до минимума. В этой связи он даже пытался «играть на моём поле», иногда превосходя меня активностью в деле побуждения Рима к навязыванию своих богов.

Alter зрел в корень: не всегда цели можно достигнуть «одним махом». Иногда для этого требуется последовательность шагов. Нужно уметь не торопить события. Считаясь с реальностью, Alter видел путь к единобожию в работе по уменьшению числа богов в пантеонах. Он

активно помогал усилению значимости главного из богов, постоянно выпячивая его. При этом он концентрировал в его образе не только заимствованные у других богов «положительные черты», но и властные полномочия.

Сейчас Alter считал главным участком работы ликвидацию «отраслевых» богов. Он уже понял, что стадии множества «Богов Единых» не избежать на пути формирования Бога Единого. И поэтому он активно «помогал» мне-себе на данном этапе противостояния. Закон единства и борьбы противоположностей в действии.

Только напрасно он старался: я без труда распознал маневр. Я ведь сам не раз использовал эту тактику. Это когда, вроде бы противореча своим интересам, «сгруппа» помогаешь врагу – и доводишь реализацию его намерений до абсурда. В итоге поражение нередко превращалось в победу.

Я тоже анализировал обстановку. Оценив результаты эксперимента с Римом, я вновь стал рассматривать войну как приоритетный способ решения теологических проблем. Что мне всегда нравилось в Риме – так это оперативность и радикализм: пришёл, увидел, победил, как сказал один деятель, обласканный мною Юлий Цезарь.

Но римский пример был только началом реализации плана больших войн. Конечно, воители и не предполагали о том, что, покоря народы, они выполняли куда более важную задачу. Поэтому я не только не мешал, но и всячески содействовал им в грабежах и разбое. Особенно там, где обнаруживались малейшие признаки Бога Единого Перспективного. Бога Всех. Только не надо укоризненно качать головами: на войне, как на войне. Не я выдумал правила: я только следовал им. И не ради собственной прихоти: ради спасения Вечности.

То, что мы с «родственником» делали руками землян, было лишь «разведкой боем». Сражения нам только предстояли. Но моя цель уже определилась: не допустить формирования в сознании народов Бога Их Всех Без Исключения. Пока сражения шли между язычниками, выполнялась тактическая задача периферийного значения: сохранение и закрепление статус-кво. То есть, множественности пантеонов у всех подвернувшихся под руку народов.

Второстепенный характер этого противостояния понимал и Alter. Хотя вряд ли он проник в мою идею разжечь в близкой перспективе войну между народами-единоверцами. И не просто единоверцами: отправляющими культ Бога Единого. Проникновение исключалось по чисто техническим причинам: мысли были надёжно укрыты глубинами сознания, непрозрачными для самого изощрённого сканирования Недругом.

Осталась для него тайной и моя идея о разжигании войн между сторонниками разных единых богов. Эта идея, равно как и идея войн между народами-единоверцами, виделась мне исключительно перспективной. Ведь в обоих типах войн энергия веры приобретала центростремительный характер. Адресованные «туда», «наверх», желания единоверцев выступали бы как взаимоисключающие. Каждый просил бы у общего Бога дарования победы только ему. Следовательно, другой стороне должно было достаться поражение.

Таким образом, потоки энергии не просто вступали бы в противоречие друг с другом. Они вступали бы в открытое противостояние, стараясь превзойти и подавить конкурента. Это предотвращало бы концентрацию однородной энергии во Внешнем Порядке. Как минимум, до уровня критической массы, позволяющей преобразовать её в ту самую Третью Силу, на которую Alter делал ставку в борьбе со мной за изменение Сути Ипостасей.

Что, уж, тут говорить об истечении энергии веры в разных «единых богов»: направленностью просьб к богам-антиподам они уничтожали бы одна другую ещё на выходе из источника! Это – как «плюс» и «минус», которые производят отнюдь не братское единение и не «дружбу между народов»!

Глава четырнадцатая

Как бы ни колебалась чаша весов в нашем противостоянии, я постигал неизбежность. Неизбежность сосредоточения веры на одном из объектов поклонения. Причина – всё та же: земная цивилизация. Земная цивилизация, которая есть продукт саморазвивающейся материи. Я допустил это – и теперь поневоле вспоминал пожелание Никиты Сергеевича: «Бачили очи, що купували – ишьтэ, хоть повылазтэ!».

Но неизбежность факта не есть абсолют формы. Это – рабочий материал, глина в умелых руках. Поэтому, отряхнув досаду, я приступил к реагированию. Противопоставить намерениям «родственника» я мог только равноценный «продукт». То есть, концепцию.

Как это сделать? Как сделать так, чтобы не тратиться на «лобовую атаку» появившегося где-то «Бога Единого»? Нужно ли разубеждать уверовавших в том, что их «Бог» таковым не является? Что это – всего лишь продукт развития сознания, которое само – продукт бытия? Что этот Бог – лишь преобразованная в «моно» сумма всех своих коллег по пантеону?! По сути – такой же идол?!

Я уже убедился в том, что тьма умственная – естественная «среда обитания» мозгов большинства млекопитающих рода «человек». Следовательно, эффект от «лобового удара» был бы ничтожным. Цели же неперемогенного разоблачения самой Идеи Бога как всего лишь «продукта сознания» я перед собой не ставил. Идея-то бесполезная. Хотя бы для обуздания звериной сущности человека. Я же хотел лишь помешать «соседу» навязать человеку конкретного «Единого Бога».

Я вернулся к «заначке». То есть, к планам развить идею единобожия до абсурда. Нужно было «наштамповать» столько единых богов, чтобы их хватило на всех. На каждый народ Земли. По штуке на брата. Зачем разоблачать несостоятельность конкретного «Единого Бога»? И зачем это делать мне? А двуногие – на что?! Мне оставалось лишь помочь им. Наставить на путь истинный. А путь этот – дать другого «Единого Бога». Собственного. Всём. Каждому этносу – по Богу. Пусть решают, кто из них – «более Единый» и «более единственный».

Я уже представлял этих «богов». Они должны были быть во всём противоположными. Они должны были олицетворять не только разные сущности, но и разные религии. Они должны были проповедовать взаимоисключающие понятия и ценности, противореча друг другу даже в мелочах. Мне представлялось, что лишь таким способом можно будет столкнуть одну религию с другой, одного «Единого Бога» с другим! Что лишь таким способом я смогу не допустить появления в мозгах двуногих Универсального Бога!

Боги одного плана – что-нибудь вроде коллег-громовержцев Юпитера, Зевса, Перуна и Одина – представляли в этом отношении серьёзную угрозу. Слишком велика была вероятность того, что народы, поклоняющиеся им, поймут, «что – к чему» – и объединят божества в одно под каким-нибудь «собирательным» именем. А это – уже почти настоящий «Единый Бог»!

Скажу больше: это могли сделать и не народы, а кто-нибудь один. Один человек – тот, кто смог бы их объединить, и для удержания в повиновении использовать унифицированное средство – Универсального Бога. Почему я был уверен в этом? Потому, что единые боги появляются там, где появляется единый правитель – неважно, под каким титулом. Я уже понял этот закон бытия: там, где есть нужда в сильном государстве, и для его возникновения есть все предпосылки – там возникнет необходимость и в едином божестве.

Я создал классы, намереваясь разделить людей, чтобы не допустить объединения их суеверий. Я имел своей задачей не позволить им сосредоточиться на каком-то одном продукте тёмного сознания. И я сделал это. Мне удалось разделить человека по имущественному признаку. Но и Alter не «дремал».

В практике нашего противостояния случаи использования оружия соперника против него же самого – не редкость. Вот и теперь Alter попытался обратить поражение в победу. Он хорошо уяснил мои идеи. В частности, мысль о сути государства, как орудии защиты экономически господствующего класса. В развитие этого положения он подвёл имущих к пониманию того, что средством защиты могут выступать не только армия, полиция и закон. К услугам власть имущих он предложил религию со всеми её атрибутами: классом профессиональных священников, культовыми учреждениями, обрядами и ритуалами.

Соответствовать заявленным целям могла только религия, основанная на вере в Бога Единого. Alter в очередной раз доказал, что любой процесс можно довести до конца, который будет абсолютной противоположностью началу. И не схоластики ради, а для восстановления статус-кво.

Мне не оставалось ничего другого, как реализовать на практике дарованный миру принцип «Divide et impera!» – «Разделяй и властвуй!» Я снова вернулся в «минус шестой» век. Для того чтобы «оказаться» там, мне не требовалось прибегать к услугам машины времени, «магическим словам» или каким-то «телодвижениям». Достаточно было одной лишь мысли.

Но и она отнюдь не была занята «механической работой»: нет нужды. Ведь я присутствую во всех измерениях сразу: в прошлом, настоящем и будущем. Мысль же работает, как переключатель каналов в ПДУ. Сравнение – грубое, но дающее представление о «механизме перемещения».

Опять же – насчёт «прошлого, настоящего и будущего». Конечно, я использую эти термины в их человеческом понимании: напоминаю ещё раз для «особо понятливых». В Беспредельности Внешнего Порядка не существует времени. Время – свойство материи, о которой также имеет смысл говорить лишь применительно к этой вселенной – не первой, и, думаю, не последней. А во Внешнем Порядке существует только Предвечность.

Наверно, я уже «достал» читателей постоянными ссылками на Внешний Порядок. Поскольку с серым веществом у вас... мда... то, так и быть: растолкую. Внешний Порядок – это Всё Сущее и Пока Ещё Не Сущее. Внешний Порядок – это то, что является внешним по отношению к этой вселенной, её предтечам и последователям. Внешний Порядок – это Предвечный Абсолют Мироздания в его трансцендентном понимании. (Чувствую, что «не въезжаете» – но до табурета не могу упроститься!)

Наконец, Внешний Порядок – это «среда обитания» Обеих Ипостасей Единосущного. И, самое главное, кажущееся парадоксальным, невозможным и непостижимым разуму человека: Внешний Порядок – это и есть Обе Ипостаси Единосущного.

То есть, мы с Alter-его, «существуя» во Внешнем Порядке, одновременно с этим не только являемся его олицетворением, но и ним самим. Каждая частица нашей Сущности – это частица Внешнего Порядка.

Сумма этих частиц и образует Внешний Порядок. Или, если совсем коротко, то Внешний Порядок – это Внутреннее Вовне, равно как и Внешнее Изнутри.

Если, уж, вы и сейчас не поняли, то... «вернёмся к нашим баранам». В контексте нынешнего противостояния с Alter-его я мог бы действовать сразу во всех земных измерениях. Но не стал делать этого. Отчасти потому, что не имею привычки суетиться. Отчасти – «вынужденно»: по причине специфики законов вселенной и её продукта – человека. Непредсказуемость этого развития на отдельных фазах вынуждает меня к логической последовательности: самый оптимальный вариант.

Как ещё споёт один товарищ: «объясняю популярно для невежд». Я совсем не исключал того, что, начни я действовать сразу во всех измерениях, мне пришлось бы в земном будущем корректировать свои прошлые и настоящие ходы. Ведь полем моей деятельности в каждый отрезок времени всегда есть и будет конкретная фаза развития человека и общества. То есть, конкретное их состояние. Но поскольку оно не может оставаться неизменным, то моя одно-

временная работа во времени, будущем по отношению к этому, будет происходить без учёта изменений, уже состоявшихся в прошлом и настоящем.

Кроме того, я «всегда» должен был иметь в виду фактор Alter-ego. Ведь кроме фактора развития человека и общества, в котором тот существует, в земном мире всегда присутствует фактор воздействия Alter-ego на эти процессы. Вполне могло получиться так, что Alter, изменив прошлое, сделал бы несостоятельной мою работу в будущем, поскольку в земном прошлом она не могла учитывать этих изменений.

Поэтому суетиться не следовало. Напротив, я должен был действовать неспешно, переходя от одной стадии к другой последовательно. Как минимум, это обеспечивало надёжные «тылы» в виде прошлого, которое уже нельзя было бы изменить в силу полностью отработанного нами обоими ресурса.

Задача создания множества «единых» богов и религий вступила в стадию реализации. Для работы у меня имелся уже не только план: я подобрал несколько подходящих кандидатур на роль «отцов» религий. Каждая из этих религий представлялась мне достаточно перспективной для того, чтобы стать религией не одного народа, но многих. Большого пока и не требовалось.

Первым, кому я «открыл Сокровенное» – так ему следовало думать – был персидский юноша по имени Заратуштра, что жил в Бактрии при царе Виштаспу. Я включил его в «разработку» примерно в то время, когда Иосия сумел навязать Иудее и Израилю Яхве в качестве Единого Бога. Точнее, когда Alter именем Иосии сделал это, посредством «случайного обнаружения» в храме Соломона «потерянной несколько столетий» назад «Книги Яхве». Горько вспоминать о собственной нерасторопности...

Но вернёмся к моему избраннику. Впоследствии одни «историки» будут утверждать о том, что Заратуштра жил за шестьсот лет до царствования Ксеркса, другие – за пять тысяч лет до троянской войны! Ни то, ни другое не соответствует действительности. Последователи всегда хотят «состарить» как своего «пророка», так и своего Бога, чтобы уже этим показать их верховенство над остальными, «ненастоящими».

Чтобы никто не мешал образовательному курсу, я удалил парня на высокую гору, и под видом бога Ахурамазды «открыл» ему новое учение. Суть его заключалась в том, что миропорядок находится в прямой зависимости от борьбы добра и зла, света и тьмы, жизни и смерти. Олицетворением положительного начала я представил ему «себя», божество по имени Ахурамазда. Божество пребывало в вечном Свете и вечной весне со всеми её благоуханиями и мягким климатом. То есть, в среде обитания, идеальной не только для бога.

Ахурамазде я противопоставил «отрицательный персонаж» Анхра-Майню – олицетворение Сил Зла и Тьмы. Я «объяснил» Заратуштре, что именно этот дух, пребывающий, естественно, во мраке, устроил суровую зиму, удушливую жару, град и прочие «атмосферные прелести». Кроме того, «из вредности» он создал ещё и вредных животных типа змей, скорпионов и тараканов. Мало того: он проник в недра земли, где оборудовал вечное обиталище для грешников, не уверовавших в Ахурамазду.

Я также «объяснил» парню, что оба они с Анхра-Майню – сыновья Бесконечного Времени, которое тоже является Богом и даже носит имя: Эрван. Сказал и о функциях «друзей-соперников»: оба – каждый в своё время – являются вершителями истории.

Так как Заратуштре предстояло иметь дело с сознанием «публики», ещё не избавившейся от веры в духов природы, мне пришлось «соответствовать». Каждому из врагов я придал целые отряды помощников.

Так, Ахурамазде я пособил шестью бессмертными святыми. А чтобы уравнять силы и не обижать Хозяина Тьмы, то я предоставил Анхра-Майню равное по силе подкрепление в виде духов зла – мужского и женского типа.

Духов-мужчин я рекомендовал Заратуштре назвать дэвами: они должны были олицетворять как дурные наклонности человека, так и губительные явления природы. Духи-женщины, также не способствовавшие увеличению количества добра, были определены мной как пери. В переводе с фарси: «ложь, обман» – тут и пояснять нечего.

Определившись с расстановкой сил, я растолковал Заратуштре «содержание всемирной истории». Так как человечки, с которыми ему предстояло иметь дело, постигали лишь то, что видели, а результат постижений измеряли своими примитивными мерками, я не мог не считаться с этим обстоятельством. Именно поэтому я ограничил историю человечества двенадцатью тысячами лет: другой срок публика не осилила бы. И ни космос, ни цикличность тут ни при чём. Согласно «моей инструкции», в первые три тысячи лет Ахурамазда создал чистые существа: небо, землю и растения. Вторая «трёхтысячелетка» была посвящена созданию первобытных людей и животных.

Вот тут уже я выводил на сцену Олицетворение Зла Анхра-Майнью. Этот «нехороший человек» по «сценарию» уничтожал плоды трудов Ахурамазды в последние три тысячи лет творения. Тем самым, открывался длительный период борьбы между Силами Света и Тьмы.

Дабы лишний раз подчеркнуть Заратуштре важность его персоны, я объяснил подопечному, что период борьбы между добром и злом закончился с его рождением. То есть, на тридцать первом году царствования Виштаспы. С этой благословенной поры якобы и начался новый период истории человечества, в котором оно и пребывает по сей день.

Вместе с тем я не стал таить от пророка то, что борьба закончилась лишь «в общем и целом». Анхра-Майнью не побеждён, хотя и вынужден был «уйти в подполье» и даже сделался невидимым по причине того, что был лишён «вида на жительство» на Земле. Это последнее, хоть и создавало определённые неудобства, не лишало его возможности оказывать влияние на всё происходящее на Земле. Формы – самые разнообразные: от осквернения творений светлого духа до соблазнения людей и отращения их от Ахурамазды.

Что же касается финала всей этой истории, то он, хоть и придётся на последнее трёхтысячелетие, будет нескорым и непростым. Для начала должен родиться спаситель, который, действуя заодно с бессмертными святыми, приданными мной в помощь Ахурамазде, победит дэвов и восстановит мир в его первоначальном облике. То есть, в виде, какой он имел до вмешательства в творческий процесс Анхра-Майнью.

Последний же будет определён «на вечное жительство» в первичный мрак. После чего Ахурамазда вместе со своим воинством займётся разбирательством дел грешного человечества. Состоится взвешивание добрых и злых дел каждого. Мероприятие – деликатное, ведь решение судьбы человека будет зависеть не только от удельного веса добра и зла, но и от точности измерительных приборов.

Это – к вопросу «объективности суда», которому личные предпочтения не должны заставить Свет Истины. Критерии должны быть чёткими и одинаковыми для всех. То есть, никаких «двойных стандартов». Ведь, если злые дела перевесят, бедолага отправится напрямиком в ад.

При равновесии же Ахурамазда должен взять «тайм-аут» для дополнительных размышлений. На это время – до дня повторного заседания Страшного Суда – человек будет определён в промежуточное царство. И правильно: не играть же на человека в «орлянку»!

Образовывая Заратуштру как пророка, я приоткрыл ему правду о положении дел с «Руководством на небесах». В части наших с Alter-ego Сущностей, как двух сторон Вечного Разума и Вечной Силы. То есть – двух Ипостасей, противоречия между которыми и являются двигателями Творческого Процесса.

Конечно, учитывая специфику объекта работы, я вынужден был дополнить аллегории средствами традиционной мифологии с её антропоморфизмом, с обязательными мифами на тему конца света, с обещанием «когда-нибудь обрести лучшую долю в лучшем из миров».

Вероучение казалось несложным для усвоения. И это – при том, что оно включало в себя все необходимые ингредиенты: веру в Ахурамазду, прижизненную помощь ему в борьбе со злом, последующее воздаяние. Казалось, мной было учтено всё, что является основой любой религии классового общества.

Но, вопреки моим расчётам, успех вероучения оказался скромным. Причиной того было даже не вмешательство «соседа», который, разумеется, соучаствовал в процессе. И совсем не инкогнито, хоть и старательно делал вид, что он всего лишь «погулять вышел».

Увы, но при всей кажущейся универсальности, наше вероучение не избежало влияния среды. Того самого общества, для использования в котором и предназначалось. То, что я не смог изначально предвидеть, впоследствии очень верно определит поэт: «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут!». Прямо – не стихотворная строка, а готовая аксиома.

Признаю: я слишком положился на универсальные черты вероучения. Не учёл местной специфики. Не учёл того, что продукт тандема Ахурамазда-Заратуштра имеет вполне конкретное потребителя. В силу этого обстоятельства ареал распространения учения изначально не мог быть большим, выходящим за пределы одного народа.

Так оно и получилось. Учение распространилось из Мидии на Персию, где и остановило своё, далёкое от победного, шествие. Я, конечно, поспособствовал тому, чтобы эта религия стала хотя бы государственной. Но это уже были «мёртвому припарки». Тогдашняя Персия была уже не той, что при Ахеменидах: и площадей меньше, и народов. По большому счёту, эта вера осталась верой лишь титульного народа.

Я мог бы сделать хорошую мину при плохой игре – но зачем? Самокритика – вещь полезная. Даже полезнее критики. Она свидетельствует о работе ума и трезвом взгляде на вещи, чего у меня не отнять, даже при всём желании. По сути, это – тот же анализ, позволяющий увидеть ошибки, чтобы не совершать их в будущем.

Но, как бы там ни было, замысел потерпел неудачу. И лишь по одной причине: вера пришлась по нутру только этому народу. Здесь удачно совместились обе специфики: и религии, и сознания. Другим народам Ахурамазда «не показался». Или показался не тем, кого я казал.

Alter, разумеется, был тут как тут, вовремя подсуетился – и учение получило «соответствующее» паблисити. Совсем не то, которое хотелось бы. Результат наших совместных усилий – моей недоработки и его работы: новая религия потеряла все шансы на то, чтобы стать одной из мировых. Ахурамазда остался всего лишь экзотическим местечковым божком.

Признаю: некоторая экзотичность имела место. И, если она и влияла на потенциальную добычу – то лишь в негативном плане. «Пипл» не был готов воспринять те формы, в которых вера давалась для усвоения. Специфические особенности отправления культа только усугубили положение. Человеку Запада трудно – а часто и невозможно – было согласиться с некоторыми из них.

Особенно дико для западных цивилизаций выглядело обращение поклонников Ахурамазды с телами умерших единоверцев. Моё упущение: зря я предоставил Заратуштре некоторую самостоятельность. Понадеялся на его идеологическую зрелость, а напрасно. Парень он – толковый, думающий, но... не всегда «в ту степь». В который уже раз я убедился в верности старой истины: «Доверяй – но проверяй!» Мало ли, что до сего времени он был надёжным рупором моих мыслей, ни разу не отклонившимся от «линии партии»?

В результате, несущественные, казалось бы, вопросы отправления культа, я доверил ему изложить своими словами. И тут красноречивый Заратуштра «разошёлся» – и «вышел за рамки». В порыве творческого энтузиазма он такое насочинял, что даже у меня встали бы волосы. Если бы были. «Оказалось», что по смерти адепта в его тело входит женский демон – и труп становится нечистым, оскверняя всех, кто его касается или хотя бы слишком близко стоит к нему.

«Об остановиться» уже не было речи. Заратуштру «понесло» – не удержишь. У парня оказалась богатая фантазия. Он объявил, что труп не может быть сожжён, так как это было бы величайшим осквернением огня. Но он также не может быть ни похоронен в земле, ни брошен в воду, поскольку осквернил бы землю и воду. Остаётся всего «чистый» способ «погребения» трупа: отнесение его на высокие горы, доступные лишь диким зверям и хищным птицам, где ему только и место. В пасти ненасытных хищников. Ну, скажите, кому понравится такое обращение со своими будущими останками – даже при всей доскональности истолкования его причин?

К сожалению, внешняя сторона учения для тёмных разумом людей куда важнее теоретических основ! Что ж: сотворить Универсального Бога пока не получилось. Я не сумел распространить веру в Ахурамазду за пределы державы Сасанидов.

Но созданный мною Бог оказался настолько «своим» для этой страны, что никаким другим богам и думать не следовало о проникновении в её пределы. Тем самым, ставился первый барьер на пути распространения единобожия. А это был уже успех. Пусть тактический, пусть частичный, но успех.

Глава пятнадцатая

В поисках нового места приложения ума мысль моя переместилась чуть южнее и восточнее, на полуостров Индостан. Ознакомившись со спецификой языческих верований местных племён, с их обычаями и укладом, я уже не ставил перед собой цели сотворить на этой «базе» «крупноформатного Единого Бога». Теперь я вполне удовлетворился бы тем, что сумел бы вырвать из-под потенциального влияния других религий огромный регион с его многомиллионным «пиплом».

Я решил: «Пусть не будет Универсального Бога Востока. Но пусть будет Ахурамазда, как Бог Персидской державы, и пусть будет Бог огромной Индии! Бог, которого я пока ещё не наделил ни именем, ни чертами, ни даже идеологической „начинкой“. А там, глядишь, удастся создать ещё несколько Богов регионального формата. Главное: не допустить появления Бога Единого или Бога такой массы людей, которая позволит Alter-ego создать нужную концентрацию энергии для Третьей Силы».

Кандидата в Учителя на Индостане я наметил одновременно с Заратуштрой. Сиддхартха Гаутама сразу же показался мне именно тем человеком, который сможет вызвать брожение в умах миллионов. Даже, если мне с ним не удалось бы сделать большего, то и тогда я считал бы свою миссию успешной.

Гаутама был не каким-то, там, бродячим дервишем «без папы и мамы». Он принадлежал не просто к знатному – царскому – роду, и был старшим и любимым сыном Судгоданы, вождя арийского племени сакиев (или шакья). Мать его, Магамайя, была старшей женой правителя.

Ещё до того, как я выделил Гаутаму, он уже сам, ещё мальчиком, выделялся из толпы сверстников. Он хотел до всего дойти своим умом. Мне осталось лишь указать ему направление движения. Для этого я определил к нему в наставники одного толкового аскета, который довольно грамотно просветил юного философа на тему несправедности сего мира. В результате они с Гаутамой даже «перевыполнили план»: царевич начал смотреть на все земные радости, как на суетные вещи. Он размышлял о «кренделях небесных» – в плане тихой монастырской жизни – и теперь упорно искал случай всецело отдаться воздержанию и размышлению.

Конечно, это было «отклонением от линии» – я ведь готовил его совсем не к затворничеству. Парень должен был нести в массы свет нового учения. Но, в целом, я не беспокоился насчёт избранника. Я знал, что эти мысли – лишь стадия на пути к другим, более привлекательным для меня. И не столько в теоретическом, сколько в практическом аспекте.

Так и случилось: тихая жизнь скоро наскучила молодому человеку. Гаутама захотел повидать свет, постичь мудрость других, а буде возможным – и поделиться своею. Я не возражал – и в июльское полнолуние, в обществе одного-единственного спутника и нищенской сумы на двоих, отправил царевича «постигать мудрость мира сего».

Я не ошибся с переориентацией монарших взглядов: парень быстро понял, что от него требуется. Поднабравшись опыта, он уже проповедовал себя, как одного из Будд, являвшихся на Землю в разное время. Я подсказал царевичу, как объяснить своё «производство в чин». Гаутама заявил о том, что религия каждого из его предшественников «в должности» «Просветлённого» (именно так переводится это слово с санскрита), много раз уже забывалась до прихода нового Будды. Новый всегда начинал на том же самом месте: снова проповедовал ту же тысячелетнюю истину. В конце концов, Гаутама – с моей подачи – объявил себя Двадцать Пятым Буддой.

Видя, что парень действует по плану, я уже не вмешивался в его работу. Я даже не торопил его с «обращением масс»: плод должен был созреть. Хотя в предоставлении Гаутаме относительной свободы, наряду с положительным, имелся и отрицательный момент. Принц, увлечённый наставлениями аскета и желая то ли отказаться от мира, то ли вдохновить остальных

личным примером, довел себя до такой степени истощения, что мне пришлось вмешаться. «Не ровён час – помрёт мальчонка с голоду».

Застав его однажды в состоянии обморока, я понял, что люди не зря говорят: «Дозволь дураку Богу молиться – он и лоб расшибёт!» Дураком мой подопечный не был – но лоб уже начал расшибать. Выговорив товарищу, я усадил его за обеденный коврик, и впредь наказал не заниматься самоистязанием, от которого – ни толку, ни проку.

Гаутама оказался учеником понятливым. Да и то: кого может вдохновить аскетическое самоистязание? Оно и его самого «почему-то» «не просветляло». Поэтому, отделив духовное от телесного, принц стал вести жизнь нормального человека, хорошо питался, избавился от обносков – и даже обзавёлся семьёй.

Последняя «творческая инициатива» не предусматривалась моим планом. Но восстановить статус-кво было уже невозможно: у Гаутамы родился первенец. Увы, но дурное дело – нехитрое.

Так как это не соответствовало образу пророка, я немедленно обратил мозги Гаутамы к размышлению. Он должен был понять, что не следует из одной крайности шароухаться в другую. «Маленькие радости жизни» немногим лучше бестолкового аскетизма. Я был прям: «Парень, это – не для тебя. Это – для тех червей, в которых тебе поручено вложить хоть немного ума. Не разочаровывай же меня!»

Наверно, мне не следовало «давить» на мужика. Он и сам уже видел, что жизнь двуногих не способствует обретению того, к чему он стремился. Точнее, к чему стремил его я. Хотя, пожалуй, стремление было обоюдным: личность-то была совсем даже не «личностью».

Гаутама внял – и предался размышлениям. Он даже покаялся за то, что сбился с пути. Я не настаивал на покаянии – мне достаточно было возвращения принца на стези Просветления. Но он оказался к себе строже, чем я – к нему. Это было лишним доказательством того, что я не ошибся в человеке. Что он – именно тот, кто мне нужен. Что рано или поздно он реализует мои планы.

В то время среди тамошних философов бытовало мнение о том, что посредством систематических размышлений и покаяния люди могут стать выше богов. Самонадеянная чушь, конечно, но в данном случае вера Гаутамы в возможность таких «превращений» была мне на руку. Парень должен был окончательно поверить в свои силы, в своё назначение, в свою звезду – ту, которую я зажёл персонально для него.

И Гаутама оправдал мои ожидания. В подаче себя как воплощение Будды он преуспел настолько, что даже чужестранцы стали почитать его как святого. Что, уж, тут говорить о родственниках и соседях?

Но торопиться с внедрением парня в массы не следовало. По одной только причине: на Гаутаму временами «накатывало». Конечно, «всё подвергай сомнению», но не до такой же степени! Я взял тайм-аут: принц должен был преодолеть сомнения. Относительно верности «избранного им» (как он считал) пути. Я не слишком порицал его: только дурак ни в чём не сомневается. А Гаутама искал ответы. Он постигал и себя, и мир. Да, и потом: мало понимать самому – надо ещё уметь объяснить другим. Так, чтобы поняли. Так, чтобы поверили. Разумеется, я не оставлял его без опеки и руководящего начала.

И однажды я увидел: товарищ «дозрел». Он был уже в состоянии конспективно давать тему. Да и сам «подровнялся» душой и телом. Он уже не считал, что умерщвление плоти является необходимым условием веры. Теперь Будда проповедовал иное – да, как складно! Я мог гордиться нами обоими: собой – как автором и режиссёром, им – как талантливым актёром.

Согласно нашему (без сожалений делюсь лаврами) учению, всё телесное есть материальное. А материальное – временное, так как оно само в себе носит зачатки разложения. Пока человек связан с материальным миром телесным существованием, он регулярно и даже систематически будет подвержен разрушению, печали, и смерти. Пока человек позволяет дурным

желаниям господствовать в душе, он будет на постоянной основе чувствовать неудовлетворенность, бесполезное утомление и заботы.

Особенно хороша была выстраданная лично Буддой мысль: бесполезно стремиться очистить себя порабощением плоти. А всё – потому, что нравственная порча в душе человека связывает его с материальным миром. Плакаты с этим изречением вывесить бы в лачугах отшельников, наивно пытающихся личным бомжеванием изменить мир! Умерщвлять плоть лишениями – дело ненужное, бесполезное и «чреватое». Главное внимание должно уделяться очищению души от скверных помыслов: лишь чистому сердцу открыт мир и добрые дела.

И – как апофеоз: только искоренение всего дурного разорвёт цепи существования человека и перенесет его «на другую сторону, откуда душа его уже не переселится в другое тело». Каково?!

Это было оригинально – и совсем не походило на учение Заратуштры, несмотря на присутствие идеи борьбы со злом. Но у Заратуштры это больше касалось борьбы «во внешнем мире», в то время как Гаутама проповедовал борьбу со злом в самом себе, как первопричины нравственной порчи, связывающей человека с миром, как источником печали, разрушения и смерти.

Простота наставлений способствовала их быстрому распространению в массах. Это ставило крест на надеждах Alter-ego заполучить столь выгодный плацдарм для насаждения Идеи Бога Единого. «Оторвать и разорвать!» – именно таким виделось мне теперь направление действий. Меня вполне устраивал лоскутный образ земных вероучений. И чем больше будет таких сильных Единых Богов «местного пошиба», тем меньше будет у Alter-ego шансов заменить их фигурой Бога-Пришельца. Поклоняться этой фигуре ему пришлось бы соло.

Чтобы облегчить восприятие учения, я помог Будде, склонному к излишнему философствованию, чётко сформулировать основные положения. Я и дал название религии: «буддизм». Незачем «изобретать велосипед»: вера всегда отождествляется с именем объекта поклонения.

Эти основные положения я назвал «четырьмя великими истинами». Вот они.

Первая истина: несчастья всегда сопутствуют жизни.

Вторая истина: источник всего бытия лежит в страстях или похоти.

Третья истина: избавиться от бытия можно, только уничтожив похоть.

Четвёртая истина: достигнуть этого можно, лишь поднимаясь по ступеням, ведущим в Нирвану.

И ступеней таких я определил тоже четыре.

Первая ступень состоит в пробуждении сердца. Когда пелена спадает с глаз верующего, когда он познает великую тайну скорби, неразлучной с жизнью и со всеми земными интересами, когда он обращается к Будде – он становится на первую ступень по пути к спасению.

Вторая ступень состоит в освобождении от нечистых помыслов и мстительности.

Для того чтобы достигнуть третьей ступени, верующий должен отделаться от всех злых желаний, от незнания, сомнения, ереси, недоброжелательства и раздражительности.

Венцом жизни, по нашему с Буддой учению, должно было стать всеобщее милосердие. Мы с ним так наставляли паству: истинная свобода заключается только в любви. Это и была последняя, четвёртая ступень на пути в Нирвану. Ведь, проникнувшись любовью, каждый последователь Будды сможет порвать цепи незнания, страсти и греха – и, тем самым, избавиться свою душу от переселения.

Мы внушали: только любовь приближает человека к Нирване и ставит его вне законов материального бытия. Ибо только в случае преодоления всех четырёх ступеней ему откроются тайны будущей и прошлой жизни. Только в этом случае человек освободится от рождения с его последствиями – разрушением и смертью.

Напоследок я не преминул добавить в «бочку мёда» кое-что «для пикантности». Человеку неискущённому достижение заявленных целей не должно было казаться делом простым

и лёгким. Мы с Буддой дали ясно понять всем: избавиться от того, что является сутью человека, невозможно, ибо результатом изменений был бы уже не человек в его теперешнем понимании.

Мы также напомнили объекту, что последней, четвёртой ступени, на Земле достигнуть не сможет никто. Но тот, кто вступил на эту стезю, уже не сможет покинуть её. Рано или поздно – но он придёт к Нирване, как высшему состоянию духа, в котором все земные привязанности преодолены, и нет больше ни желаний, ни страстей. То есть, к абсолютному покою – любимому состоянию моего «соседа».

Последнее «утешение» было традиционной порцией «бальзама на раны». Насчёт «рано или поздно» – это мы сказали, чтобы заранее не гасить в человеке энтузиазма. Он должен был отдавать себя вере полностью, без остатка. «Никакого рано или поздно» не будет: финал человечества мне хорошо известен...

Несмотря на то, что цель вероучения должна была удовлетворять Alter-ego, появление нового Бога наносило серьёзный удар по его планам. Ведь на карте земных вероучений появились два бастиона – и оба на пути продвижения чужеземных богов. Мне удалось глубоко укоренить новые верования в сознании больших масс людей. И речь шла о религиях взаимоисключающего толка. Как это и предусматривалось изначально.

Все попытки «родственника» насадить здесь своих протезы были попытками с негодными средствами. Максимум, на что он мог рассчитывать – это на очаговое проникновение небольших групп «агентов».

Продвигая новых богов за границы «ареалов», я уже зрел в перспективу. С учётом этого видения, я и начал готовить для распространения на обеих территориях параллельные боже-ства, о которых Alter не имел ещё и представления. Нужно было страховаться...

Глава шестнадцатая

Всё та же Индия представлялась мне наиболее перспективной в плане насаждения параллельного божества. О, Индия – страна чудес и причуд! Ни в какой другой стране, ни у какого другого «пипла» я не встречал такого гигантского разнообразия духов и божков. Вот оно – благословенная почва для любого Садовода от Веры! Почва – исключительно плодородная, унавоженная мириадами духов и экзотическим невежеством «пипла» во всём его многообразии!

Новое учение я начал конструировать параллельно с насаждением буддизма: как-то не очень задалась наша с Буддой дела. Именно на полуострове – вопреки нашим расчётам. А во множестве других стран и народов восточнее и южнее Индостана мне удалось укоренить новую веру, почти не прилагая усилий! Воистину: «Нет пророка в своём Отечестве!»

Уже, казалось бы, обработанную «площадку» предстояло обрабатывать вторично. Как ни старались мы с Буддой, наше учение не имело шансов стать религией всех людей, населяющих полуостров.

Предвидел ли я это до начала работы? Ну, предвидеть, может, и не предвидел, но не исключал: дело то – новое, не освоенное. Но у меня была работа, которую я должен был делать. Я конструировал новое учение – дополнительно к зороастризму. Я создавал очередного Большого Бога. Я выстраивал барьер на пути идей Alter-ego. Я ничего не загадывал: я делал. Моей задачей было продвинуть Будду как можно дальше и охватить им как можно больше мозгов. Я не закрывал глаза на реалии. Потому, что сам – реалист. Я понимал: ста процентов не будет. Но любой процент – удар по планам «соседа». И это – главное.

Мне не в чем себя упрекать: я свою работу сделал. И цели достиг: создал учение. И насадил его на огромной территории. Alter пока лишь реагировал на мои движения. Всю дорогу – «вторым номером». Разве это ничего не стоит? Разве это ни о чём не говорит?

Беспокоить должно было другое. Параллельно с работой я делал анализ сознания «пипла» – объекта работы. Такой же анализ – уже вослед моему – делал и Alter. Результат был неожиданным. Оказалось, что множественность экзотических духов и первобытные верования в антропоморфные силы природы способствовали не только закреплению в сознании людей нового Бога и новой религии. Чем больше духов, тем больше почвы для появления новых богов. «Чистым листом» сознание «пипла» не сделать. Можно либо принимать его в работу таким, какое оно есть – либо не принимать вовсе: другого не будет. В этом сознании всегда жила возможность трансформации привычных образов в другой, обобщённый. И не обязательно один.

Alter понял это – и дальше анализа не пошёл. Ведь, следуя за «пиплом», он вступил бы в противодействие с самим собой. Каждый его новый шаг был бы шагом в сторону от создания Бога Единого. Alter создавал бы очередного «территориального Бога», без всяких огорок делая мою работу за меня. Собственными «руками» он воздвигал бы очередную преграду на пути к цели.

Но то, что не сделал Alter, сделал я. То есть, я попросту воспользовался ситуацией, в которой роль активного игрока отводилась лишь одному из нас. Второй же вынужден был работать зрителем и не «путаться под ногами», чтобы не сделать и без того не блестящее положение ещё хуже.

Объективности ради, должен заметить: моей заслуги в создании этой ситуации не было. Это – всё «пипл». А я лишь воспользовался случаем. Такие ситуации люди красноречиво характеризуют словами: «Всё, что ни делается – к лучшему!» и даже: «Не было бы счастья – да несчастье помогло!»

«Скрипнув зубами», Alter отвалил в сторону – а я приступил к работе. Я сразу понял, что этот мой труд имеет больше перспектив, пусть и в пределах Индостана. Да, я обратился в буддизм

миллионы. Но это было каплей в море. Оставались ещё десятки миллионов, не охваченных Буддой, да и не желающих быть охваченными. Эта публика не спешила расставаться с привычными божками.

Отбирать последних у них я не собирался – следовательно, оставалось только модернизировать объект поклонения. Это значительно упрощало мою деятельность по созданию очередной Псевдотрансцендентной Силы, готовой противостоять экспансии любого иноземного божества.

Условия для творческой работы были исключительными: в мозгах индусов глубокие корни пустила ведическая религия. Её установления были закреплены в четырёх Ведах – сборниках гимнов, молитв, жертвенных формул и заклинаний. Ведические божки являлись антропоморфным олицетворением сил природы: Агни заведовал огнём, Индра – атмосферой и её осадками, Сурья – солнцем, Варуна – небом, Сома – луной и так далее.

На этой основе развился брахманизм – традиционное для классового общества вероучение с местной спецификой, объясняющее и закрепляющее «Высшим Повелением» неравноправие людей и непрерывность переселения душ. Новое – лучшее по сравнению с предыдущим – перерождение могло быть только следствием беспрекословного соблюдения дхармы, то бишь, образа жизни, якобы вменённого людям богами для различных каст, или варн. Пределом мечтаний было слияние с высшим абсолютом – богом-Творцом Брахмой: все живые существа, согласно этого учения, являются лишь частицами Брахмы.

Меня вполне устраивал образ нового сильного Бога регионального значения. Как тому алмазу, ему нужно было лишь дать огранку. То есть, придать законченность и форму, подкорректировав как самого Бога, так и некоторые принципы стихийно сложившихся основ учения.

Прежде всего, я занялся самим образом нового «Бога Единого». Кстати, насчёт «Единого». В этот раз, воспользовавшись спецификой обстановки, я сделал «Единого» всего лишь «Центральным». Для этого Брахме с его устоявшейся репутацией создателя всех форм жизни я «присоседил» компаньонов: Вишну и Шиву. Эти двое должны были в случае необходимости подстраховать «шефа», а если понадобится – то и заменить его в качестве «главы триумvirата». Что, кстати, мне и придётся сделать чуть позже.

Это триединство – или «тримурти» на санскрите – давало возможность маневра в любом направлении. Я теперь имел возможность заменить любого из троицы, вера в которого стала бы терять в рейтинге, на более «авторитетного» в данный момент «товарища».

«Соседу» оставалось «кусать локти». Ведь вместо создания очередного сильного «Бога Единого» я создал целую команду, в которой один «страховал» другого» – и всю композицию в целом! Замена лица происходила бы без малейшего ущерба для веры – и это главное!

Теперь «соседу» нечего было и мечтать о том, чтобы лезть сюда с чужими богами. Ни один из «Единых Богов» с «европейской пропиской» не имел ни малейших шансов на прохождение хотя бы в «подручные». Так сказать, в «Боги на подхвате».

Предвидя неизбежность поползновений «родственника», я позаботился о том, чтобы новое учение не крепилось единой организацией. Административный ресурс в делах веры – наиважнейший. Более того, я обеспечил разнобой в толковании отдельных положений как вполне допустимый и не считающийся святотатством. Вдобавок к этому – «на всякий пожарный случай» – я раздробил массу верующих на множество сект. Теперь, попробуй, тут, насадить «иноземца»!

И в философию религии я внёс кое-что от себя. Например, я указал на циклический характер существования этой вселенной по нисходящей. Люди должны были видеть безрадостную перспективу земного бытия – и уже не только в плане соблюдения персональной дхармы. Но касты я не стал трогать: публика уже привыкла к *modus vivendi*, и менять его было незачем.

На всякий случай я лишь подчеркнул идею кармы как закона возмездия за совокупность поступков, определяющего характер каждого из последующих перерождений. И – всё. Ах, да:

ещё я определил четыре основные цели существования человека: исполнение предписаний, отношение к материальным ценностям, удовлетворение чувств и, как апогей вероучения – освобождения от цепи перерождения.

Последнее было «с подтекстом»: хоть таким образом я хотел породнить обе религии. Полагая, что «кашу маслом не испортишь» и памятуя о заслугах протезе, я произвёл Будду в одного из членов индуистского пантеона в качестве десятой аватары (воплощения в другое божество) Вишну. Не предел мечтаний, конечно, но всё же лучше, чем ничего.

Увы, приходилось считаться с реалиями. Ведь авторитет Вишну у большинства индусов был значительно выше авторитета Будды – не в пример соседям Индии, как ближним, так и дальним.

Не столько в плане экспансии, сколько для подстраховки, я переместил некоторое количество индуистов за пределы Индии. И они понесли «свет нового учения» туда, где уже и без того было «светло» от работы их конкурентов-буддистов. В результате индуизм распространился по соседям Индии: в Непале, на Цейлоне, а также в тех частях пока ещё единой Индии, где со временем предстояло образоваться новым государствам: Бангладеш и Пакистане.

Полагая ничегонеделание меньшим злом в сравнении с любым противодействием, Alter «молча» «глотал пилюли». Эта ситуация напоминала положение на доске в русских шашках, когда один из противников вынужден соблюдать правило «бить обязательно!» – а после этого, ужасаясь, наблюдать за тем, как его визави расправляется с тремя-четырьмя шашками и проводит свою «в дамки».

Моему Недругу оставалось лишь одно: продвигать идею Бога Единого на свободные площадки. Я уже не сомневался в том, что он сделал выбор: Яхве. Не берусь гадать, чем ему так уж приглянулось это изначальное божество примитивных кочевников-скотоводов, но стремление представить его в качестве «Единого и Единственного» было очевидно.

Конечно, на пути реализации этой идеи Alter-его ждало немало трудностей. И далеко не все они были связаны с противодействием с моей стороны. Так, например, проблему, ничуть не меньшую, чем моя «контрмиссионерская» деятельность, создавала малочисленность евреев и их пребывание на задворках мировой цивилизации. Хотя бы – в плане географии.

Но Alter нашёл выход из положения. Руководствуясь уже отработанной методикой – а именно теодицеей Яхве – он от имени Бога начал расселять «избранный народ» «по соседям». Якобы в качестве наказания за отступничество от своего бога в угоду иноземным. «Не хотели поклоняться своему богу в своей земле – будете поклоняться чужим богам в чужой земле!»

В сложившейся ситуации Alter сделал, пожалуй, единственно верный ход. Правда, ничего другого ему и не оставалось. Распыление евреев как разносчиков веры в Яхве было единственным способом внедрить это учение в другие земли и народы. На роль «миссионеров от меча» евреи не годились.

Первый «миссионерский» поток пришёлся на эпоху завоеваний Александра. Историческая правда не имела ничего общего с тем, что Alter от имени Яхве внушил «своему народу». Действительная же причина была такова: основная масса перемещений народов происходит исключительно по причине военного давления на них извне. Достаточно вспомнить многочисленные волны «переселения народов» – хотя бы, тех же славян, сначала отступавших под давлением готов, а затем – гуннов и обров. Поэтому не надо трюндить о поисках новых пастбищ: мелко!

И пошли евреи расселяться. Вначале – по соседям, а затем двинули на острова и полуострова Средиземноморья. Предваряя характеристику отношения к незванным переселенцам, хочу отметить вот, что: к этому времени уже сформировались некоторые специфические черты еврея. Прямо сказать – не из числа тех, что сразу вызывают симпатию к их носителям.

Евреи – некогда умелые ремесленники – под влиянием сурового быта обратили свой взор к «золотому тельцу». И не в переносном смысле: измена богу тут ни при чем. История

«минус десятого» века с воздвижением в храме Соломона по приказу царя Иеровоама двух золотых статуй тельцов не имеет к трансформации взглядов еврея никакого отношения. Тем паче, что Иеровоам своей акцией и не покушался на веру, лишь содействуя почитателям Ваала отправлять культ по месту жительства. Ваал в сознании верующих стоял тогда выше Яхве.

Евреи же стали поклоняться другому «золотому тельцу»: «богу» стяжательства и наживы. Еврей показал всем, что предприимчивость не имеет ограничений, а обмануть «гоя» – не есть согрешить: не единовеца же.

И настолько они преуспели в своём мастерстве, что побили все рекорды по темпам вызывания ненависти. Вскоре их стали просто бить. По мордам и всему остальному. И очень сильно. Иногда же – так и вовсе убивать. И чем дальше, тем больше.

Не каюсь, а просто информирую: моя работа. Я науськал – а евреи мне в этом помогли. Честно говоря, меня абсолютно не занимала судьба простаков. Я – не пророк, обличающий социальные язвы, не третейский судья, и даже не мировой. Евреи меня интересовали исключительно с одной точки зрения: они были глашатаями веры в Бога Единого. А вот уже этого я ни допустить, ни стерпеть не мог. Сложившаяся уже к тому времени репутация еврея как ростовщика и кровопийцы только помогала мне в натравливании на них обиженных масс трудящихся.

Разумеется, ни о каком распространении Бога Единого за пределы «земли обетованной» и речи быть не могло. Так – небольшие очаги, даже пятна, на территориях, населённых негроидами и монголоидами. Европы идея Единого Бога Иудейского ни увлечь, ни заразить не смогла. Да и там, куда она проникла, успехи её были настолько скромными, что я даже «постеснялся» бы называть их успехами. Alter, надо отдать ему должное, так и сделал: постеснялся.

Так евреи стали изгоями всюду, куда их только забрасывала судьба. Рукой судьбы была, естественно, рука Alter-его. Ну, а «давал по рукам», а заодно и по евреям – ваш непокорный и не слуга. Изгоями они становились не только, как носители чужой веры, но и как этнос, запятнавший себя безудержным поклонением золоту. «Два – в одном» – и не в пользу Alter-его.

Это – не только следствие просчёта Недруга, но и результат моей работы с товарищами. В отличие от Alter-его, целиком занятого воздействием на «духовные рычаги» подшефных, я взялся не за веру, а за тело.

Нет, конечно, душу я тоже не оставлял без внимания. Но внимание это было иного рода, чем то, которое уделял ей «сосед». Обнаружив в иудее черты характера, перспективные с точки зрения дискредитации их носителей, я уже не пускал дело на самотёк. Ибо от дискредитации носителей черт – прямая дорога к дискредитации того, кого они принесли в мозгах: Бога Единого.

Я стал лелеять, холить и пестовать в подшефных то, что изначально должно подвергаться осуждению: высокомерное отношение даже к титульным народам тех стран, где они находили себе прибежище, жадность, зависть, накопительство, желание преумножить состояние любыми путями. Я внушил им, что совесть, честь и стыд – удел неудачников.

И труды мои не пропали втуне. Почва для произрастания нелучших черт оказалась настолько благодатной, что за какое-то поколение мне удалось не только вырастить нацию ростовщиков, но и отодвинуть на второй план самого Яхве. Да, иудеи продолжали поклоняться своему божеству, но уже по инерции. В силу традиции, без души. Оно больше не занимало их мысли. Оно больше не стояло на первом месте. Оно больше не замещало им радостей земного бытия. А последними я сделал для евреев только наживу, только фактор материального благополучия.

Еврейское ростовщичество как прообраз банковской системы я использовал для расчленения народов – и даже для их расколов в самом себе. Работая с иудеями, я «зрел» в перспективу. На показательном примере евреев я намеревался воспитать местные кадры ростовщиков.

Зачем? Ответ простой: евреи наглядно демонстрировали не только то, как можно быстро разбогатеть, но и то, как можно быстро стать объектом всеобщей ненависти.

В моём деле это имело первостепенное значение. Не зря ведь народная мудрость гласит: «Сыт голодного не разумеет». И я «очень постарался» для того, чтобы количество голодных, не могущих «разуметь сытого», начало увеличиваться стремительно и безудержно. Я начал всемерно содействовать всем желающим встать на путь обирания своих же сограждан и добиваться преуспевания любой ценой. За чужой счёт, естественно.

Всё большее число людей, будучи не в состоянии рассчитаться с долгами, стало попадать в кабалу финансовой зависимости. Это не могло не вызывать отторжения душ. Да, что там «отторжения»: ненависти. И уже не к одним только евреям, но и к безжалостным кредиторам одной с ними крови. Мои труды «по выращиванию семитов в антисемитах» начали приносить свои плоды.

Следствием этой ненависти стал духовный раздор уже не только между «титульными» и пришельцами, но и между «своими», единоверцами. То есть, если имущие просили у Бога ниспослать им «дополнительное» богатство, то их должники вместо просьб об оказании финансового содействия обращали к нему мольбы о ниспослании на своих мучителей всех мыслимых и немыслимых кар.

И вот уже взаимоисключающие потоки энергии веры формальных единоверцев уничтожают друг друга ещё на подступах к пределам Внешнего Порядка. Ни о какой концентрации однородной энергии и речи быть не могло – к непередаваемому огорчению Alter-ego.

В очередной раз «коллеге» оставалось лишь признать своё поражение. А я, «вдохновлённый» результатами эксперимента с участием «народа избранного» и его последователей «по финансовой части», начал кампанию за распространение полезного опыта. Опираясь на достигнутое, я пошёл дальше. Это была даже не экстраполяция опыта: это была новая фаза работы с человеком. Теперь мне надлежало «обратить взор свой» на всё человечество сразу. Пора было совершать небольшую «революцию сознания» «в мировом масштабе», не распыляясь ни на каких «избранников».

Я уже говорил том, что не ставил перед собой задачи вытравить из сознания людей Идею Бога. Пусть себе веруют. Пока мне это совсем не мешало. Лишь бы они веровали не в одного Бога, а в нескольких сразу. Я наметил другую цель: перевернуть сознание людей. Устроить так, чтобы формально верующие начали жить так, словно никакого Бога со всеми его инструкциями не существует.

Я должен был сделать из Бога всего лишь элемент выходного дня. Отныне паства должна была ходить в храмы так, как ходят на променады – в парк или набережную. Что называется, «людей посмотреть и себя показать». А, если навещать Господа – то лишь так, чтобы уже на следующий день напрочь забыть о том, кому вчера отвешивал поклоны. Вера должна была стать безобидной привычкой «без нутра».

В лучшем случае – для себя и жрецов культа – Яхве должен был предстать в образе никого не пугающего пугала. Чем-то вроде нестрашного «бабайки», которым на сон грядущий «вразумляют» непослушных детей.

Бог должен был стать всего лишь частью традиции – и это убило бы энергию веры. Эманация трансцендентной энергии стала бы невозможной. Максимум, на что сподобилось бы «при таком раскладе» сознание человека, так это производство «мертворожденных элементов». А ведь «родственник» нуждался в качественном продукте: из «трупов сознания» Силы не выстроишь...

Глава семнадцатая

Сделать Бога чем-то вроде дальнего родственника, о котором вспоминают лишь тогда, когда от него можно что-то получить – такой была теперь моя задача. Решить её можно было одним способом: переориентировать человека на другую шкалу ценностей. Показать ему, что загробная жизнь хороша, но земная лучше. Доказать, что такое «совмещение» не только не противоречит сути человека, но и не влияет на характер его отношений с Богом. То есть, наглядно предъявить объекту то, что впоследствии определят словами «Богу – Богово...».

Следовало также убедить человека в том, что текст о невозможности поклонения «двум тельцам сразу: Богу и Мамоне» – «не из той оперы». «Товарищи» должны были уяснить себе, что это наставление толкуется буквально, в контексте исторических реалий, относящихся к далёкому прошлому еврейского народа. А именно: к тому периоду, когда поклонение Яхве и Ваалу, олицетворявшемуся в виде тельца, начало осуждаться жрецами Яхве: уж, очень они хотели заставить соплеменников отказаться от поклонения другим божествам.

Я преуспел в своём начинании: паства осознала, что одно совсем не мешает другому. Да, что, там, паства: даже пастыри вняли – и вместо того, чтобы собирать абстрактные «сокровища» на небе, занялись сбором сокровищ вполне земного происхождения!

Разложение душ шло полным ходом – и Alter был не в силах остановить процесс. Не имел под рукой «противоядия». А всё потому, что человек по природе своей – хищник. Изначально, с первого гена, он был предназначен отнимать чужое и делать его своим, вкусно жрать и сладко пить, стремиться к власти и богатству. Это социум со своими коллективистскими установками навёл на него благородный глянec. В моём понимании: порчу. Я должен был снять этот глянec (порчу) – и вернуть человечка в естественное состояние. Параллельная с этим так называемая вера в Бога меня ничуть не смущала.

Задача, стоявшая передо мной, была предельно ясной: освободить человека от того, чем его наделили общество и «шибко правильные» люди. Для её решения требовалось лишь вернуть «пипл» в исходное состояние. В состоянии индивидуума – со всеми вытекающими отсюда последствиями, как для него, так и для всех наслоений социума.

(Вот пишу – и сам собой восхищаюсь! Это же надо так определить! Хоть сейчас – в энциклопедию!.. Хотя, может, это оттуда и есть... Но всё равно – красиво! Я даже не думаю о том, воспринимает ли меня «пипл» читающий. Да и то: в скамейку мне, что ли, превратиться, чтобы стать понятным?)

Я намерен был раздробить общество на единицы, которые уже не были бы ячейками. Из структурных элементов они должны были превратиться в нечто самостоятельное и самодостаточное. В оплот эгоизма.

Мне следовало внушить человеку, что для достижения цели хороши все средства. Даже те, которые «по традиции» считаются «нехорошими». Нужно было изменить критерий оценки проявлений сознания, в том числе и поведенческие установки. Для этого то, что считалось аморальным, следовало представить не просто допустимым: нормой.

«Поразмыслив», я счёл необходимым подключить к работе помощников. Из философов разных эпох. Фактор времени меня не смущал: я ведь охватываю все времена сразу, если кто ещё помнит.

На примете у меня было несколько толковых мужичков, которых можно было «задействовать» в работе. Некоторые из них уже сотрудничали со мной – не подозревая об этом, конечно: уже упоминавшиеся Демокрит, Аристотель и Эпикур. Были и перспективные новички: Аристипп и Антисфен. Достойную компанию им составили толковые подданные Рима – как, например, уже также упоминавшийся Лукреций и пока ещё не упоминавшийся Эпиктет.

Мне нужно было дать «пиплу» философское обоснование «переворота в мозгах». И не от Бога – от человека: от своих доходит быстрее. Избранники не подвели: материала для работы было предостаточно.

Так, Демокрит, один из провозвестников гедонизма (теории наслаждений), заявил о том, что он допускает выбор поведения и ответственность за него лишь постольку, поскольку это поведение соотносится с законами, установленными самим человеком. Он же – первым – определил движущее начало в человеке. В его представлении таковым являлось получение наслаждений и избежание страдания. Более того: Демокрит заявлял, что эти стремления, определяющие все действия человека, заложены в него самой природой. Неплохо. Совсем неплохо.

Другой мыслитель – Аристипп – без всякой помощи с моей стороны пришёл к мысли о том, что счастье – это длительное удовольствие, что только оно является критерием добра и целью жизни. Это заявление, ещё не вполне конкретное, уже подводило философский базис под практику моего преобразования сознания человека.

Развивая Аристиппа, я помог грекам сформировать целое философское течение – эвдемонизм. Согласно учению эвдемонизма, исходным принципом нравственности является счастье. Всё, что ведёт к счастью – нравственно. Я также помог философам понять, что счастье, а, значит, и всё нравственное, заключается исключительно в удовольствии. Как говорится, чем ближе к земле – тем нравственней.

Правда, один из моих подопечных, некто Антисфен, чуть уклонился в сторону от «генеральной линии». Противореча наставляемым мною философам, он вдруг противопоставил счастье наслаждению. Это вносило ненужную сумятицу в мысли – и я тут же подправил «заблудившегося» товарища его молодым коллегой Аристотелем.

Последний – уже в русле «генеральной линии» – утверждал, что в его представлении счастье – это особый случай наслаждения, устойчивое и гармоничное удовольствие. Всё вернулось на стези своя, и понятие счастья вновь обрело земные формы – что и требовалось доказать.

Но я не хочу быть чересчур строгим к Антисфену: и этот «фрайерок сгодился». Антисфен проповедовал счастье, как внутреннюю свободу человека и полную независимость от общества. Он требовал автономии личности, то есть, свободы от общественных и религиозных законов. Правда, совсем «не в цвет» он полагал, что добиться этого можно лишь путём ограничения потребностей. Руководствуясь этими неверными установками, его последователи-кинники отвергали чувственные удовольствия и богатство.

Но, заблуждаясь относительно способов и вроде бы противостоя коллегам, Антисфен ударял по обществу с другого фланга. Если они проповедовали богатство и наслаждения, то он проповедовал полный отказ от них. И то, и другое вело к отрыву от общества с его стремлением унифицировать сознание, с его желанием взять каждого индивидуума под свой контроль.

То есть, учение Антисфена по-своему мешало превращению личности в «учётную единицу». Разумеется, становление личности интересовало меня не вследствие «расположения к человеку», но лишь по причине необходимости отрыва его от общества и Бога.

В результате одни больше, чем о Боге, начали думать о преумножении богатства, другим же было наплевать – и на богатство, и на общество. И то, и другое раскалывало монолит общества, а, значит, и монолит сознания. Отсюда не могли не пошатнуться как единство в вере, так и крепость в ней. С чем я и поздравил с трудом уже «косящего под прохожего» Alter-ego.

Крайностям Антисфена дополнительную остроту придали взгляды Эпиктета, римского философа-стойка. Эпиктет провозгласил главным лозунгом своего учения индивидуальную свободу. В его представлении эта свобода являлась величайшим благом, только и делающим человека счастливым.

Этот мыслящий «аскет не напоказ» утверждал, что истинно свободным может быть лишь тот, кто распоряжается тем, что в его власти. К такому «имуществу» он относил лишь мысли и волю. Всё материальное благо – даже тело – Эпиктет не считал исключительной собственностью.

стью человека, которой он может распоряжаться по своему усмотрению: ведь и то, и другое легко отнять. Оставалось то, чего отнять нельзя: мысли и воля.

Самое главное, что было в учении Эпиктета: ради достижения духовной независимости следует полностью отречься от общества. Это было именно то, что и требовалось для вырывания человека из массы «не мытьём, так катаньем»! Индивидуум, удалившийся от общества и сосредоточившийся на себе, уже не являлся ни «ячейкой», ни «элементом». Его нельзя было «обобщить» и «охватить». Такой человек был потерян для религиозной обработки – а, значит, потерян и для Alter-ego, как потенциальный источник энергии веры в Бога Единого.

Эпиктет, последовательный во всём, довёл свой аскетизм до предела: он даже имени своего не оставил: ведь «эпиктет» – слово нарицательное, и в переводе с греческого означает «приобретённый кем-то», то есть, «раб». Вот он, образец истинного «ухода в себя»!

Убедившись в том, что оба пути ведут к развалу общества, я отказался от выбора. Пусть будут два варианта: «наслажденческий» и «аскетический» – лишь бы они, каждый по-своему, противодействовали устремлениям Alter-ego.

Перечисляя коллег по работе с сознанием человека, не могу не упомянуть имя Эпикура. Этот высоконравственный человек утверждал, что нравственность – не от бога, а от природного стремления к удовольствию и избежанию страдания. То есть, что она производна от наслаждения и счастья. Мне настолько понравилась эта мысль, что я возвёл слова Эпикура в степень учения и дал ему имя: «автономная этика».

Эпикур и сам не понимал, насколько он был прав. Ведь в Беспредельности Внешнего Порядка ни одно из взаимодействий не может оцениваться с точки зрения морали, нравственности и тому подобной «человечности» – потому, что ничего подобного там не существует и существовать не может.

Вся эта чужь – производное материи, использовавшей свою продукцию: человека и его сознания. Оба они были исковерканы обществом с его стремлением всё охватить, учесть и унифицировать – во благо обществу, но вопреки интересам личности.

Получив исходный материал, я должен был его обобщить, придать форму и пустить в дело: всё-таки, философы – не проповедники. Они ограничивались узким кружком своих учеников, изредка используя возможности публичных выступлений. Полем же моей деятельности было всё человечество с его расколотым сознанием, которое мне предстояло расколоть окончательно до состояния не подлежащих склеиванию осколков.

(Нет, ну, как говорю! Как говорю! Шедевр образности! Жаль только, что приходится хвалить себя самому: дождёшься от вас!)

Для начала следовало определить главные добродетели для вновь формируемого – или деформируемого – сознания человека. Таковыми мне виделись следующие: жажда наживы, индивидуализм, эгоизм и аморализм. В арсенал подходящих для человека средств я включил умело варьируемую жестокость, притворство и лицемерие. Не забыл я и способность побеждать не только силой, но и обманом, дополняя это умением заставить других верить в то, что не отвечает их убеждениям.

Главное, из чего я исходил в своих установках, заключалось в определении частной собственности как общественной сущности человека. Никакого коллективизма! Никакого коммунизма! Прямая выгода! Ведь для навязывания идей нет благодатней среды, чем та, в которой обобществлены средства производства. Неравенство – вот питательная среда для мозгового разнобоя!

И мне следовало насаждать его повсеместно – даже среди тех дикарей, которые вчера ещё не говорили «ни бэ, ни мэ». Уже им следовало понять то, что они имеют право на долю окружающего мира. Каждый из них. И, главное: доля эта не обязательно должна быть равна доле сопещерника. «Divide et impera!» – Разделяй и властвуй!

Я стал активно внушать человечку мысль о том, что предпринимательская деятельность – то есть, труд с целью получения наживы – есть смысл и назначение человеческой жизни. Отныне лишь результаты этой деятельности должны были являться мерилем достоинства личности. Не просто выглядеть таковыми в глазах индивидуумов – быть ими! Быть таковыми на уровне «нравственных установлений общества!»

Главными добродетелями теперь объявлялись честолюбие, индивидуализм и эгоизм частного собственника. Таким образом, согласно моему плану, осуществлялось противопоставление точки зрения индивида обществу. Общество начинало превращаться в нечто побочное по отношению к природе человека – той самой, хищнической, звериной, рваческой, определившей его на роль потребителя вещей и наслаждений.

Отныне социальные проблемы больше не должны были восприниматься индивидуумом как свои личные. На базе признания безусловного приоритета частной собственности производилось тотальное переосмысление морали. Мораль теперь ориентировалась на эгоизм – даже в форме цинизма, представлявшего собой презрительное отношение к былым ценностям.

Я стал культивировать, холить, лелеять и всемерно насаждать эгоизм не только как новую поведенческую установку, но и как новую мораль, единственно нужную человеку. Обе они выражали предпочтение личных интересов интересам общества. «Люби себя – чихай на всех!» – как скажет потом один мультипликационный персонаж.

Разумеется, все эти положения не были плодом одних лишь умозрительных рассуждений. Я уже не раз на страницах этой книги говорил о том, что «человек массы» виден мне насквозь – со всеми своими потрохами и убогими мыслишками. (Это, в том числе – и о вас, уважаемо-неуважаемые читатели). Природа человека не представляет для меня загадки. Порой куда интереснее наблюдать муравьёв или пчёл с абсолютным порядком и гармонией их жизни.

А человек... Он прост. Он – весь, как на ладони. Он – то же самое животное, что и любое другое. С одним небольшим, но существенным дополнением: он хуже всех них – как по отдельности, так и вместе взятых.

Лишь потому, что свою звериную сущность он хочет прикрыть «фиговыми листками» продуктов сознания, отредактированных так называемым обществом. Это якобы даёт ему больший удельный вес – вследствие чего он и мнит себя «царём природы», в действительности являясь её потребителем и губителем.

Отсюда – вывод: можно пожалеть зверя на четырёх ногах, но жалеть зверя на двух не стоит. Я всегда «держал в уме» эту мысль, работая с человеком и его предрассудками. В конечном итоге, меня нисколько не занимает судьба этих жалких тварей: они для меня – всего лишь расходный материал в этой неожиданной фазе нашего противостояния с Alter-ego.

Глава восемнадцатая

Препарировав сущность человека, я начал активно внушать ему мысль о том, что нравственность исходит из выгоды. «Хапай и насыщайся, ибо всё это нравственно!» «Благосостояние – высшее благо!» «Личное благополучие – высшая цель!» «Максимальное удовлетворение потребностей – смысл жизни!» «Удовольствие – вот то, ради чего только и нужно жить!»

Всё это не могло не подрывать религию, в любой из своих форм проповедовавшей смирение и страдание. Последний «компонент» давался всеми религиями, как ниспослание свыше в порядке испытания веры. За это «прошедшему испытанию» «полагалась» («отмеривалась», «отвешивалась») награда. В своё время и «в другой жизни».

Такой момент для окончательного «просвещения человека» упускать было нельзя. И я его не упустил. Я разъяснил людям, что гипотетическую награду «от небесного производителя» можно получить уже здесь, на земле! То есть, «жри от пуза и валяй дурака»! А, вот, будет ли она «там» или нет – это ещё большой вопрос! Поэтому я активно внушал человеку: «Не теряйся, приятель: хватай! Удовольствуйся! Живи! И не „где-то там“, и не завтра – здесь и сейчас!»

Другим принципом, которым я намеревался одарить сознание человека, являлся аморализм. Да, на слух – «не очень». Но мне предстояло втолковать индивидууму то, что подлинный аморализм не имеет ничего общего с тем содержанием, которое вложили в это понятие ханжи от науки и веры.

И я объяснил человеку, что навязываемая обществом нравственность – это оковы для личности. Что настоящая свобода не может быть сдерживаема никакими искусственными представлениями о допустимости или же недопустимости того или иного образа жизни либо конкретного поступка.

Я помог человеку понять, что все эти, так называемые этические нормы – не что иное, как оценочные суждения отдельных людей, навязанные обществу в качестве догм и нормативов поведения. Отсюда безнравственность – это всего лишь освобождение от догм, от пут чьих-то субъективных оценок. Не зря ведь тот же самый Эпиктет говорил о том, что добро и зло заключаются не в вещах, а в душе, и что удручают не события, а мнения о них.

То есть, безнравственность – это совсем не то, что принято понимать «у нас». В буквальном истолковании безнравственность – это всего лишь антитеза нравственности. Ну, например, как бесстрашие – всего лишь антитеза страху. Ловко я, да?

В философском же аспекте безнравственность – это неприятие чуждых природе человека догм отдельных субъектов, возведённых в нравственные установления общества. Это – всего лишь проявление индивидуумом личной свободы. Это – всего лишь стремление восстановить его природное состояние.

Поэтому безнравственность не есть аморализм как нечто подлежащее осуждению. Да и, что такое аморализм? Это всего лишь отказ от морали как принципа, выгодного лишь тому, кто его навязывает. То есть, обществу, имеющему целью формирование среднестатистического человека. Не выпадаешь из «обоймы» – значит, нравственен. Вот – его ориентир. Отсюда безнравственность – это законный способ поведения личности.

Апологеты устоявшихся догм утверждают о том, что безнравственны как цинизм, так и смирение – как якобы крайние проявления аморализма. Но это, если оценивать принципы и поведенческие установки с колоколенки морали, противоречащей человеческой природе.

Да, смирение не есть природное свойство человека. Но что в нём безнравственного? Только ли то, что человек – по доброй ли воле, или по принуждению – отказался от активной роли в социуме? То есть, оценка этого *modus vivendi* производится исключительно с точки зрения полезности для общества. Следовательно, если абстрагироваться от конкретного получателя выгоды, то нравственно всё, что выгодно.

Но почему выгодно должно быть только обществу? Почему именно оно и должно быть выгодополучателем? Почему индивидуум не может выступать в таком качестве? Только ли потому, что общество присвоило себе право решать, что нравственно, а что нет?

Никаких объективных критериев оценки нравственности общество предложить не может. А, вдруг, именно смирение – нравственно? Или, как минимум, в том числе и смирение? А общество, осуждая «идуших не в ногу», руководствуется исключительно соображениями личной выгоды? Здесь речь – не о религиозном толковании смирения, где под этим подразумевается самоотречение и самоуничижение, а не уход в себя как попытка обретения автономии по отношению к обществу.

Так же обстоит дело и с эгоизмом. Что плохого в том, что личность не позволяет себя «размешать в котле», «пропустить через мясорубку» и сделать «одним из»? Что плохого в том, что индивидуум предпочитает зреть на общество сквозь призму личных интересов? И уже, тем более, никто не может обвинить её в безнравственности, покуда её противостояние с обществом происходит на уровне критериев и поведенческих установок!

Свобода от ложных догм – это свобода от общества, навязывающего индивидууму ложные поведенческие установки в своекорыстных интересах. И наоборот: свобода от общества – это свобода от навязываемых им ложных догм. Поэтому отрицание этих догм – не только не есть преступление, но есть благо для человека.

Всё это я самым подробным образом растолковал массе. «Разжевал – и в рот положил». Не скажу, что добился стопроцентного результата – уж, больно неподатлив материал – но с паршивой овцы, как известно...

Например, мне удалось всучить человеку корыстолюбие и потребительство как нетленные ценности, имеющие первостепенное значение. И не только всучить, но и закрепить их в сознании, как установки.

И уже на базе этих установок я сформировал мещанскую среду как воплощение ограниченности жизненных идеалов узко личными интересами. Я сузил жизненные интересы этой публики до одного-единственного стремления к личному счастью, понимаемому в большинстве случаев исключительно как материальный достаток.

В такой благодатной среде в вопросах веры не могло быть – и не было – места искренности и подлинно глубокому чувству. А без этого нет ни качественной энергии веры, ни качественной её эманации. (Можно дать в переводе: «истечения» – но эманация звучит «красивше». Да и автор предстаёт более солидным товарищем. Тем паче, что это – в русле современных тенденций. Теперь ведь уже не говорят, например, «преимущество»: «приоритет». Не говорят «отклонение»: «девиация». Нет уже «исключительного»: «эксклюзивный». Нет «созидательного»: «креативный». По-русски изъясняться – «в падлу», что ли, даже если под рукой – точный аналог. Так что – какие претензии? Моя «эманация» – жалкий эпизод дерусификации русского языка. Я понятен?)

Но «вернёмся к нашим баранам». Огромной массе людей мне удалось привить и такое замечательное качество новой морали, как корыстолюбие. Существа хилые и слабые, сбивающиеся в стадо исключительно по причине личной несостоятельности, в надежде выжить структурным элементом, осуждают корыстолюбие. Для них оно – качество отрицательное. Ну, ещё бы: то, что недоступно, лучше всего объявить нехорошим. Это мы уже проходили. Ещё в школе. Басня Крылова «Лиса и виноград». (Надеюсь, «мы» и «в школе» читатель не воспринимает буквально: это – обычный литературный приём).

А, между тем, я определил корыстолюбие всего лишь как поведение и мотивы человека, который рассматривает и направляет все свои поступки и взаимоотношения с окружающими с точки зрения личной выгоды. При этом личный интерес всегда предпочитается общественному. Это, своего рода, форма эгоизма в плане отношения к материальным благам.

Ну, и что тут отрицательного? Что отрицательного в подчёркивании изначальной сущности человека, как эгоиста и потребителя? Что отрицательного в выпячивании этой сущности – и, в конечном итоге, в возвращении ей господствующего положения? (Вопроса моей личной заинтересованности в насаждении культа Его, как средства разложения общества, мы пока не касаемся).

То, что естественно, не может быть осуждаемо. Корыстолюбие – это природный *modus vivendi* человека, он же *modus operandi*. Это его защитная реакция на попытки унифицировать его сознание и бытие, на подгонку всех под один аршин. И если человека объявляют венцом творения, то, как это согласуется с превращением его в стадное животное? А все эти принципы, догмы и установки есть не что иное, как борьба с человеком с целью недопущения осознания и проявления им своей индивидуальности!

Человек – потребитель, неважно, какие именно блага он потребляет: материальные или духовные. Ведь не только музыка, живопись, хорошая книга, общение с приятным собеседником представляют собой разновидности блага духовного. Вера в Высший Разум – из того же ряда. По линии благ духовных. Отчего же такое неприятие потребительства? Оттого ли, что идеологи неприятия осознают двойственную его природу?

Ведь, с одной стороны, потребительство – это всего лишь стремление к престижному потреблению, то есть, получению максимума развлечений и наслаждений. Ничего страшного – даже с учётом того, что высокий уровень потребления становится единственным критерием ценности личности, средством утверждения и продвижения наверх.

Но, с другой стороны, потребительство, возведённое в абсолют, дегуманизирует человеческие отношения и ведёт к разрыву социальных связей. Так, во всяком случае, утверждают его противники. И, что самое страшное для пастырей всех рангов: доминат потребительства ведёт к атрофии духовности. В религиозном значении – прежде всего! Как следствие, Бог отодвигается на второй план. На задворки сознания – если, уж, совсем откровенно.

Однако в этом и заключается благо – и порок – цивилизации: чем выше её уровень, тем выше уровень потребления. А чем выше уровень потребления, тем больше вероятность отпадения от Бога. По двум лишь причинам. Первая: при изобилии – не до Бога. И не потому, что, «когда видишь деньги – не теряй времени!» А потому, что зажавшемуся его ничего больше не нужно. Материальное забивает духовное. Забивает – и забывает.

Ну, и вторая причина: в реальной жизни можно будет получить благ куда больше, в большем ассортименте и с более высоким качеством, чем «где-то там, в другой жизни»! И получить гарантированно, а не гипотетически!

Вот откуда неприятие потребительства, а вовсе не из каких-то фальшивых моральных установок. И бороться с этим не просто тяжело: невозможно. Ведь человек непрерывно совершенствует самоё себя и окружающий мир, пусть даже это он только думает, что совершенствует. И совершенствует с одной целью: вкуснее жрать и слаще пить! Всё остальное ему – «до лампочки»! В лучшем случае, что-нибудь из этого «остального» он использует в качестве подручных средств для достижения единственной цели своего бытия.

И цель эта состоит отнюдь не в слиянии с Богом. Будь это так, люди давно уже ходили бы в набедренных повязках и с каменными топорами в руках. Ведь только деграция потребления сведёт человека с Богом. Но это невозможно: цивилизация как самосовершенствующийся конвейер по производству благ – процесс однонаправленный. Остановить его может только одно: уничтожение человека. Желательно вместе с его средой обитания – Землёй. Для большей надёжности...

Я преуспел. И об это свидетельствовало не только чувство удовлетворения, с которым я познакомился на Земле. Ещё нагляднее об этом свидетельствовала реакция Недруга. В переводе на человеческий язык он «рвал и метал». А все потому, что надо было в своё время не дрыхнуть в Небытие, а налегать на теорию!

Но учился Alter быстро. Эта восприимчивость и позволила ему сделать неутешительный вывод: я действительно преуспел. И не только в деле «эгоизации» человечка, но и в разрушении монолита общества. Он даже понял то, до чего не «дошёл» бы иной философ. Ведь, казалось бы, я разрушал то, что сам же и создавал. То есть, противоречил сам себе. Но это – только видимость противоречия. Что Alter, от души... или, как бы это точнее выразить... словом, «выразившись по-русски», вынужден был с горечью признать.

Я создавал общество исключительно в целях личной выгоды. Ведь общество было необходимой ступенью на пути создания классов и государства. Без этого моя борьба с Alter-ego была бы серьёзно осложнена.

Я сохранял и использовал общество как монолит до тех пор, пока мог извлекать из этого состояния хоть какую-то пользу. Но формы борьбы постоянно меняются. Не могло оставаться неизменным и моё отношение к обществу.

Нет, оно нужно мне и сейчас, в тот момент, когда я доказываю читателям факт своего существования. Ведь оно – фундамент государства, вне рамок которого я не вижу способов удержать людей на удалении друг от друга и в состоянии перманентной вражды. Или – хотя бы соперничества. По любому поводу.

Классы, государство, общество будут существовать ещё долго по меркам человечества. Моя «раскольническая» деятельность не направлена на уничтожение общества как такового. Я преследую вполне умеренную цель: не разрушая общества, изменить его структуру. Превратить из союза пылинок и прочих «взвешенных в воздухе частиц» в конфедерацию индивидуумов, разделённых по всем направлениям. А именно: по отношению к собственности, по отношению друг к другу, по отношению к самому обществу и навязываемым им «ценностям».

Ничего постоянного на Земле нет и быть не может. Взаимодействуя со всеми формами непостоянства (как определил!), я не могу использовать одни и те же методы. Как говорят земные философы: «Бытие определяет сознание». Оно же и определяет методы борьбы с самим собой. То, что ещё вчера представлялось не только целесообразным, но и единственно приемлемым, сегодня, в изменившихся условиях, уже таковым не выглядит. Напротив, из прогрессивного средства оно переходит в регрессивное. Борьба за процесс обращается в его тормоз. А средство, обеспечивающее победу, становится своей противоположностью.

Отсюда – и трансформация моего отношения к обществу. Кто не опаздывает, тот успевает. Даже преуспевает – как в нашем с человеком случае. Ведь его сознание – тот самый материал, из которого Alter мог вылепить всё, что потребуется. Поэтому, «разложив человека в самом себе» и вернув его к естественному состоянию, я опять «помог» «соседу» усложнить задачу. Чтобы жизнь не казалась мёдом.

Заканчивался очередной этап нашего противоборства. Нам обоим предстояло определяться со следующими шагами. Ну, и, конечно – с выбором оружия: всё меняется, всё течёт. Неизменно только одно: цели противников.

Глава девятнадцатая

Alter – не из тех, кто может долго пребывать в сомнениях и раздумьях. Это я к тому, что он быстро определился с дальнейшими планами. Возможно, ещё тогда, когда признавал факт очередной неудачи. Я не исключаю того, что уже тогда «родственник» не просто задумывал ход: он уже планировал его, представляя характер ответа и прорабатывая детали.

Безусловно, он извлёк выводы из своих относительных неудач – и выводы правильные. Я несколько не сомневался в этом. Почему? Да, потому, что каждый его новый шаг был не только производным «горького опыта», но являл собой дальнейшее развитие заимствованной у меня формулы успеха. Так произошло и на этот раз.

Alter, наконец, смирился с тем фактом, что «все люди – разные». Именно таким был результат нашей борьбы «за душу» человека. Он понял, что некоторые людские массивы уже не являются той благодатной почвой, на которой можно насаждать иноземного «Единогобога».

Поняв это, «родственник» в очередной раз оттолкнулся от моего лозунга «Каждому народу – по персональному Богу!» – и начал развивать идею в направлении, представлявшем стратегический интерес для нас обоих. Он решил дать Яхве отставку. Заменить бесперспективного товарища должен был другой образ, имеющий больше шансов на прохождение в Боги Единые. Пусть и не всех людей, но такой массы, энергии веры которой хватило бы для реализации проекта.

Избирая нового претендента на умы и сердца, Alter сделал, как мне казалось, странный выбор. Как минимум, неожиданный. Его избранником стал некий Иисус, уроженец «земли обетованной». И если последнее не вызывало вопросов: Alter давно уже «неровно дышал» к семитам, то персонаж удивлял.

Иисус не казался мне экстраординарной личностью. Среди его соплеменников попадались и более «ярко окрашенные» персонажи. Он же ничем не выделялся из массы. Я даже не говорю о его внешнем облике – типичном облике типичного семита: темнолицего, горбоносого, с чёрными, как смоль, курчавыми волосами, низкорослого, нескладного, с большой головой и коротким туловищем, хилого телом.

Забегая вперёд, скажу, что потом один из ревностных апологетов этого парня, некто Тертуллиан напишет: «Облик его был лишён какой-либо красоты и обаяния... Нет в нём ни вида, ни величия...» И ему будут вторить, как соратники – Ориген, так и противники – Цельс.

Первый из них представит уродство Иисуса как доказательство его божественной сущности, как, своего рода, неоспоримое свидетельство превосходство духа над телом.

Цельс, более «приземлённый» в суждениях и оценках, даст портрет кандидата в Боги значительно резче и без идеологических вывертов: «...люди рассказывают, что Иисус был мизерного роста и с таким некрасивым лицом, что оно вызывало отвращение».

Как может увидеть даже слепой читатель, моё мнение о внешности протезе Alter-его разделяли и представители человеческого рода, в плане оценки Иисуса и «его» учения принадлежащие к противостоящим лагерям.

Но, всё-таки, кое-что в нём было. При том, что он был абсолютно безграмотен, не умел ни читать, ни писать, не имел никакого образования, не имел – и не стремился иметь – представления о науках, он умел слушать и запоминать. Это великий талант: слушать. В те времена «в земле обетованной» даже «священное писание» передавалось не из рук в руки, а из губ – в уши. Разумеется, при этом текст не был свободен от искажений, но главное сохранялось.

И главное это заключалось в представлениях как об богоизбранной сущности народа, так и о том, что он ждёт, не дожждётся посланца от Бога, который доведёт до его сведения не только волю Всевышнего, но и план мероприятий по достойной встрече Царства Божия.

Иисус умел не только слушать, не только запоминать материал дословно по причине отменной памяти, но и анализировать услышанное. Умение анализировать и делать выводы – ещё один великий талант. Не каждому он даётся. И со временем в голове Иисуса начала всё отчётливее формироваться мысль о своём призвании. Нет, он ещё не помышлял о роли Мессии. Речь пока могла идти только о занятии пророчествами. И не с целью извлечения их этого занятия материальных доходов, как это делали многие его коллеги по ремеслу. Иисус оказался на удивление честен в своём бескорыстном служении призвавшей его Идее.

Тут надо заметить, что пророков в то время бродило «по земле обетованной» великое множество. Достаточно сказать, что ещё до того, как Иисус решил взяться за это неблагодарное занятие, в Палестине насчитывалось не меньше тридцати авторитетных пророков-путешественников. Как минимум, двенадцать из них имели популярность большую, чем у Иисуса даже в то время, когда тот был на пике активности!

Отсюда становится понятным, какой разnobой имелся в мозгах обитателей этого жалкого клочка Земли. Разумеется, такое положение не могло устроить Моего Недруга – и он начал готовить Иисуса к роли «Истинного Пророка», Единственного среди всех.

Задача даже для Alter-ego была непростой – что, уж, тут говорить о каком-то сыне плотника. Уж, очень искушёнными были граждане иудеи в вопросах веры! Эту публику на мякине не проведёшь! Да и наслушался уже народ и пророков, и их никогда не сбывающихся пророчеств. В наличии имела парадоксальная ситуация: чудовищная, доходящая до фанатизма вера, легко уживалась с невероятным скептицизмом в адрес пророков и их пророчеств! Такова, уж, неоднозначная природа еврея!

Небольшое отступление «от линии». Противники новой веры в критике личности Иисуса дошли до откровенных домыслов неприличного свойства. Понятно, что в борьбе все средства хороши, что цель оправдывает средства, но надо блюсти внешние приличия! Ведь и самого гряземетателя могут оделить таким же «добром».

Так вот: Цельс начал, а его последователи подхватили и понесли по умам байку о том, что Иисус был незаконнорожденным сыном гулящей бабёнки Марии, которая «прижила» сынка с римским легионером по имени то ли Пантер, то ли Пантера. А законного мужа у неё к тому времени и не имелось.

Вынужден огорчить сторонников этой версии: ценность её так же ничтожна, как и ценность утверждений о мифичности самого объекта домыслов. Реальный Иисус был законнорожденным сыном своих законных родителей, состоящих в законном, освящённом Яхве, браке. Подчёркиваю: сыном своих родителей – и ничьим больше. «Sapienti sat»? Или всё ещё «не въехали»?

Не Иисус – миф, якобы созданный отцами новой веры, а утверждения о неисторичности этого человека. Мне, разумеется, известны ссылки на все источники, которые должны подкреплять версию «неисторичности Христа». Не стану отрицать того, что даже современные ему иудеи ничего не знали о нём. Что, уж, тут говорить о греческих и римских странах?

Факт и то, что имя его появляется у языческих авторов лишь сто лет спустя – и то в связи с мятежами. Даже авторитетнейший Филон Александрийский, умерший в пятидесятом году, ничего не слышал об Иисусе. А Иосиф Флавий, который родился в тридцать седьмом году «от рождения Христова», упоминает лишь о казни Иисуса. Да и то – как о второстепенном событии. В его перечне сект христианам не нашлось места.

Не тайна для меня и то, что последний из знаменитых историков того времени, современник Иосифа Флавия – Юст из Тивериады, рассказывая о наиболее значительных событиях того века, даже не упоминает имени Иисуса.

Всё это мне известно. Только, что это доказывает? Подобные «наскоки» легко отразить простейшим доводом: если о вас, неуважаемые читатели, нигде не упоминать, то неужели это будет означать, что вас нет и никогда не было? Что же касается авторов «неупоминаний»

об Иисусе... Конечно, даже сейчас, постфактум, я мог бы подсказать им идею внесения соответствующих упоминаний. Прошлое изменится, изменится и настоящее – и никто из критиков историчности Иисуса не будет оперировать их именами. Да и самих критиков не будет: перейдут в ряды апологетов.

Только зачем это делать? Ведь это будет противоречить их пониманию истории. Тому самому, в котором слухи об очередном мессии представлялись столь незначительными, что их сочли недостойными упоминания. Этим авторы ничуть не умалили историчности Иисуса. Они лишь выказали своё отношение к факту, незначительному с их точки зрения. Увы: они не смогли понять ни значения этой личности, ни смысла его деятельности, ни, тем более, его участия в нашем извечном споре.

Почему я так ревностен в апологии историчности мессии? Да потому, что неверие в этот факт не только противоречит истории, но и задевает меня лично, как участника тех событий. Как противника Alter-ego, на стороне которого выступил и ведомый им Иисус! Что же это получается: выходит, мне противостоял дух? Призрак? «Никто и Ничто»?

Уверяю всех скептиков: Иисус не менее историчен, чем каждый из вас. Но только Иисус, сын домохозяйки и плотника! Зрю непроглядную темень читателей – и всё же надеюсь на то, что хоть в чьи-нибудь мозги слова мои прольют свет правды.

Но вернёмся к избраннику и его деятельности. Надо самокритично признать, что Alter быстрее меня разобрался в сущности Иисуса. Он лучше и глубже меня увидел потенциал этого человека. И здесь уже никакой роли не играли ни поразительное невежество Иисуса, ни его неуравновешенный характер, ни отсутствие у него желания развиваться «в общепринятом смысле»: «врач, исцели себя!», Тем паче, что иудеи, как верно будет подмечено впоследствии, традиционно просили знамения, но не мудрости.

Иисус оказался человеком, единственно подходящим на ту роль, которую определил ему Мой Недруг. А вот я не сразу увидел в нём этого Человека: недотумкал. Это и позволило Alter-ego без помех «запустить проект». Иисус должен был стать пророком новой веры, основанной на ветхозаветном базисе, но с существенными дополнениями «от автора».

Впоследствии некоторые, не знавшие Иисуса не то, что близко, но и «далеко», стали представлять его чуть ли не мятежником, зовущим народ на борьбу с римлянами. В доказательство приводились даже неправильно истолкованные логики и поступки Иисуса. Например, изгнание из храма менял выдавалось за наглядное свидетельство воинственности Иисуса. А объявление себя «Царём иудейским» и провозглашение Царства Божия – как желание восстановить независимое еврейское государство. Якобы в ту же «кассу» и его слова о том, что не мир он пришёл принести, но меч. А, уж, изречение «продай одежду свою и купи меч» выдавались даже не за инструкцию, а чуть ли не за приказ военачальника своим ратникам.

Как далеки были эти люди от понимания Иисуса и проповедуемого им учения! Да, в известном смысле он был мятежником. Но мятеж его – иного рода, не обращённый против конкретного носителя зла. И, уж, тем более, не обращённый остриём меча! Как скажет потом Ницше, пожалуй, глубже других людей постигший сущность Иисуса, мятежное движение, окрещённое его именем – это иудейский инстинкт, который изобретает ещё менее реальное представление о мире.

Отсюда, суждение об Иисусе, как некоем святом анархисте, вызвавшем на противодействие господствующему порядку низший народ, не кажется мне таким, уж, безрассудным. С одним лишь уточнением. Иисус действительно повёл за собой низы, но не на штурм крепостей римлян, а на штурм душ человеческих! На штурм устоявшихся представлений, ложных и губительных для человека, с точки зрения самого предводителя!

Только в этом смысле можно понимать оказание им противодействия господствующему порядку. Противодействовать надлежало «порядку» в мозгах, в нравах и отношениях между людьми, а также между людьми и Богом. На баррикады он никого не звал. Да и вряд ли ноша

Иуды Маккавея оказалась бы ему по плечу. Даже без учёта несовместимости взглядов обоих на средства и цели борьбы.

Если логики и поступки Иисуса, вытекающие из его видения проблемы, считать политическим преступлением, то Иисус, с точки зрения режима, был преступником. Ведь его проповеди носили откровенно революционный характер. Но здесь следует оговориться: ни в коем случае не надо понимать эту «революционность» буквально, как призыв. Тем более, не следует понимать это, как движение к перевороту в классическом значении слова. То есть, к перевороту государственному. Иисус хотел совершить переворот в сознании и в общественных отношениях. Только в этом смысле можно говорить о его революционности.

Никто из учеников Иисуса, не говоря уже о современниках, не смог определить реальности, на которых выросло новое учение. Это сделал – уже гораздо позже – всё тот же Ницше, определивший эти реальности как физиологические, и даже назвавший их: инстинктивная ненависть к реальности как следствие крайней чувствительности к страданиям, и инстинктивное отвращение от всякой вражды. Ницше определил это как гедонизм на вполне болезненной основе.

Пожалуй, в таком восприятии Иисуса что-то есть. Он и в самом деле не был воином. И, как всякий щедушный человек, он действительно страшился боли. Практически ежедневное наблюдение страданий людских и их непреходящей вражды по любому поводу приводили его к мысли о необходимости объединить людей на новой «идеологической» основе. И Alter помог ему в формировании идейной базы новой веры. Любовь к Богу, милосердие, взаимное прощение – вот, по большому счёту, и весь закон Иисуса.

Мой Недруг сделал Иисуса апостолом и рабом своей Идеи. Идеи Alter-его, ощущаемой и принимаемой Иисусом, как своей собственной, выстраданной лично им. Это говорит об отменном постижении «соседом» как внутренней сути Иисуса, так и того, чем можно было увлечь массу.

Идея о неизбежности явления пророка, который принесёт Благоую весть о Царствии Грядущем, была не нова. Все религии, так или иначе – это тандем «пророк – Высший Разум». Иное дело – восприятие идеи. Вот здесь «пипл» выдал отменный разнбой. Но, как Отец Идеи, Alter не возражал против того, чтобы Иисуса принимали и за сына Человеческого, как это делали мессианисты, и за сына Давида, во что веровали евреи, и за сына Божьего, и за воскресшего Иоанна – и даже за «вознесенца» Илью. Хотя, что тут такого: все объекты сравнения – достойные товарищи!

Примечание: сам Иисус, отдать ему должное, никогда не называл себя Сыном Божиим. А, если пару раз подобное упоминание и встречается в евангелиях, сочинённых «в обход Рабби» и нередко искажающих его образ, то этому легко противопоставить разъяснение нашего героя о том, что сынами Божьими являются все люди. Ну, или могут сделаться таковыми.

Должен заметить, что подобная скромность Иисуса – это не только следствие благоразумия пророка, но и в ещё больше степени результат моей работы. Уж, очень активно Alter стал навязывать своего протеже в качестве Сына Божьего, пророчествующего грядущее Царствие Божье.

Кстати: насчёт «Сына» и «Царствия». И «сыновность» Иисуса, и «Царствие Божье» – это всего лишь символы. Аллегории. «Сын» – это вступление в чувство блаженства. «Два – в одном»: акт вступления и субъект вступления. И то, и другое – одновременно. «Отец» – само это чувство, чувство вечности и совершенства. А «Царство Небесное» есть ощущение сердца, «праздник души» – а не то, что «выше Земли» или «то, что после смерти».

Это постижение Истины мне даже не пришлось вкладывать в мозги Ницше: парень и сам дошёл. И правильно: не бином Ньютона! Всё это настолько очевидно, что доступно пониманию любым человеком, стоит тому всего лишь задуматься над природой образов и понятий.

Именно так и понимал сам Иисус эти категории, не наделяя их ни физической оболочкой, ни тем более, материальной субстанцией. Именно такое понимание «Сына Божия», «Отца Небесного» и «Царствия Божия» он и пытался донести до сознания человека, не проповедуя заоблачных абстракций. «Царствие» было на земле – и прийти к нему, в представлениях Иисуса, можно было лишь тем путём, который он и указывал людям. Хотя сам Иисус постиг исключительность этого пути не сразу, а методом проб и ошибок, традиционным для ищущего человека.

Применительно к нему следует говорить не о его «Божественном происхождении», а лишь о его «Божественном посланничестве». Ведь и он сам рассматривал себя лишь в таком аспекте. И без моего вразумления Иисус не стал настаивать на своей «неземной» сущности и родстве с Богом. Хотя он и не останавливал учеников и наиболее «ретивых овец из стада Христова», которые то и дело провозглашали его Сыном, Мессией, Царём Иудейским и так далее. Понимая условность этих титулов и их исключительно пропагандистское назначение, сам Иисус предпочитал именовать себя Сыном Человеческим, что абсолютно соответствовало действительности. А если бы ещё и оба этих слова писать с прописных букв, то честности парня цены бы не было!

Критики сказаний о жизни Иисуса нередко будут заявлять о том, что новозаветный Иисус показал себя всего лишь демагогом, не предъявившим никаких доказательств божественного происхождения.

Не могу согласиться. Для начала скажу, что эти люди так ничего и не поняли. Они не поняли двух главных вещей. Первое: Иисус в представлении авторов Нового Завета не имеет ничего общего с реально существовавшим человеком. Потому, что в одних случаях авторы необоснованно превозносили его, в других – столь же необоснованно и приземляли.

Иисус, хоть и заявлявший устами Иоанна о том, что царство его – не от мира сего, не был тем, при взгляде на которого люди выразительно крутят пальцем у виска. Хотя, с точки зрения даже современников, он был достаточно странен – и в сравнении не только с обывателем, но и со своими коллегами по ремеслу. Парень-то он был неплохой. Но слабость никогда ещё не была силой. Разве, что женская. Жёстче надо было! Жёстче! Брал бы пример с «Отца своего Небесного»!

Настоящий Иисус был и сложнее, и проще литературного «двойника». Главный недостаток авторов заключается в том, что своими писаниями они перечеркнули земного человека. В их пересказе Иисус – и не человек вовсе, а некий гибрид человека и бога: человеко-бог. Отсюда – не только неверие многих людей в божественную сущность (это бы ещё ладно), но и неверие в историчность и пророческую миссию этого человека.

Хотя, «грешным делом», это я сам и поспособствовал формированию таких взглядов на личность Иисуса. И благоглупости в писаниях – тоже следствие моего наущения. А что делать: борьба есть борьба, и в ней нет места сантиментам! А коль скоро Иисус действовал на стороне Alter-ego, то у меня не было ни малейших оснований щадить его.

Вторая главная вещь, не понятая критиками Иисуса: он и не собирался представлять доказательства своего «неземного» происхождения». Тем более что и начинал он как вполне земной проповедник. И только потом уже, стараниями учеников и приверженцев, пошла молва о нём, как о Сыне Божьем, Царе Иудейском и так далее. Самому Иисусу ни эти титулы, ни эти представления о себе не были нужны: он ведь проповедовал не себя, а Идею!

Что же касается отсутствия с его стороны возражений на присвоение ему «несвойственных чинов», то это было вынужденной уступкой сознанию верующих. Без этой уступки миссионерская деятельность Иисуса не имела бы шансов на успех. Ну, или, в лучшем случае, шансы бы эти были мизерными: конкуренция-то, какая!

Так, что обвинять парня в том, что он – самозванец, да к тому же ещё и не пытавшийся оправдать своё самозванство, несправедливо. Хотя – опять же с точки зрения нашей с Alter-ego

борьбы – выгодно. Выгодно представлять Иисуса безответственным демагогом, самозванцем и выходцем из «племени» шарлатанов, коим несть числа.

Почему же я сейчас так самокритично признаю своё деятельное участие в дискредитации Иисуса? Отвечаю: а почему бы мне этого не делать? Во-первых, Иисус – протеже Моего Недруга. Уже в силу этого признание отнюдь не дискредитирует меня. А, во-вторых, Иисуса больше нет: он умер. И тот этап борьбы давно уже в прошлом. Никто и ничто уже не может навредить мне. Поэтому я спокойно могу делать «саморазоблачения» – с изрядной долей самодовольства.

Да, и потом: все честные мемуаристы, описывая события прошлого и своё участие в них, никогда не уклоняются от освещения фактов. Даже тех, что кажутся обывателю неоднозначными. Я – из таких мемуаристов. За небольшим, но существенным исключением: в отличие от традиционных авторов воспоминаний, я – не человек. И мне не свойственны присущие им слабости. Как Олицетворение Истины В Последней Инстанции, я полностью исключаю субъективный подход. Я не просто не нуждаюсь в этом: это противно моей Сущности. А нравится кому-то истина или нет – это уже, как говорится, вопрос вкуса.

Надеюсь, мои слова насчёт «Истины в Последней Инстанции» вы не принимаете за бахвальство? Подумайте, прежде чем принимать. Хорошенько подумайте. А, вот, почему – об этом вы узнаете в своё время. И лучше вам послушать меня сейчас, чем проклинать себя потом...

Глава двадцатая

Я несколько перехвалил Alter-ego. Идея, которую он навязывал через Иисуса, не была ещё законченным учением. Окончательно она ещё не сложилось ни в голове Иисуса, ни в представлениях Его Наставника. На пути к конечной форме Идея шаркалась из стороны в сторону, предлагая то одни ценности, то другие, прямо противоположные им.

Я не стал ждать, пока Alter доработает теорию: сам помог ему. В своём стиле: бери идею врага, развивай её до абсурда – и превращай неудачу в успех. Моя задача состояла в том, чтобы не дать имеющимся противоречиям развиваться в цельное учение, способное увлечь за собой массы. Это – первое. Второе: мне следовало выпятить их, показав Иисуса мечущимся импровизатором «без оси и царя». Я должен был всячески использовать непоследовательность Иисуса в словах и поступках для подачи его в невыгодном свете.

Труды мои не пропали втуне. Иисус то проповедовал «овечьё» смирение, то вдруг набрасывался на меня в храме, которые, по большому счёту, ничем предосудительным не занимались. Ведь торговцы, чьи лавки стояли в храме, торговали лишь предметами культа и тем, что было необходимо для совершения жертвоприношений. Помогая отправлению культа, они, по сути, занимались богоугодным делом.

Что же до меня, оболганных будущими христианами, то это были отнюдь не ростовщики, а люди, которые всего лишь помогали разменять прихожанам «купюры» по причине отсутствия у торговцев монеты на сдачу. Иногда они работали в качестве «валютного обменника», поскольку в храм несли «купюры» всего античного мира. Что же в этом предосудительного? Разве это основание для избиения и погрома?!

Чистой воды мелкое хулиганство Иисуса было следствием не только его поведенческого разнobia и очередного нервного срыва, но также и результатом отсутствия у него представления о том, что именно он несёт в умы людей. О том, кто несёт, Иисус имел чёткое представление, несмотря на все потуги окружения превознести его до заоблачных высот.

Что ещё хотелось бы отметить в проявлениях Иисуса, так это его постоянные сомнения. Рассуждая абстрактно, вне конкретной персоны, сомнения – признак настоящих личностей. Это ведь только глупец ни в чём не сомневается. «Всё подвергай сомнению!» – скажет впоследствии один «коллективный» мудрец. И будет абсолютно прав, ибо только в результате сомнений относительно чего-либо, как данного раз и навсегда, и пробивается к людям истина.

Но сомнения пророка – это уже явление другого порядка, далеко не столь однозначное и положительное. Сомнения Иисуса-благовествователя – один из главных изъянов его сознания. Мессия не должен сомневаться ни в чём, ибо он – всего лишь «почтальон» Господа. Что велено – то и передал! Малейшая неуверенность проповедника, любое его отклонение в сторону «от линии» тут же порождает недоверие к нему со стороны «потребителя». И, ладно бы, только к нему: к отправителю!

Ситуация усугублялась ещё и тем, что сомнения Иисуса являлись одной из главных составляющих поведенческой установки этого парня. Отсюда – вся его неуравновешенность и непоследовательность, все эти многочисленные перепады настроения «по поводу и без».

Вот, я говорю: «ситуация усугублялась». Поняли уже, для кого? Ясно, что не для меня: для Иисуса и его патрона. И почему она «усугублялась» – тоже не тайна: моя работа. Честно говоря, я не сразу распознал в этом невзрачном иудее потенциал вождя. Поэтому сначала и не придал ни ему, ни его проповедям должного значения.

Но когда я пригляделся к нему внимательней, тут же понял: малый при надлежащем руководстве имел перспективу – и серьёзную. Следовало «приземлить» Иисуса, который иногда вдруг начинал верить в то, что он – не сын плотника и домохозяйки. И неважно, что «искрив-

лённое представление» о природе своего «я» было результатом коллективных усилий недалёкого его окружения и Моего Недруга.

Говорят, что лучшее средство для приведения кого-либо в чувство – мордой об стол. Я бы не стал выражаться так грубо и прямолинейно, Тем более, применительно к своему противнику: коль скоро Иисус находился под патронажем Alter-ego, то я и рассматривал его в качестве такового.

Для решения своих задач мне нужно было вырвать Иисуса из эмпирического сознания и чаще сталкивать его с земной действительностью. Я должен был обеспечить непрерывное противопоставление его благодушным фантазиям суровых реалий бытия. Лучшего средства, чем окружить его «пиплом», я не видел. Сводя Иисуса с теми, кто не только жил не в соответствии с его представлениями, но и осмеивал его проповеди, я сотрясал равновесие в душе Иисуса, повергая того в смятение и даже страх.

Без ложной скромности: я преуспел – и немало. Как впоследствии заметит один небесталанный мыслитель по имени Эрнест Ренан, и в божественности должен быть перерыв. Нельзя быть постоянно Сыном Божиим. Им бывают всего лишь на несколько часов. В пору внезапных озарений.

А люди... нет, не подосланные: всего лишь правильно сориентированные – соприкасаясь с Иисусом, понижали его до своего уровня. Любыми способами: убожеством мышления, исключительно плотским образом жизни, тяготением к материальному, навязыванием или даже чистосердечным предложением Иисусу того, что претило его «божественному предназначению». То есть, своим вынужденным обществом, в котором иллюзиям не было места.

Соппротивление, как пишут в детективных романах, «бесполезно: дом окружён». Иисус, как тот дом, тоже был окружён. Людьюми, которые «убивали» его «землёй». В итоге, идеализированные представления хлопца о самом себе то и дело наталкивались на представления о нём других людей. Мало того: они наталкивались и на собственные представления об окружающем «неправильном» мире, который никак не хотел исправляться.

Это не могло не оказывать на миссионера совсем даже не пустякового, влияния, буквально «обламывая» ему «крылья». Ведь как скажет потом основоположник марксизма: невозможно жить в обществе – и быть свободным от него. Вот так и Иисус: как бы ни старался он освободиться от пут общества, это ему не удавалось. А я, «по мере возможности», помогал обществу в удержании Иисуса и в ещё большем упрочении пут.

Иисуса убивало это соприкосновение с миром, с грубой и приземлённой бытовщиной. «Богу» невыносима земная среда. Она делает его таким же грубым, приземлённым и понятным. А что может быть хуже и страшнее для Господа, чем стать понятным обывателю?! Постигание Бога тем, кому доверено лишь поклоняться – это смерть для Бога. Ведь смысл любой веры – это трансцендентность, то есть непостижимость сущности Объекта Веры.

Я уже видел, что Иисус – на пределе. Ноша, которую взвалил ему на плечи Alter, оказалась ему не по плечу (пардон за невольный каламбур). Мир, против которого выступил Иисус, оказался сильнее его проповедей. И мир этот – современное ему общество, сознание людей и все его формы, а вовсе не конкретный поработоритель-Рим.

Да и тон, взятый им в работе с аудиторией, мог продержаться лишь несколько месяцев: на большее Иисуса не хватало. И он сам понимал это – я ведь уже говорил о том, что парень был исключительно честен перед людьми и своей миссией. Даже в тех случаях, когда под влиянием учеников и аудитории вынужден был участвовать «в сотворении чудес».

Как и всякий правоверный иудей, Иисус изначально верил в возможность чудес. Правда, до начала миссионерской деятельности случай увидеть хоть одно из них собственными глазами ему так и не представился. И толпа, которой он адресовал «своё» учение, тоже верила в чудеса – и тоже никогда их не видела. Но в книжках-то они совершались: авторитет патриархов – тому свидетельством!

Поэтому масса не просто ожидала – требовала от Иисуса чуда. Ведь, если он и в самом деле – от Бога, то просто обязан представить «верительные грамоты». Попытки Иисуса «уйти от ответственности» заявлением о том, что, «род лукавый и прелюбодейный хочет знамений – и не будет им знамений», срабатывали не всегда. Чаще всего он вынужден был «играть по правилам». Да, это выглядело не «по-божески», но только так Иисус и мог «достучаться» до мозгов соплеменников.

Конечно, не в демонстрации чудес Иисус видел смысл учения. Но даже его красноречие не могло утолить обывательской жажды фокусов. Почему так прямолинейно: «фокусов»? Да, потому, что ни одного из так называемых «чудес» Иисус не совершал. Часть они происходили поневоле, вне его желания. То есть, никакого умысла на обман в его действиях не было. Ну, как, например, в случае «хождения по морю, аки по суху», где имел место рядовой оптический обман зрения по причине свойств атмосферы, наверняка не знакомых и моему читателю.

В других случаях Иисусу приходилось участвовать в «театрализованных постановках». Как, например, в ставшем широко известным «воскресении» Лазаря. Здесь роли были распределены заранее. Успеху затеи способствовало как актёрское дарование главных действующих лиц, так и природная «тьма» аудитории. Опять же, как тут не вспомнить знаменитое: «эллины просят мудрости, иудеи – знамений».

Мои слова может подтвердить – хотя я, как Истина, в этом и не нуждаюсь – уже упоминавшийся Ренан. Этот вдумчивый, пусть и далеко не во всём правый исследователь жизни Иисуса, сам христианин, признает, что часть чудес, приписываемых Иисусу – легенды. В другой же их части Иисус вынужденно согласился выступить действующим лицом. Ренан даже заявит о том, что люди, о которых говорили, как об исцелённых, впоследствии признавались, что они никогда и не были больны!

Что же касается насыщения четырёх тысяч мужчин, «кроме женщин и детей», семью хлебами и тем, что называется, «немного рыбок», то тут не потребовалось ни видений, ни постановок: не было никакого кормления. Не было и необходимо собирать такую массу народа для участия в «театрализованном представлении»: Иисус и не предполагал демонстрировать подобный фокус. Это – всего лишь аллегория. И в ней составители евангелий просто хотели выразить благодарность Иисусу за то, что пока тот был с ними, они не испытывали нужды ни в еде, ни в питье, что полностью соответствовало истине.

Ведь исключительно благодаря Иисусу, его умению моментально вычислить потенциального «кормильца-поильца», его красноречию, его завораживающим логиям, нелепым с точки зрения сегодняшнего дня, но кажущимся мистическими его современникам, удавалось на каждую ночь обрести «и стол, и дом».

Правда, значительный успех товарищ имел лишь у женщин и детей – — отсюда и все его «будьте, как дети». Серьёзная публика не воспринимала его в качестве Христа или Мессии, то есть, помазанника Божия. Даже Alter не мог повлиять на ситуацию. Для этого ему потребовалось бы заменить мозги «пипла» на более эластичные. Не мог он и заставить аудиторию силой или внушением поверить Иисусу «на слово». В обществе людей «волшебная палочка» не работает. Здесь нужна длительная, кропотливая и порой неблагодарная работа с неподатливым материалом.

Волей-неволей, Иисусу пришлось выступить светочем маргиналов, с которыми уважающий себя иудей не стал бы и зняться. Что уже говорить о фарисеях с их возведённым в абсурд желанием сохранить ризы незапятнанными – и не только в переносном смысле!

Ну, в самом деле: какой состоятельный иудей может уверовать в идею о том, что не владеть ничем – вот истинное евангельское состояние?! Иисус очень хотел сделать бедность предметом любви и желания. Он полагал, что лишь так человек сможет очиститься от земной скверны и обрести гармонию с собой и Богом. Но согласиться с такой доктриной мог один

лишь голозадый маргинал. И то – лишь в теории. Тех, кто решился бы пойти по жизни с этой установкой, пришлось бы ставить на учёт, как редкий и даже исчезающий вид.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.